

Иоанн Жандунский

Вопросы к двенадцати
книгам Метафизики.
Книги VIII-XI (XII)

Комментарий к Метафизике Аристотеля

Иоанн Жандунский

**Вопросы к двенадцати книгам
Метафизики. Книги VIII-XI (XII)**

«Автор»

2026

Жандунский И.

Вопросы к двенадцати книгам Метафизики. Книги VIII-XI (XII) / И. Жандунский — «Автор», 2026 — (Комментарий к Метафизике Аристотеля)

Книги VIII–XII посвящены учению о субстанции, возможности и действительности, а также первой философии. Рассматриваются вопросы делимости материи от формы, состава небесных тел, природы акциденций, единства сущего и его свойств. Завершается корпус учением о вечных субстанциях, двигателях небесных сфер и первом начале как чистом акте. Антонио Зимара из Сан-Пьетро (1460–1532/1537) — итальянский философ и врач Падуанской школы, верный последователь аверроизма. Он редактировал труды Альберта Великого и Иоанна из Джандуно, а также составил «*Tabula dilucidationum in dicta Aristotelis et Averrois*» (1537) и «*Solutiones contradictionum*» — согласование противоречий между Аристотелем и Аверроэсом. Его работа сыграла ключевую роль в сохранении и распространении латинского аверроизма в эпоху Ренессанса.

Содержание

Начинается книга восьмая.	6
Вопрос I. Отделима ли материя по бытию от формы?	6
Вопрос II. Отделима ли естественная форма от материи по бытию?	8
Вопрос III. Означает ли имя вида форму прежде или составную субстанцию?	10
Вопрос IV. Различаются ли числа по виду?	13
Вопрос V. Воспринимает ли субстанциальная форма большее и меньшее?	16
Вопрос VI. Состоит ли небо из материи и формы?	21
Вопрос VII. Имеют ли акциденции материю, из которой возникают?	30
Вопрос VIII. Может ли непосредственно из уксуса стать вино и из мёртвого — живое?	32
Вопрос IX. Становится ли из материи и формы одно само по себе?	34
Вопрос X. Предшествует ли активная потенция акту?	36
Вопрос XI. Хорошо ли дано определение возможного?	38
Вопрос XII. Возможно ли нечто в природе вещей, что никогда не будет?	40
Вопрос XIII. Определяется ли рациональная потенция к одному через волю и выбор?	42
Вопрос XIV. Находится ли первая материя или та, которая изменяется к форме многими изменениями, в потенции к форме?	48
Вопрос XV. Случается ли обман относительно «что есть» и относительно абстрактных и простых субстанций?	50
Incipit Liber Octavus	51
Quaestio I. Utrum materia sit separabilis secundum esse a forma.	51
Quaestio II. Utrum forma naturalis sit separabilis a materia secundum esse	53
Quaestio III. Utrum nomen speciei significet formam per prius vel substantiam compositam.	55
Quaestio IIII. Utrum numeri differant specie.	57
Quaestio V. Utrum forma substantialis suscipiat magis et minus.	60
Quaestio VI. Utrum cœlum sit compositum ex materia et forma.	64
Quaestio VII. Utrum accidentia habeant materiam ex qua fiunt.	71
Quaestio VIII. Utrum immediate ex aceto possit fieri vinum et ex mortuo vivum.	73
Quaestio IX. Utrum ex materia et forma fiat unum per se.	75
Quaestio X. Utrum potentia activa præcedat actum.	76
Quaestio XI. Utrum differentia possibilis sit bene data.	77
Quaestio XII. Utrum aliquid sit possibile in rerum natura quod nunquam erit.	79
Quaestio XIII. Utrum potentia rationalis determinetur ad unum per voluntatem et proheresim.	81
Quaestio XIV. Utrum materia prima vel illa magis quæ transmutatur ad formam multis transmutationibus sit in potentia ad formam.	86
Quaestio XV. Utrum deceptio contingat circa quod quid est et circa substantias abstractas et simplices.	88
Глоссарий ключевых терминов к девятой книге.	89

Начинается книга девятая	90
Вопрос I. Находятся ли деятельная и страдательная способности в различных субъектах?	90
Вопрос II. Является ли одна наука, или способность, [наукой] о двух противоположностях?	92
Вопрос III. Предшествует ли деятельная способность действию?	94
Вопрос IV. Хорошо ли дано определение возможного?	96
Вопрос V. Существует ли в природе вещей нечто возможное, что никогда не будет?	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Вопросы к двенадцати книгам Метафизики. Книги VIII-XI (XII)

Начинается книга восьмая.

Вопрос I. Отделима ли материя по бытию от формы?

«Чувственные же субстанции» и т. д.

Исследуется относительно восьмой книги, и спрашивается прежде всего о названной части: отделима ли материя по бытию от формы. И аргументируется, что да. Всякая вещь может быть отделена от того, что не является для неё сущностным и собственным, ибо вещь не может быть отделена от того, что является для неё сущностным и собственным, но может быть отделена от того, что не является для неё сущностным и собственным, поскольку это её не определяет; но никакая форма не является сущностной и собственной для материи, так как материя безразлична к любой форме. Следовательно, и т. д.

Далее. То, что субстанциально для чего-либо, не устраняет акцидентального. Это очевидно. Но материя есть субстанция по существу, а форма акцидентальна материи: материя может быть и быть отделённой от формы. Следовательно, и т. д.

Далее. Если всякая форма отделена от материи, то либо материя остаётся, либо нет — это очевидно через достаточное деление. Но если она не остаётся, тогда она разрушима, что против Аристотеля в первой книге «Физики», ибо он говорит, что она не рождена и не разрушима. Следовательно, она остаётся. И, следовательно, отделима от формы.

Противоположное, как кажется, утверждает Аристотель в приведённом тексте, где говорит: «материей же я называю то, что не есть некое определённое сущее в акте». Отсюда можно аргументировать: если материя была бы отделена или отделима от формы, тогда она могла бы быть неким определённым сущим; но это ложно согласно Аристотелю.

К вопросу следует сказать, во-первых, что материя по бытию не отделяется от субстанциальной формы вообще, так что не была бы ни под какой [формой]. И основание таково. Всё, что существует само по себе, либо есть акт, либо имеет акт — через достаточное деление. Но первая материя не есть ни акт, ни имеющая акт, ибо она не есть акт, поскольку находится в чистой потенции, и не имеет акта, который был бы от её сущности, как хочет Комментатор в первой книге «Физики» и в трактате «О субстанции сферы». И так она не может быть [существующей] с устранением всякой формы.

Далее, если бы материя была отделима от формы по бытию, тогда после отделения она была бы либо в акте, либо в потенции — это очевидно через достаточное деление. Но ни тем, ни другим способом нельзя сказать: не [есть] в акте, ибо не имеет актуального бытия; и не [есть] в потенции, ибо с устранением всякой формы от материи материя не имеет никакой потенции к форме, так как не была бы подвижной и способной располагаться к формам, поскольку движение и расположение не принадлежат ничему, кроме сущего в акте. И так устраняется потенция материи к формам, и, следовательно, её природа, поскольку потенция есть собственное свойство материи.

Если бы первая материя была отделена от всякой формы, тогда она не была бы в том же месте с рождённым; но это ложно согласно Аристотелю в первой книге «О возникновении», ибо то, что рождается, и материя, из которой рождается, должны быть в одном месте. Следствие очевидно: ничто не находится в месте, кроме сущего в акте и протяжённого с определёнными измерениями. Поэтому говорит Аристотель в первой книге «О возникновении», что

материя не отделяется от «морфей» и страстей, то есть от форм. И говорит Комментатор в первой книге «Физики» и в трактате «О субстанции сферы», что материя никогда не обнажается от всех форм. И говорит Комментатор, что не обнажается от всех.

...форма одновременно, но всегда стоит под какой-либо. Отсюда, если бы это было так, тогда материя была бы одновременно в акте и не в акте; это ложно. Ибо очевидно, что через себя стоит и существует — это [значит] в акте или акт; но материя не в акте, поскольку в потенции с устранением всех форм. Во-вторых, следует сказать, что она также не может быть отделена от формы в отношении совершенного смысла. И причина такова. То, что находится в чистой потенции, не познаётся совершенно и полно без формы, ибо то, чем движется интеллект, должно быть в акте, поскольку интеллект находится в пассивной потенции; и это очевидно из девятой [книги] этого [труда] и третьей книги «О душе». Но первая материя такова, ибо материя находится в чистой потенции. Поэтому, хотя интеллект может различать между сущностью материи и формой, он не может постичь сущность материи полно и совершенно без формы. И таково намерение Аристотеля в первой книге «Физики», где он говорит, что природа не познаваема иначе как по аналогии с формой. И это он разъясняет в искусственных [вещах], и то же хочет Комментатор там же и в трактате «О субстанции сферы», и в восьмой [книге] этого [труда]. Ибо изменение в субстанции делает известной первую материю, как изменение по месту сделало известной местную материю. Отсюда через отбрасывание и принятие субстанциальных форм мы приходим к познанию первой материи, ибо необходимо, чтобы нечто лежало в основе и оставалось при изменении и противоположностях, согласие которых не вводит раздора. Первая книга «Физики».

К аргументам. К первому: «всякая вещь может быть отделена» и т. д. — допускается. Ты говоришь, что субстанциальная форма и т. д. Следует сказать, что эта единичная форма не является сущностной и собственной для первой материи. Поэтому материя может быть отделена от этой формы, или от той — последовательно и раздельно. Но одновременно и совокупно она не отделяется от любой формы, ибо всегда стоит под какой-либо. Отсюда это собственно для материи — всегда быть под какой-либо формой, хотя не всегда под этой формой; однако она не обнажается одновременно от всех форм, ибо когда отбрасывает одну форму, принимает другую. К другому: «то, что субстанциально для чего-либо» и т. д. — допускается, если не зависит от него в бытии. И ты говоришь, что форма акцидентальна материи, — допускается. И однако, поскольку материя зависит в бытии от формы, поэтому она не отделяется от любой формы; отсюда собственно для неё — стоять под какой-либо формой, как и потенция есть собственный акцидент материи. Или можно иначе сказать к меньшей посылке: форма не акцидентальна материи, как акцидент субъекту, но называется акцидентом, поскольку она вне сущности материи, как индивидуум акцидентален виду и вид роду; но, несмотря на это, род не отделяется от всех видов, и вид от всех индивидуумов, ибо всегда находится в каком-либо подлежащем, как хочет Аристотель в «Категориях»: если не существуют первые субстанции, невозможно, чтобы осталось что-либо из остального. Так, если не существуют субстанциальные формы, невозможно, чтобы осталась материя. Поэтому я хорошо допускаю, что материя не рождена и не разрушима согласно Аристотелю; однако если бы не было никакой субстанциальной формы, материя не существовала бы, ибо ничто не препятствует условному [суждению] быть истинным, антецедент которого ложен и невозможен. К другому, а именно: «с отделением всякой формы» и т. д. Следует сказать, что материя не осталась бы. И ты говоришь, что это ложно, ибо она не рождена и не разрушима, — допускается согласно природе вещи, поскольку всегда стоит под какой-либо формой; но однако если бы она была отделена от всякой субстанциальной формы, материя не осталась бы ни в отношении бытия, ни в отношении потенции. Поэтому когда Аристотель говорит, что она не разрушима, он не понимает [это] в отношении отделения от всякой формы, но она не разрушима, всегда стоя под какой-либо формой.

Вопрос II. Отделима ли естественная форма от материи по бытию?

Последовательно исследуется относительно той же части: отделима ли естественная форма от материи по бытию.

Аргументируется, во-первых, что да. Интеллект есть естественная форма и отделим от материи по бытию; следовательно, естественная форма отделяется от материи по бытию. Большая посылка очевидна, ибо [наука] о природе определяет об интеллекте, как явствует из третьей книги «О душе». И это не было бы так, если бы он не был естественной формой. Меньшая посылка явствует через Аристотеля в двенадцатой [книге] этого [труда], где он говорит, что никакая форма не предшествует составному, но начинает быть одновременно с составным; однако некоторая остаётся после составного, как душа. Но не всякая душа, а именно интеллект. И так интеллект отделим от материи по бытию.

Далее. То, что не зависит от другого в причинности, может быть отделено от него по бытию. Ибо то, что нечто не может быть отделено от чего-либо по бытию, происходит оттого, что оно зависит от него в причинности. Но форма не зависит от чего-либо, как материя, в причинности, ибо форма не зависит от неё, поскольку не имеет никакой причинности над формой. Следовательно, может быть отделена.

Далее. Когда что-либо присуще чему-либо первично и другим [вещам], оно присуще через то первое. Оно может быть присуще первому с устранением последующих, как теплота первично присуща огню и через огонь присуща другим тёплым [телам]. И если бы теплота была удалена от других тёплых [тел], она всё же осталась бы в огне. Но бытие первично присуще форме и другим [вещам] через форму, ибо форма есть первая причина бытия. Следовательно, форма по бытию может быть отделена от материи.

Противоположное, как кажется, утверждает Аристотель в приведённом тексте, где говорит, что из числа форм одна отделима, другая не отделима. Так что Аристотель хочет, что некоторые формы отделимы от материи по бытию, как абстрактные формы, некоторые же нет, как естественные формы и материальные формы. Отсюда и Комментатор в первой книге «Физики» говорит, что из числа субстанций и форм некоторые материальны, как те, что не отделяются от материи и выводятся из потенции материи; другие нематериальны, как отделимые от материи.

Следует сказать к вопросу: во-первых, что естественная материальная форма не отделяется от материи по бытию. И причина такова. Внутренне присущий акт не отделяется от того, чьим актом он является, ибо если бы внутренне присущий акт отделялся от материи, тогда одно и то же было бы внутренне присущим и не внутренне присущим, что есть противоречие. Но материальная форма есть внутренне присущий акт, поскольку она совершенствует материю внутренне и выводится из потенции материи. Следовательно, не может быть отделена.

Далее. Если бы материальная форма была отделима от материи, тогда она могла бы остаться после разрушения составного; но это ложно, ибо форма одновременно есть и не есть с оформленным, как хочет Аристотель в двенадцатой [книге] этого [труда]. Следствие очевидно: если бы форма была отделима от материи, тогда, когда она отделялась бы, составное не существовало бы, и однако форма оставалась бы.

Далее. Та форма, которая конституируется через материю и через субъект внутренне, не отделяется от материи по бытию. Но естественные и материальные формы конституируются через материю и субъект. Отсюда и Комментатор называет их формами, конституированными через субъект, как явствует в восьмой книге «Физики» и в трактате «О субстанции сферы». Следовательно, не отделяется от материи.

Далее. Если бы материальная форма была делима от материи, тогда она существовала бы сама по себе, что против Аристотеля в седьмой [книге] этого [труда], где он говорит против Платона, который хотел, чтобы форма производилась отдельно и существовала отдельно, и затем помещалась в материю. Отсюда и Комментатор говорит в восьмой [книге] этого [труда], что порождающее не даёт множественности, чтобы поместить форму в материю произведённой отдельно, но даёт совершенство. Следствие очевидно: если бы форма отделялась от материи, тогда она существовала бы сама по себе.

Во-вторых, следует сказать, что естественная нематериальная форма, как интеллект, неотделима от материи по бытию. И причина та: та форма может быть отделена от материи, которая не выводится из потенции материи; но нематериальные формы, как интеллект, таковы, как хочет Аристотель в третьей книге «О душе» и в книге «О животных». Отсюда и Аристотель говорит во второй книге «О душе»: «Отделяется ведь это от этого, как вечное от разрушимого», и говорит об интеллекте.

Далее. Другое основание, согласно Комментатору, хотя оно против веры и истины: акт не внутренне присущий отделяется от материи по бытию; но интеллект есть акт не внутренне присущий, ибо Комментатор хочет, что интеллект не есть субстанциальная и внутренне присущая форма по бытию, но по присвоению. Об этом больше не сейчас, ибо это относится к третьей книге «О душе».

Следует заметить, что если кто-либо спросил бы, делима ли естественная форма от материи по смыслу, то было бы сказано, что она вполне делима от обозначенной материи, но не от материи вообще по смыслу, если смысл берётся через познание интеллекта, как различается. Отсюда Аристотель в седьмой [книге] этого [труда]...

...что вполне в её определении полагается материя, поскольку она есть часть субстанции, определяющая её. Отсюда и Аристотель во второй книге «О душе» говорит: душа и тело, [физик] и т. д. Однако некоторые говорят, что естественная форма есть то, что есть, и, рассматриваемая абсолютно, может быть отделена как от материи, так и от условия и вместе со смыслом; но это против Аристотеля, говорящего в седьмой [книге] и в седьмой [книге] этого [труда]: естественные формы относятся как подобное, поскольку касаются материи; этим они отличаются от математических форм, которые относятся как вогнутое, ибо отделяются от материи по смыслу, хотя не по бытию. И Аристотель там говорит о естественных формах согласно тому, что есть, и об абстрактных.

К аргументам. К первому явствует из сказанного, ибо положено, что естественные материальные формы не делимы от материи по бытию, но естественная нематериальная форма может быть отделена от материи. К другому: некоторые говорят, что большая посылка ложна, ибо субъект не зависит в причинности от собственного свойства, как человек смешлив, однако не может быть отделён по бытию от собственного свойства. Иначе можно сказать, допуская большую посылку. К меньшей: «форма не зависит» и т. д. — говорится, что напротив, ибо материя и форма суть причины друг для друга: форма есть причина материи, поскольку даёт ей бытие, и материя есть причина формы, поскольку её поддерживает. К другому: «что-либо» и т. д. Следует сказать, что это верно, если оно существует само по себе, тогда может быть отделено от других; но если не существует само по себе, нет. И так в предложенном [случае], ибо форма не существует сама по себе, но в материи; следовательно, не может быть отделена от неё. Другие говорят, отрицая меньшую: форма не бывает первично, ибо бытие само по себе есть составное, но форма есть то, в чём составное имеет бытие.

Вопрос III. Означает ли имя вида форму прежде или составную субстанцию?

«Не следует же не знать» и т. д.

Исследуется относительно следующей главы: означает ли имя вида форму прежде или составную субстанцию. И аргументируется, во-первых, что оно означает только субстанцию, составленную из материи и формы. Через имя вида обозначается сущность вида, ибо имя обозначает сущность вещи; и имя вида обозначает сущность вида. Но только вид определяется; и вид есть из материи и формы, или по крайней мере преимущественно у тех, кто хочет, чтобы материя принадлежала к чьей-то сущности. И т. д.

Далее. Через имя вида обозначается то, что сказывается об индивидууме, ибо вид сказывается об индивидуумах. Это есть составное из материи и формы, ибо форма в прямом [падеже] не сказывается об индивидууме, но составное из материи и формы. И т. д.

Далее, и я предполагаю из четвёртой [книги] этого [труда], что смысл, который обозначает имя, есть определение. Отсюда аргументируется: если вещь относится к определению, то и к обозначению, согласно предположенному; более того, это сама вещь и сущность. И так понимай об этом пути: смысл, который обозначает имя, есть определение; но определение вещи есть материя и форма, из седьмой [книги] этого [труда], ибо в определении естественных вещей берётся материя и форма. Следовательно, вещь через имя обозначается с материей и формой.

Противоположное, как кажется, хочет Аристотель и Комментатор: ибо Аристотель говорит, что имя вида обозначает субстанцию, которая есть форма, и субстанцию, которая составлена из материи и формы; и Комментатор говорит, что имя вида прежде обозначает форму и после — составное.

Следует заметить, что есть одно мнение, которое, как кажется, полагает три пути по этому вопросу. В первом пути полагается различие формы: что некоторая есть форма целого, как человечность есть форма целого, и в ней также берётся материя, как говорят; другая есть форма части, как душа или иная форма. Тогда говорится, что если берётся форма целого, то имя вида прежде обозначает форму, как «человек» обозначает человечность, и вторично обозначает составное из человечности и имеющего человечность. И говорят, что это было намерение Комментатора, ибо говорят, что оно обозначает форму и, следовательно, обозначает вещь, имеющую форму, поскольку последующее обозначаемое находится в отношении и связи к последующему обозначаемому. Поэтому хорошо говорит, что обозначает одно в отношении к другому. Но если спрашивается о форме части, тогда имя вида прежде обозначает составное из материи и формы и после — форму; и причину указывают, ибо форма не есть вся сущность вещи, но часть сущности. Второй путь различает между тем, что обозначает, и тем, что есть основание обозначения, ибо говорят, что способ обозначения следует за способом понимания, а способ понимания следует за способом бытия. Но мы видим, что в бытии различается то, что есть, и то, что есть основание бытия: то, что есть, есть само составное, но основание бытия есть форма. Подобно в том, что понимается: одно есть то, что понимается, и другое — основание понимания. Так и в том, что обозначается: одно есть то, что обозначается, ибо это составное, и другое — основание обозначения, и это форма. И добавляет, что как составное имеет отнесение к форме, как к основанию бытия, так и в обозначении. И говорят, что это было намерение Комментатора. И говорят, что одно и то же имя относится к составному и к форме, но не одинаково: к составному — как к обозначаемому, к форме — как к тому, что есть основание обозначения. Третий путь полагает различие между тем, чему налагается имя, и тем, от чего налагается. Имя налагается имеющему форму, но налагается от формы. И поскольку имеющее форму есть составное, поэтому имя налагается на само составное, но налагается от формы. И говорится,

что этот способ и путь есть то же, что второй, ибо то, что есть основание обозначения и понимания, есть основание наложения; и так третий путь происходит от второго. Следует заметить, что это мнение не имеет силы; напротив, кажется против Аристотеля и Комментатора. Ибо то, что говорят в первом пути, различая между формой целого и части, не имеет силы, ибо форма части есть вся чтойность вещи, так как субстанциальная форма человека есть вся чтойность человека и есть человечность; а материя не есть из сущности человека, но лишь несёт форму и человечность. Из этого ясно явствует через Аристотеля, ибо везде, где он говорит о форме, которая есть отличная причина от материи, он называет её «что есть», что не было бы, если бы он не называл форму всей чтойностью вещи. И таково намерение Комментатора в седьмой [книге], где он говорит, что чтойность человека одним способом есть человек, а другим способом не есть человек: есть человек со стороны формы, но не есть человек со стороны составного из материи и формы. Следовательно, первый путь, кажется, не имеет силы, поскольку основывается на том, что материя не принадлежит к чтойности и что форма не есть вся чтойность, но часть. Подобно второй и третий пути не имеют силы. Поэтому я хорошо допускаю, что форма есть основание обозначения, по которому обозначается составное; но однако форма вполне обозначается через имя вида, поскольку вносит всю сущность, как и форма есть основание бытия составного, ибо составное не существует иначе как через форму. Но однако форма также находится в другом, хотя не существует сама по себе; так однако первично и сама по себе находится в другом. И так понимай об этом пути.

Следует сказать к вопросу иначе, согласно намерению Аристотеля и Комментатора: имя вида прежде обозначает форму и вторично — составное из материи и формы. И это доказывалось. Когда два [начала] относятся так, что одно есть причина другого, и некоторое имя присуще им, то преимущественно и достойнее оно присуще причине и причинённому. Но форма есть причина, поскольку она форма, и [причина] субстанции, которая составлена из материи и формы. И Комментатор говорит, что имя вида прежде обозначает форму и после — составное. И это доказывалось. Когда два [начала] относятся так, что одно есть причина другого, и некоторое имя присуще им, то преимущественно и достойнее оно присуще причине и причинённому. Но форма есть причина составления, поскольку обозначается через имя, ибо форма причиняет акт в составном, и составное не имеет акта сущности иначе как через форму, через который акт обозначается составное. Следовательно, имя вида преимущественно обозначает форму и достойнее, чем составное. Отсюда Комментатор говорит, что имя вида обозначает истинное, которое в акте, и форма есть причина акта в составном. И добавляет Комментатор, что когда два [начала] таковы, что одно есть причина другого, то то, что есть причина, достойнее будет иметь имя, ибо оно имеет имя через первое. И разъясняет на примере: тёплые вещи не имеют имени теплоты иначе как через форму.

...теплоты огня, которая в пределе и в высшей степени. Следовательно, огонь достойнее имеет имя теплоты. И это согласуется со сказанным Аристотеля во второй [книге] этого [труда] и в первой «Первой Аналитики». И так Комментатор явно хочет, что имя вида преимущественно и достойнее обозначает форму. И можно привести основание: имя вида обозначает чтойность прежде и вторично — имеющее чтойность. И это очевидно у всех. Но форма есть вся чтойность вида, что явствует через Аристотеля в тексте, ибо он говорит: если субстанция обозначает составное из материи и формы, тогда субстанция и «что есть» не одно и то же; но если субстанция обозначает форму, тогда субстанция и «что есть» одно и то же.

К аргументам. К первому явствует, ибо допущено, что форма есть вся сущность вещи, а материя не принадлежит к чтойности иначе как субъект, несущий чтойность и форму. К другому: «то обозначается через имя вида» и т. д. Следует сказать, что через имя вида преимущественно обозначается то, что сказывается об индивидууме, но не в прямом [падеже], а в косвенном, ибо чтойность не сказывается, но в косвенном об индивидууме, поскольку индивидуум добавляет нечто сверх чтойности. Отсюда я не говорю «Сократ есть человек со стороны

формы», но «есть из человека»; но то обозначается через имя вида вторично, что сказывается об индивидууме в прямом [падеже], и это составная субстанция, ибо «Сократ есть человек со стороны составной субстанции». К другому: «что обозначает» и т. д. — допускается. И когда говорится, что вещь относится к определению, — допускается. Но ты говоришь, что в определении естественных вещей полагается материя. Следует сказать, что материя полагается не как то, что принадлежит к чтойности и есть часть чтойности, но лишь полагается в определении как субъект, несущий чтойность. Отсюда, хотя она есть часть составной субстанции, однако не есть часть чтойности. И так же в обозначении: имя вида обозначает составную субстанцию, ибо материя есть часть этого составного, и также в определении составной субстанции полагается материя; и однако имя вида также обозначает форму преимущественно, в определении которой материя не полагается как часть, как было видно ранее.

Вопрос IV. Различаются ли числа по виду?

«И как ни от числа отнятого» и т. д.

Исследуется относительно этой части: различаются ли числа по виду. Аргументируется, во-первых, что да, ибо двойка и тройка различаются больше, чем две двойки; это известно само по себе. Но две двойки различаются по числу, как двойственность в Сократе и Платоне различается по числу от двойственности в Цицероне и Гильберте. Следовательно, двойка и тройка различаются больше, чем по числу; но не могут различаться больше, чем по виду. Следовательно, числа различаются по виду.

Далее. Если бы числа были одного вида, тогда всякое свойство, которое присуще одному числу, было бы присуще другому; но это ложно, ибо нечётность сама по себе присуща тройке, но не присуща двойке или четвёрке. Следствие очевидно: те, что одного вида, — что само по себе присуще одному, само по себе присуще другому, как смешливость присуща Сократу, следовательно, и Платону. И это явно хочет Комментатор во второй книге «О небе», где говорит, что те индивидуумы, которые одного вида, сходятся в акциденциях сами по себе. Следовательно, различаются по виду.

Далее, если бы числа были одного вида, тогда о числах не было бы науки; но это неудобно, ибо есть арифметика. Следствие очевидно: о том, о чём есть наука, должно иметь части, которые подпадают под науку и искусство, ибо наука есть [знание], рассматривающее части и свойства одного рода субъекта; но индивидуумы не подпадают под искусство, ибо нисходящие от всеобщего до самых специальных Платон велит останавливать, как говорит Порфирий.

Далее, определения различаются по виду, ибо иное определение осла и иное определение коня; и различаются по виду, как различаются в виде. Следовательно, числа, согласно Аристотелю в тексте, где он сравнивает определения с числами, — следовательно, числа различаются по виду.

Далее, то различается по виду, что различается по формам, ибо различие по формам есть специфическое, как хочет Комментатор в десятой [книге] этого [труда]. Но числа различаются по форме, ибо имеют различные формы: в двойке иное описание в двух, но в тройке описание в трёх.

Противоположное аргументируется. Один вид не составляется из другого; но одно число составляется из другого, как тройка из двойки. И это доказывается. То, что превышает нечто в некоторой пропорции, составляется из него, из четвёртой книги «Физики», главы о пустоте, где Аристотель доказывает, что полное не имеет пропорции к пустоте по превышению, ибо тогда составлялось бы из пустоты, как четыре относятся к двум по двойной пропорции, откуда составляется из двух. Но одно число превышает другое в некоторой пропорции или согласно пропорции, как тройка превышает двойку в полуторной пропорции.

Далее, если бы числа различались по виду, тогда в видах шли бы в бесконечность; но это ложно, ибо хотя в индивидуумах идут в бесконечность по последовательности, однако не идут в бесконечность в видах. Следствие очевидно: в числах идут в бесконечность через прибавление единицы, как явствует из третьей книги «Физики» и десятой [книги] этого [труда].

Далее, если бы числа различались по виду, тогда бесконечные виды были бы одновременно в акте; но это ложно, ибо бесконечное не может быть одновременно, по крайней мере существенно упорядоченное; но виды существенно упорядочены. Следствие очевидно: все виды, которые могут быть во вселенной, — в акте, иначе вселенная не была бы совершенной. Но числа могут быть бесконечными через прибавление единицы. Следовательно, если бы они различались по виду, пришлось бы, чтобы они были в акте.

Далее, если бы числа различались по виду, тогда одно бесконечное было бы больше другого. Но это ложно, ибо интеллект не постигает это как бесконечное, чтобы охватить целое.

Следствие очевидно: больше число в делимых видах, ибо под каждым видом больше индивидуумов, по крайней мере по способности, или в потенции, или в акте. Следовательно, если бы числа различались по виду, поскольку тогда бесконечные числа могли бы быть через прибавление единиц, тогда нечто было бы больше бесконечного или могло бы быть, ибо индивидуумы чисел в потенции бесконечны, и так же виды чисел, поскольку числа различаются по виду. Но число индивидуумов больше числа видов, поскольку под каждым видом чисел может быть больше индивидуумов; и так нечто есть больше бесконечного. И это основание Александра в первой книге «О чувстве», где он доказывает, что виды цветов конечны, ибо если бы они были бесконечны, тогда нечто было бы больше бесконечного, поскольку число индивидуумов цветов больше числа видов цветов. Следовательно, и т. д.

Далее, когда два составных относятся так, что ничто различное по виду не включается в природу одного из того, что включается в природу другого, они не различаются по виду: Сократ и Платон не различаются по виду, ибо в природе Сократа ничто различное по виду не включается из того, что включается в природу Платона. Но два числа относятся так, что в числах ничто не включается, кроме единиц, ибо число составляется из единиц. Но единица, которая есть начало числа, не различается по виду от другой единицы.

К вопросу следует сказать, что числа не различаются по виду просто. И причина такова. То не различается по виду, что производится или может производиться одним действующим по виду и посредством одного орудия, одинаково изменённого в материи и в материи одинаково расположенной и не разнообразной по себе. И это очевидно само по себе. Но числа могут производиться одним и тем же действующим по виду, ибо в одном и том же непрерывном одно и то же действующее по виду и посредством одного и того же орудия, как ножом, может производить двойку и тройку, разделяя и одинаково двигая нож. Поэтому числа не различаются по виду.

Далее, если бы числа различались по виду, тогда мог бы некоторый вид в мире быть, который не был бы в акте; но это ложно, ибо тогда мир не был бы совершенным, поскольку для совершенства вселенной требуется, чтобы все её виды были в акте. В этом различие между индивидуумами и видами: все индивидуумы в акте не требуются для совершенства вселенной, ибо с разрушением некоторого индивидуума некоторого вида вселенная всё ещё может быть совершенной; но все виды, существующие в акте, требуются для совершенства вселенной, из первой книги «О небе».

...откуда Линкольнский и говорит в первой книге «Первой Аналитики», что истины подобны числам мира, должны оставаться в любой час, иначе вся вселенная не была бы совершенной. Следствие очевидно: для любого данного числа всё ещё может быть большее, и так в бесконечность.

Далее аргументируется авторитетом Аристотеля в приведённой главе, ибо Аристотель там сравнивает числа с определениями; но не сравнивает числа с любыми определениями, а в определениях высшего и низшего. И это разъясняет Комментатор, излагая через третий способ: когда от некоторого определения удаляется последнее или добавляется, не остаётся то же определение. Отсюда Комментатор приводит пример с определением животного, которое есть «тело питающееся, чувствующее»: если удалить «чувствующее», тогда остаётся определение растений, как «тело питающееся». И если добавить различие, как «разумное», будет определение человека: «тело питающееся, чувствующее, разумное». Как если к числу добавить единицу, к двойке не остаётся число двойка, но будет тройка; как если удалить от числа единицу, тогда не остаётся то же число, но будет другое. Но эти определения не различаются по виду, которые суть высшего и низшего, ибо один вид не сказывается о другом утвердительно, как «тело питающееся, чувствующее» и «тело питающееся», как «тело чувствующее, разумное» и «тело чувствующее». Отсюда можно так аргументировать: чьё сравнение друг с другом таково, как сравнение определения высшего с определением низшего, не различаются по виду, ибо

определение высшего не различается от определения низшего по виду, но есть часть его, как и род есть часть вида. Отсюда не различаются по виду, как ранее выведено. Но числа таковы, как явствует из приведённого через Аристотеля и Комментатора. Отсюда не их сравнение таково, как [если бы] числа различались по виду. Основание опирается на то, что Аристотель сравнивает числа с определениями, [говоря], что они различаются по виду; но нельзя сказать против него, ибо он сравнивает числа с определениями высшего и низшего, которые не различаются по виду, но одно сказывается о другом и есть часть его. Отсюда Комментатор говорит эти слова: что Аристотель начал вводить другой способ различия и сказал, что как когда к некоторому числу добавляется единица или от него убавляется единица, [число] переходит к другой природе числа, подобно определения, составленные из первого рода и многих различий, когда от них убавляется некоторое различие, определение переходит к определению другой природы; и как когда добавляется некоторое различие, как когда мы сказали об определении животного, что оно есть «тело питающееся, чувствующее», если мы убавим последнее различие, останется определение растений, а если добавится некоторое различие, станет определение человека. Из этих слов Комментатора явно явствует, что числа не различаются по виду.

Через это — к аргументам противного. К первому: «больше различаются тройка и двойка» и т. д. Это основание не имеет силы, ибо через это основание можно было бы доказать, что большая и меньшая линия различаются по виду, ибо больше отличаются линии в два фута и в три фута, чем две равные линии; но две равные линии различаются по числу; следовательно, неравные линии различаются больше, чем по числу. Отсюда следует сказать к аргументу, что возражать — не значит решать, ибо двойка и тройка больше различаются по акциденции, чем две двойки, но не сами по себе больше различаются, ибо тройка есть большее число на единицу, чем двойка; эта единица акцидентальна двойке как двойке. Отсюда тройка не различается чем-либо от двойки, что было бы в тройке иным по природе и существенно от того, что есть в двойке, ибо различается единицей, через которую тройка больше двойки. И так по акциденции различаются через низшее, что не доказывает различия по виду. К другому аргументу: «если бы числа были одного вида» и т. д. Верно, если свойство само по себе и простое, как говорится. «Нечётность» и т. д. Следует сказать, что нечётность не есть абстрактное свойство числа, но с различением, как явствует из первой книги «Первой Аналитики»: не всякое число нечётно, но с различением — чётно или нечётно. Отсюда некоторые свойства простые и без различения, как треугольник имеет три угла, и это свойство должно быть присуще всякому субъекту. Но некоторые свойства с различением, как чётное или нечётное, относятся к числу; и о них верно, что присуще всякому последующему субъекту с различением, как всякая двойственность чётна или нечётна. К другому: «о числах нет науки» — следствие отрицается. К доказательству: «наука должна рассматривать части субъекта» — допускается, если субъект имеет части, рассматриваемые в себе; но если субъект не имеет частей, рассматриваемых в себе, не следует, что наука должна рассматривать эти части. И что о числе нет науки — следствие отрицается. К другому: «об определениях» и т. д. Следует сказать, что это основание включает противное, и об этом достаточно явствует из сказанного ранее, ибо Аристотель сравнивает определения высшего и низшего, которые не различаются по виду, как сказано. К другому: «то различается по виду» и т. д. — допускается, если имеет различные формы. Ты говоришь, что числа и т. д. — отрицается, ибо числа не различаются иначе как через единицы, которые одного вида или не другого вида. И ты говоришь, что иное различение в тройке и иное в двойке. Следует сказать, что это различение в тройке не через что-либо, что было бы отличным от того, что есть в двойке. Отсюда в одном числе ничто не включается, что было бы отличным по природе от того, что есть в другом числе. И это о вопросе.

Вопрос V. Воспринимает ли субстанциальная форма большее и меньшее?

«И как ни число имеет большее» и т. д.

Исследуется относительно названной главы: есть ли число одно само по себе; но поскольку об этом было рассмотрено в пятой [книге], так как спрашивалось, есть ли там три — шесть, поэтому опускается. И спрашивается относительно названной части: воспринимает ли субстанциальная форма большее и меньшее. И аргументируется, во-первых, что нет, авторитетом Аристотеля, ибо он говорит в приведённом тексте, что как числа не воспринимают большее и меньшее, так и субстанции по виду; и эту субстанцию он обычно называет субстанциальной формой. Поэтому и т. д.

Далее. Если бы субстанциальная форма воспринимала большее и меньшее, тогда к субстанции было бы движение; но это ложно, пятая книга «Физики», ибо движения нет к вещам третьего предикамента. Следствие очевидно: если бы так было, тогда приобреталось бы через движение, ибо восприятие большего и меньшего не бывает иначе как с движением. Следовательно, если бы субстанциальная форма воспринимала большее и меньшее, тогда к субстанции было бы движение.

Далее, если бы субстанциальная форма воспринимала большее и меньшее, тогда лишённость воспринимала бы большее и меньшее; но это ложно, ибо большее и меньшее суть положительные расположения, которые противны лишённости. Следствие очевидно: если бы субстанциальная форма воспринимала большее и меньшее, тогда субстанция была бы больше или меньше лишена [формы], ибо когда форма огня воспринимает большее и меньшее, тогда субъект под этой формой был бы больше или меньше лишён этой формы; и так лишённость воспринимает большее или меньшее.

Далее, если бы формы элементов, о которых, как кажется, [это говорится] более всего, воспринимали большее и меньшее, тогда не они из элементов получали бы сравнение; но это ложно, ибо не говорится «более воздушная вода» или «более водная». Следствие очевидно: когда форма воспринимает большее и меньшее, тогда и имя по ней сравнивается, как «белый», «более белый», «менее».

Противоположное хочет Комментатор в пятой книге «О небе», ибо хочет, что субстанциальные формы элементов воспринимают большее и меньшее; отсюда решает возражение против этого, которое выдвигает Авиценна.

Следует заметить, что трудность этого вопроса возникает из способа, согласно которому элементы остаются в смешанном или называются остающимися. Что элементы остаются в смешанном, явствует из авторитета Аристотеля в первой книге «О возникновении», где он говорит о возникновении смешанного: говорит, что элементы в смешанном не разрушаются — ни один, ни оба. Следовательно, все элементы остаются в смешанном. Об этом рассмотрено в пятой [книге], где обсуждался там вопрос. Но скажешь, что элементы не разрушаются потому, что сохранена сила, и эта сила есть акт. Это не имеет силы, ибо для того, чтобы нечто не разрушалось, недостаточно остаться акциденции, но оно разрушается в субстанции, ибо разрушение есть изменение по субстанции. И так, поскольку силы элементов суть акциденции и качества, согласно им недостаточно для неразрушения их, что силы остаются; и что они разрушаются в субстанции: если дать невозможное, что человек разрушался бы в субстанции и оставалась бы смешливость, тогда человек не назывался бы неразрушенным, напротив, по необходимости был бы разрушен. Далее, Аристотель в конце той же книги [говорит], что хорошо смешиваемы те, что способны к границам и делимы; и добавляет, что те, что не легко разрушимы. Но если ни один из элементов...

...остался, так и они были бы разрушены; и для неразрушения их ничто не принесло бы пользы сохранение сил. Далее, если бы элементы не оставались в смешанном, но в роде смешанного разрушались, так что в мгновение возникновения смешанного разрушалось бы и то и другое, и одно и то же было бы сущим и не-сущим, что против первого достоинства. Следствие очевидно: после того как формы разрушены, тогда они не-сущие, ибо разрушение есть к не-сущему. Далее, с другой стороны, любой элемент есть сущее, которое разрушает другое сущее, ибо ничто не разрушается от не-сущего действенно. Но если формы элементов в возникновении смешанного разрушены, тогда они разрушаются взаимно, ибо как до возникновения смешанного один элемент действовал на другой и наоборот, так и в мгновение возникновения смешанного, следовательно, тогда действуют и разрушают друг друга. Но разрушенное есть сущее, и оно полагается не быть сущим; и так одно и то же в одном и том же мгновении возникновения смешанного будет сущим и не-сущим. Далее, Аристотель в конце первой книги «О возникновении» в определении смешения [говорит], что смешение есть объединение смешиваемых изменённых, и так смешанное есть одно из изменённых смешиваемых. Отсюда так аргументируется: из каких бы изменённых смешанное ни имело бытие одним, они остаются в смешанном в акте, ибо изменение есть из одного качества в другое противоположное; и при этом остаётся тот же субъект в акте, который изменение не изменяет в субъекте. Но смешанное имеет бытие одним из смешиваемых и элементов изменённых, как явствует из приведённого определения.

Увидев это, следует сказать к вопросу: субстанциальные формы элементов воспринимают большее и меньшее в возникновении смешанного. И причина такова: поскольку субстанциальные формы элементов должны оставаться в смешанном, как видно, они остаются либо согласно последнему совершенству, либо согласно ослабленному и преломлённому совершенству; и это явствует через достаточное деление. Но субстанциальные формы элементов, остающиеся в смешанном, согласно чему-то своему не остаются согласно последним совершенствам, ибо иначе смешанное не было бы одним просто, поскольку то, в чём находятся различные субстанциальные формы, не есть одно просто. Но элементы согласно последнему совершенству имеют различные субстанциальные формы; и, следовательно, не было бы одним просто. И это подтверждается. Если бы элементы согласно последнему совершенству оставались в смешанном, тогда качества в высшей степени оставались бы в смешанном; но это невозможно, ибо те качества в высшей степени разрушались бы, поскольку бытие смешанного состоит в средней пропорции. Следствие очевидно: качества следуют за формами элементов согласно последним совершенствам, как явствует; что если бы формы элементов оставались согласно последним совершенствам, оставались бы и согласно качествам в высшей степени в самом смешанном. Следовательно, не оставались бы согласно ослабленным совершенствам; и это не было бы, если бы не воспринимали большее и меньшее.

Далее, Комментатор аргументирует в третьей [книге] против Авиценны. Если бы огонь мог допустить некоторую часть качества при сохранении всей своей субстанциальной формы, тогда весь огонь мог бы стать без всякой теплоты; это смешно, ибо огонь без теплоты, поскольку она его собственный акцидент. Следствие доказывается: одно и то же суждение о целом и части и в однородных, каковы элементы. Отсюда, по какому основанию огонь мог бы быть без некоторой части теплоты, по тому же основанию — без всякой теплоты, ибо целое и часть одного смысла. Но ради придирающихся подтверждается через предположение. Во-первых, что акцидент отделимый и неотделимый могут быть одного смысла, ибо из противоположного различается, как говорится в первой книге «Физики» через Аристотеля и Комментатора. Во-вторых, предполагаю, что акцидент отделимый, с разрушением его, может остаться субъект, по крайней мере сопутствующе. В-третьих, предполагаю, что теплота огня одного смысла во всех родах его. Из этого аргументируется: положим, что теплота огня согласно некоторой части утрачивается; тогда либо также утратится субстанциальная форма огня согласно некоторой части, либо вся

останется — это известно через достаточное деление. Если разрушается некоторая часть субстанциальной формы, имеем предложенное, что субстанциальная форма огня воспринимает большее и меньшее. Подобно понимай, если приобретается некоторая часть теплоты в огне, ибо огонь действует на воду, и тогда также усиливается субстанциальная форма, ибо одно и то же суждение о целом и части в однородных. Если же вся субстанциальная форма остаётся при разрушении некоторой части теплоты, тогда также при разрушении другой части теплоты. Далее, вся субстанциальная форма оставалась бы, если бы одна часть теплоты была отделима, а другая неотделима; и тогда они не были бы одного смысла согласно первому достоинству. Но части теплоты не одного смысла, что против третьего предположения. И так, по какому основанию огонь может остаться согласно всей субстанциальной форме при утрате одной части теплоты, по тому же основанию огонь может остаться весь без всякой теплоты, поскольку все части теплоты одного смысла. Но это смешно, что весь огонь остаётся без всякой теплоты, согласно второму предположению. Следовательно, остаётся, что сколько огонь утратил или приобрёл теплоты, столько приобрёл или утратил субстанциальной формы. И так воспринимает большее и меньшее. И подобно понимай о воде и других элементах. Следует заметить, что субстанциальные формы смешанных не воспринимают большее и меньшее, ибо имеют определённую и неделимую устойчивость и пропорцию в материи; но субстанциальные формы элементов, которые состоят расположением в осязаемых качествах, могут усиливаться и ослабляться. Отсюда хочет Комментатор в третьей книге «О небе», что субстанциальные формы элементов суть средние между субстанциальными формами смешанных и акцидентальными формами.

Следует заметить, что здесь есть некоторые сомнения. Первое. Если бы субстанциальные формы элементов оставались в смешанном, тогда ни одно смешанное не было бы холоднее земли; но это ложно, ибо некоторые смешанные холоднее земли, как мрамор и подобное, как явствует через осязание. Следствие очевидно: после того как субстанциальная форма огня оставалась бы в смешанном, тогда и теплота его оставалась бы; ибо дать теплоту некоторому смешанному, по причине которой оно не было бы холоднее земли, поскольку не имеет никакой теплоты. Далее, если бы субстанциальные формы элементов усиливались и ослаблялись, тогда возникновение не было бы пределом изменения; но это ложно, как явствует из пятой книги «Физики» и через Комментатора в шестой книге «Физики». Следствие очевидно: предел не одновременно с тем, чьим пределом он является, ибо предел следует за тем, чьим пределом он является. Но если бы субстанциальная форма усиливалась и ослаблялась, тогда возникновение субстанциальной формы было бы одновременно с изменением, ибо как при приобретении теплоты субстанциальной формы также последовательно приобретается субстанциальная форма, ибо сколько приобретается теплоты, столько — субстанциальной формы. Далее, ты говоришь, что формы элементов, уменьшенные по бытию, остаются в смешанном. Если это верно, тогда противоположности были бы одновременно в одном субъекте и согласно одному. Но это ложно, из четвёртой [книги] этого [труда]. Следствие очевидно: формы элементов противоположны, где бы они ни были и в какой бы ослабленной степени ни находились. Доказательство: различия по виду суть противоположности, из десятой [книги] этого [труда]. Но формы элементов в какой бы то ни было степени различны по виду, ибо в любой части смешанного одновременно находятся все формы элементов, поскольку любая часть смешанного есть смешанная. Следовательно, противоположности одновременно [находятся].

К первому сомнению. «Если субстанциальные формы» и т. д. Следует сказать, что это основание не доказывает, что формы элементов не остаются в смешанном в силе, что против тех, кто делает это основание, ибо если бы чувственные качества оставались в смешанном, тогда и тепло оставалось бы в смешанном. И тогда следует, что ни одно смешанное не было бы холоднее земли, что ложно. Следствие очевидно: в любом смешанном есть теплота, следовательно, теплота есть и в мраморе, который есть смешанное. Следовательно, по причине этой теплоты оно не холоднее земли, в которой нет никакой теплоты. Далее, это основание основыв-

вается на ложном воображении: воображается, что мрамор холоднее чистой земли, что ложно; напротив, хотя мрамор холоднее земли на поверхности, однако не холоднее чистой земли, к которой не примешана никакая теплота, как та, что в центре. Отсюда земля, которая на поверхности, не чиста, но смешана с тёплыми телами; но чистая земля холоднее всех смешанных. Отсюда говорит Комментатор во второй книге «О небе»: как близость к движению неба даёт движение, теплоту и легкость, так удаление от неба даёт холод, тяжесть и покой. Отсюда смешанное вполне может быть холоднее в сравнении с некоторым элементом, но однако не холоднее элемента просто.

...чистого и в собственном месте. К другому. «Если субстанциальные формы» и т. д. Можно сказать, что это верно о возникновении элемента, что оно не есть предел изменения, ибо не имеет разделения от него, но одновременно происходит с ним, поскольку воспринимает большее и меньшее. Но о возникновении смешанных верно, что оно есть предел изменения, ибо они не воспринимают большее и меньшее, как видно. Или можно так изложить: возникновение, возникшее есть предел изменения, ибо возникшее бытие не одновременно с изменением, поскольку изменение предшествует возникновению. К другому сомнению. «Если формы» и т. д. Следует сказать, что это основание против тех, кто полагает, что элементарные реальности остаются, которые не суть формы; но отсюда следует, что противоположности были бы в одном, ибо те реальности различаются более чем по числу, следовательно, различаются по виду, и, следовательно, суть противоположности; и так никакая элементарная реальность не оставалась бы, что против них. Отсюда удивительно, что огонь по бытию и по субстанциальной форме не остаётся в смешанном, и однако реальность огня остаётся. Отсюда эта реальность либо есть сущее, либо ничто. Если ничто, то считается ни за что. Если сущее, то либо субстанция, либо акциденция. Нельзя сказать, что акциденция, ибо говорят, что эти элементы остаются не только согласно акциденциям, но и согласно реальностям, которые не суть акциденции. Следовательно, реальность есть субстанция. Следовательно, она либо составное, либо материя, либо форма — через достаточное деление субстанции. Но эти реальности не могут быть материей, ибо элементы не различаются по материи; и не могут быть составным, ибо тогда оставались бы элементы как составные элементы. Следовательно, остаётся, что они формы; и, следовательно, последует, что формы элементов остаются в смешанном. Но, может быть, скажешь, что эти реальности суть части элементарной формы; и если так, тогда имеем предложенное, ибо они не могут быть иначе как части субъективные, и всякое целое сказывается о своих субъективных частях. Следовательно, любая реальность элементарной формы будет элементарной формой. Но возражать — не значит решать. Поэтому следует сказать иначе. «Если субстанциальные формы» и т. д. — следствие отрицается. Ты доказываешь, что в любой части смешанного находятся формы и т. д. Верно, что в любой части смешанного находятся формы всех элементов. И ты говоришь, что они противоположны, — ложно. К доказательству: «различие по виду» и т. д. — допускается. Различие по конечному виду есть противоположность в тех, в которых форма и оформленное суть одно по числу, должно быть; и так в предложенном, ибо формы элементов в смешанном не суть конечные формы, но суть средние и ограниченные формы, поскольку материя способна принимать формы смешанных; и, следовательно, там нет различия по конечному виду, которое происходит через деление рода его различиями.

К главным аргументам противного. Во-первых, к авторитету Аристотеля: «как числа» и т. д. Следует сказать, что это решает Аристотель в следующем тексте, глава 10. Отсюда всегда этот текст приводится как оставленный, ибо Аристотель добавляет: «но если с материей». Он говорит против платоников, которые полагали формы отделёнными, ибо они не воспринимают большее и меньшее, как и математические числа, которые полагал Платон. Но говорит Аристотель, что они вполне воспринимают большее и меньшее с материей; и это против платоников, которые полагали их отделёнными.

К аргументам. К первому. «Если формы элементов» и т. д. Следует сказать, что движение принимается двояко. Одним способом, как различается от неделимого счисления, и так берётся для любого непрерывного изменения. Другим способом принимается, как имеет субъект в акте под обоими пределами через положительную конечную форму. Но возникновение элементов есть вполне движение первым способом, ибо как субъект приобретает теплоту последовательно, так и субстанциальную форму; но не есть движение вторым способом, ибо не имеет субъекта, сущего в акте под обоими пределами через положительную и конечную форму. К другому. «Если субстанциальные формы» и т. д. Следует сказать, что через это основание также доказывается, что качества не воспринимали бы большее и меньшее, ибо если качества воспринимают большее и меньшее, и лишённость воспринимала бы большее и меньшее, ибо если что-либо менее тёплое, более лишено теплоты; и наоборот. Отсюда следует сказать, что не неудобно, что лишённость воспринимает большее и меньшее в субъекте, ибо материя иногда более лишена формы огня, иногда менее, как в теплотах. Скажешь, что большее и меньшее и т. д. — допускается. Больше и меньше...

...сущего положительного, или положительные расположения; но однако большее и меньшее сущего лишённого не суть положительные расположения, но лишённые. К другому. «Если формы элементов» и т. д. Следует сказать, что не следует, ибо имена не уподобляются вещам, поскольку иногда малое имя обозначает великую вещь. Говоришь, что видим в других формах, которые воспринимают большее и меньшее, и т. д. Следует сказать, что грамматики так наложили имена, которые сравниваются; но не наложили всем формам, которые воспринимают большее и меньшее, имена, которые сравниваются, ибо не знали вещей, поскольку субстанциальные формы вещей скрыты. Отсюда не знали, что они воспринимают большее и меньшее, поэтому не наложили им сравнительных имён. Или следует сказать, что они принимают сравнение, но не регулярное, ибо мы не говорим «медь более острая», потому что это плохой звук и какофония. Отсюда поэт запрещает правилом грамматики с вернейшим законом: «Ни "ius", ни "vus" не сравнивает без "magis"». Отсюда вполне сравниваются, но не регулярно. Отсюда медики имеют в обычае, ибо говорят, что то, что более огненно, есть более водно, как Аристотель пользуется таким способом речи.

Вопрос VI. Состоит ли небо из материи и формы?

«В естественных же вечных» и т. д.

Исследуется относительно той же главы: состоит ли небо из материи и формы. И аргументируется, во-первых, что да. То, что движет себя, состоит из материи и формы или делимо на часть движущую и движимую. Движущее есть форма, поскольку форме свойственно двигать и действовать; движимое есть материя, поскольку материи свойственно двигаться и претерпевать, из второй книги «О возникновении». Но небо движет себя, ибо в роде тел пришли к некоторому первому, которое движет себя, и это небо, как явствует из восьмой книги «Физики». Следовательно, состоит из материи и формы.

Далее. То, что одушевлено, состоит из материи и формы, ибо душа есть форма и акт тела, из второй книги «О душе». Но небо одушевлено, вторая книга «О небе». Следовательно, из материи и формы. И что оно одушевлено — то же хочет Комментатор в первой и второй [книгах] этого [труда], что само небо одушевлено, хотя из сил души имеет только две: желание и интеллект.

Далее. То, в чём форма и оформленное суть одно по числу, должно состоять из материи и формы, ибо непостижимо, что форма и оформленное суть одно по числу, если не составлено из материи и формы. Но в небе форма и оформленное суть одно, согласно Комментатору в первой книге «О небе», где он говорит, что форма и оформленное в небе суть одно по числу, хотя более ослабленно и принятое и принимающее в абсолютной форме. Следовательно, и т. д.

Далее. Во всём, что движется, необходимо понимать материю, из второй [книги] этого [труда]. Но небо движется, как явствует чувственно через звёзды. Следовательно, и т. д.

Далее. Всякая субстанция либо материя, либо форма, либо составное из них, из восьмой [книги] этого [труда] и второй книги «О душе». Но небо есть субстанция; не материя; не форма. Следовательно, составное. Что оно субстанция — никто не сомневается. И не материя, ибо материя сама по себе не движется, по крайней мере местным движением, как явствует из пятой книги «Физики». Но небо движется само по себе местно. Также не форма, как явствует через Комментатора в восьмой и девятой [книгах] этого [труда], где он говорит, что небо само по себе имеет потенцию в «где»; это не препятствует, чтобы оно было материей, но вполне препятствует, чтобы оно было формой. Следовательно, остаётся, что оно составное из материи и формы.

Противоположное хочет Аристотель в приведённом тексте; и то же хочет Комментатор в первой книге «О небе», и в первой книге «Физики», и в трактате «О субстанции сферы»: что небо есть простой субъект без материи.

Следует заметить: для понимания вопроса следует различать, что под именем «небо» понимаются четыре [вещи] согласно словам философов. Одним способом называется небо — вся телесная вселенная, состоящая из элементов и пятой сущности. Вторым способом принимается за последнюю сферу всей вселенной, какова бы она ни была: восьмая или девятая, как различно говорят астрономы. Третьим способом принимается за всю небесную телесную субстанцию, в которой находятся неподвижные или блуждающие звёзды, или в которой нет звёзд. И эти три [значения] имеются у Аристотеля в первой книге «О небе». Четвёртым способом принимается за всё агрегатное из движущегося по кругу и двигателя; и так принимается Комментатором в восьмой книге «О душе», где он говорит, что небесные тела воспринимают интеллигенции...

...и понимает их; и это не подтверждается иначе как через интеллигенцию, ибо небо как тело не понимает интеллигенцию и не воспринимает её. Отсюда низшая сфера понимает высшую как своё совершенство, а именно всё агрегатное из движимого и двигателя. И согласно

первому значению называется книга «О небе и мире», то есть о всей телесной вселенной и совокупности из элементов и пятой сущности.

Увидев это, следует сказать к вопросу: во-первых, если говорим о небе первым способом, то оно не состоит из материи и формы. И причина такова: то, что отделено от некоторого места и субъекта, не есть его форма, ибо форма не отделена местом и субъектом от того, чьей формой она является. Но небо в первичном значении отделено от другого места и субъекта, как пятая сущность отделена от другого. Поэтому одна часть не есть форма другой, так что небесная часть не есть форма элементарной сферы согласно первичному принятию формы.

Во-вторых, следует сказать, что оно вполне состоит [из материи и формы] по подобию и согласно вторичному принятию. И причина такова: когда нечто содержит другое и совершеннее его, оно относится как форма по отношению к нему; и это хочет Комментатор в первой книге «О небе». Но небо, которое движется по кругу, совершеннее тел в сфере действующих и претерпевающих и содержит их. Следовательно, относится как форма; и так небо состоит из материи и формы по подобию и вторично. И таково намерение Аристотеля и Комментатора в первой книге «Метеорологии». Отсюда сказал Аристотель там же, что небо как вся вселенная из элементов и пятой сущности состоит из материи и формы, ибо небо, которое движется по кругу, есть форма, а элементы, которые движутся прямым движением, суть материя.

В-третьих, следует сказать, что если небо принимается во втором значении, тогда оно не состоит из материи и формы. И причина такова. То, что движется вечным, равномерным и регулярным движением, не может быть формой в материи, ибо сила в величине, совершенствующая материю и имеющая себя внутренне в материи и одну часть вне другой, не может двигать вечным движением, которое Комментатор называет «установленным быть через субъект», ибо такая сила и форма есть разрушение. Но двигатель последней сферы движет вечным и равномерным движением, из восьмой книги «Физики» и двенадцатой [книги] этого [труда]. Поэтому так небо не состоит из материи и формы в собственном смысле.

В-четвёртых, следует сказать, что небо, так взятое, вполне состоит из материи и формы, сказанных омонимически и по подобию. И причина такова. Те, у которых одно производит движение, а другое воспринимает движение, имеют соответствие с материей и формой; и совокупность из них есть совокупность из материи и формы по подобию, ибо форме свойственно действовать, другому же началу — двигаться и претерпевать, вторая книга «О возникновении». Но двигатель неба есть производящее движение, ибо в отделённых одно и то же — действующее и цель, как говорит Комментатор в двенадцатой [книге] этого [труда] и в трактате «О субстанции сферы»; и небо воспринимает движение, как явствует чувственно. И так небо состоит из материи и формы омонимически, ибо говорит Комментатор в первой книге «О небе», что природа материи и формы сказывается согласно иному и иному принятию о высших и низших. Следует заметить, что мнения о небе в третьем значении [таковы]: есть ли пятая сущность составная субстанция или простая с устранением движения; и я изложу сначала два мнения, затем скажу к вопросу согласно намерению Аристотеля и Комментатора. Одно есть мнение брата Фомы, что небо состоит из материи и формы из такой материи, которая находится в потенции к субстанциальному бытию, поскольку она сама по себе и в своей природе; это он доказывает одним основанием в первой книге «О небе и мире». Всё, что есть сущее в акте, есть акт или имеющее акт — допускается всеми. Но небо есть сущее в акте, как явствует. Но не есть акт, ибо тогда оно постигалось бы только интеллектом, а не чувством, что было бы понимающим понимаемое, что ложно, ибо оно постигается не только интеллектом, но и чувством. Далее, прямое не понимает, поскольку есть тело, которое не понимается. Следовательно, есть имеющее акт; и это есть составное из акта, а именно формы, и имеющего акт, то есть материи. Следует далее заметить для обоснования этого мнения, что говорит блаженный Фома: что это небо состоит из материи и субстанциальной формы, однако это различно от низших [вещей], ибо никакая форма в низших не заполняет всю потенциальность материи и не насыщает всё

её стремление, ибо всегда оставляет потенцию и стремление к другой форме. Подобно первое основание другой формы, как человеческая душа, которая есть совершеннейшая форма в низших, не заполняет всю потенциальность материи и стремление, но ещё оставляет в материи и стремление, и потенцию к другой форме, поскольку стоит под лишённостью другой формы; поэтому она разрушима. Но форма неба насыщает всю потенциальность материи и заполняет всё её стремление и не оставляет никакой лишённости и потенции в материи к другой форме; следовательно, она неразрушима по природе. И этому основание он указывает, что она заполняет всю потенциальность материи, ибо есть сила, причинно совершенствующая материю, и есть тотальная форма. И это явствует через её активную силу, ибо она есть активная сила, дающая бытие не определённо, но как угодно; как огонь есть определённая активная сила, ибо причиняет определённую теплоту и не иное. Следовательно, материя огня, стоящая под его формой, имеет стремление и потенцию к другой форме. Следовательно, поскольку форма неба есть сила, дающая бытие как угодно, она насыщает всю потенциальность материи, не оставляя стремления к другой форме. И так явствует, что небо состоит из материи и формы субстанциально, однако неразрушимо. Отсюда материя в небе и в низших [вещах] иного смысла, не через составление некоторого различия и формы, через которую та материя различалась бы, ибо материя есть всецело простой субъект, не включающий никакого различия и акта, через который различался бы; но это различие — через отношение к другой форме, ибо материя неба имеет отношение к форме, которая заполняет и насыщает всё её стремление и потенциальность, как сказано. Но материя в низших имеет отношение к частичной и определённой форме, поэтому не заполняет всю потенциальность материи, как сказано ранее. Что бы ни было об этом мнении, ибо об этом будет рассмотрено позже, однако это основание не заключает предложенного, когда говорится: «Бог есть» и т. д. И ты говоришь, что небо есть субстанция. Допускается. И ты говоришь, что не есть акт, — отрицаю, ибо небо есть акт. К доказательству: тогда одно и то же было бы понимающим и понимаемым и не ощущалось бы. Следует сказать, что это верно об акте, который отделён от величины и бестелесен; но не верно о телесном акте, ибо он протяжён и имеет ощущения, поскольку имеет акциденции, по причине которых ощущается, не есть понимающее. И что добавляет, что материя неба насыщается, — это также не необходимо держать, ибо хотя сила неба и превосходнее по отношению к низшим как благороднее, однако то, что в одной сфере и небесной части, есть форма и превосходнее и благороднее, чем в другой сфере, ибо всегда содержащее менее благородно содержимого, из четвёртой книги «Физики». Следовательно, как форма низшей сферы менее благородна формы высшей, следовательно, материя, которая в низших под менее благородной формой, стремится к более благородной форме. Подобно небесная материя под формой низшей сферы, которая менее благородна, стремится к форме более благородной сферы. Другое есть мнение брата Эгидия, который составил трактат об этой материи и держит, что небесное тело состоит из материи и субстанциальной формы, совершенствующей материю по бытию и по внутреннему бытию в материи. И добавляет, что это отличает это мнение от предыдущего, ибо говорит, что материя неба одного смысла с материей низших, поскольку это в себе. Первое заключение он доказывает тремя основаниями. Первое берётся со стороны протяжения и измерения. Второе берётся со стороны разреженности и плотности. Третье — со стороны неделимости. Первое основание: если бы небо не состояло из материи и формы, оно не могло бы быть протяжённым и измеренным; но это ложно, ибо оно протяжённо и измерено, что требует быть количественным и протяжённым. Отсюда и это явствует чувственно, ибо небо такой величины, что окружность земли ничто по сравнению с ним, даже по сравнению с малейшей звездой, как доказывается в астрологии и как говорится в первой книге «Метеорологии». Следствие явствует через Комментатора в первом трактате «О субстанции сферы»: если бы форма предшествовала измерению в материи, тогда она не была бы всецело протяжённой, но была бы неделимой, ибо форма

не протягивается протяжением материи. Следовательно, если бы небо было без всякой телесной материи...

...оно не было бы протяжённым и не имело бы часть вне части. Но из допущенного им, поскольку они различаются в разреженности и плотности, — та субстанция состоит из материи и формы, части которой различаются по разреженному и плотному; и это он доказывает через Аристотеля в первой книге «О возникновении», где он говорит против Эмпедокла, который сказал, что элементы не имеют материи, и однако допускал, что они сравниваются по разреженному и плотному. И из этого Аристотель заключает против него: если элементы сравниваются по разреженному и плотному, необходимо, чтобы они сходились в одной материи и общем субъекте. И так Аристотель хочет, что те, чьи части различаются по разреженному и плотному, сходятся в материи.

Далее, это явствует через определение разреженного и плотного, ибо плотное есть то, что имеет больше материи и меньше формы, имеет более несовершенную форму; но наоборот, разреженное есть то, что имеет меньше материи и больше формы, более совершенную форму. Следовательно, через определение плотного и разреженного явствует, что то, чьи части различаются разреженностью и плотностью, есть составное из материи и формы. Но части неба таковы, ибо звезда есть более плотная часть своей сферы, а незвёздные части более разреженны, как говорит Комментатор во второй книге «О небе» и в трактате «О субстанции сферы». Также одна часть неба затмевается материей, как явствует о луне.

Далее, та форма, которая сама по себе не индивидуирована, как бытие в материи, ибо если допустить, что она не в материи, тогда она была бы индивидуирована сама по себе, поскольку в отделённых от материи не различаются плоть и бытие плоти, подлежащее и чтойность. Но форма неба сама по себе не индивидуирована, согласно Аристотелю в первой книге «О небе», где он говорит, что различается сказать «небо» и «это небо». Затем доказывает второе: те субъекты одного смысла, каждый из которых в чистой потенции, ибо различение только через акт, поскольку акт разделяет и различает, седьмая [книга] этого [труда]. Следовательно, то, что в чистой потенции, не имеет акта, через который различалось бы. Но материя неба и низших такова, ибо материя низших ни «что», ни «какое», ни «сколько» и т. д., седьмая [книга] этого [труда], но в чистой потенции, как излагает там Комментатор. Но материя неба в чистой потенции, иначе из неё и формы неба не было бы одного само по себе. И подтверждается: как нет иначе как одного всецело чистого акта, так нет иначе как одной всецело чистой материи и одного смысла. Но нет иначе как одного всецело чистого акта, как явствует о Боге, двенадцатая [книга] этого [труда] и пятая книга «Физики»; и материя есть чистая потенция и разнообразится, напротив, и не разнообразится в низших и высших.

Однако брат Эгидий добавляет, что хотя в небе есть материя одного смысла с материей низших, поскольку это в себе, однако через форму различается, ибо форма небесного тела различается от формы низших, поскольку форма неба не имеет противоположного; поэтому не оставляет в материи никакой потенции и стремления к другой форме, ибо материя, стоящая под одной формой, не стремится к другой, если эта форма не имеет противоположного и не может ей наследовать в материи. А что материя неба не имеет противоположного — явствует, ибо движение неба не имеет противоположного, из первой книги «О небе»; следовательно, и форма не имеет противоположного; и, следовательно, небо не рождено и не разруσιμο, ибо возникновение есть из противоположного в противоположное в субстанции. Но формы низших либо сами по себе, либо по крайней мере через акцидентальные расположения, как говорят другие, разрушаются, и формы низших наследуют друг другу в материи.

Что бы ни было о заключении, однако основания не заключают. К первому: «если бы небо было составным» и т. д. — следствие отрицается, ибо несмотря на то, что небо не имеет материи и формы, оно всё же может иметь измерения и быть протяжённым, как определённая фигура. К доказательству: «форма материи протягивает» и т. д. — допускается. Матери-

альная форма не протягивается иначе как протяжением материи, ибо если бы материальная форма предшествовала измерениям в материи, тогда была бы неделимой; но нематериальная и нерождаемая форма не способна протягиваться через телесную материю, которая бы её под- лежала, но через свою форму, которая находится там как в простом субъекте. Отсюда и Ком- ментатор говорит это в трактате «О субстанции сферы»: он понял о материальной и рождаемой форме. К другому: «та субстанция составная» и т. д. Через это основание доказывалось бы, что небо имеет материю, которая есть субъект возникновения, ибо Аристотель аргументирует там против Эмпедокла, который сказал, что первые элементы нерождаемы и неразрушимы и не имеют материи. Но Аристотель хочет доказать, что они рождаемы и разрушимы, и не только что имеют материю; и это доказывается из допущенного им, поскольку они различаются в разреженности и плотности: та субстанция состоит из материи и формы, части которой различа- ются по разреженному и плотному. И это он доказывает через Аристотеля в первой книге «О возникновении», где он говорит против Эмпедокла, который сказал, что элементы не имеют материи, и однако допускал, что они сравниваются по разреженному и плотному. И из этого Аристотель заключает против него: если элементы сравниваются по разреженному и плотному, необходимо, чтобы они сходились в одной материи и общем субъекте. И так Аристотель хочет, что те, чьи части различаются по разреженному и плотному, сходятся в материи.

Далее, это явствует через определение разреженного и плотного, ибо плотное есть то, что имеет больше материи и меньше формы, имеет более несовершенную форму; но наоборот, разреженное есть то, что имеет меньше материи и больше формы, более совершенную форму. Следовательно, через определение плотного и разреженного явствует, что то, чьи части раз- личаются разреженностью и плотностью, есть составное из материи и формы. Но части неба таковы, ибо звезда есть более плотная часть своей сферы, а незвёздные части более разре- женны, как говорит Комментатор во второй книге «О небе» и в трактате «О субстанции сферы». Также одна часть неба затмевается материей, как явствует о луне.

Далее, та форма, которая сама по себе не индивидуирована, как бытие в материи, ибо если допустить, что она не в материи, тогда она была бы индивидуирована сама по себе, поскольку в отделённых от материи не различаются плоть и бытие плоти, подлежащее и чтой- ность. Но форма неба сама по себе не индивидуирована, согласно Аристотелю в первой книге «О небе», где он говорит, что различается сказать «небо» и «это небо». Затем доказывает вто- рое: те субъекты одного смысла, каждый из которых в чистой потенции, ибо различение только через акт, поскольку акт разделяет и различает, седьмая [книга] этого [труда]. Следовательно, то, что в чистой потенции, не имеет акта, через который различалось бы. Но материя неба и низших такова, ибо материя низших ни «что», ни «какое», ни «сколько» и т. д., седьмая [книга] этого [труда], но в чистой потенции, как излагает там Комментатор. Но материя неба в чистой потенции, иначе из неё и формы неба не было бы одного само по себе. И подтверждается: как нет иначе как одного всецело чистого акта, так нет иначе как одной всецело чистой материи и одного смысла. Но нет иначе как одного всецело чистого акта, как явствует о Боге, двенадцатая [книга] этого [труда] и пятая книга «Физики»; и материя есть чистая потенция и разнообра- зится, напротив, и не разнообразится в низших и высших.

Однако брат Эгидий добавляет, что хотя в небе есть материя одного смысла с материей низших, поскольку это в себе, однако через форму различается, ибо форма небесного тела различается от формы низших, поскольку форма неба не имеет противоположного; поэтому не оставляет в материи никакой потенции и стремления к другой форме, ибо материя, стоящая под одной формой, не стремится к другой, если эта форма не имеет противоположного и не может ей наследовать в материи. А что материя неба не имеет противоположного — явствует, ибо движение неба не имеет противоположного, из первой книги «О небе»; следовательно, и форма не имеет противоположного; и, следовательно, небо не рождаемо и не разруσιμο, ибо возникновение есть из противоположного в противоположное в субстанции. Но формы

низших либо сами по себе, либо по крайней мере через акцидентальные расположения, как говорят другие, разрушаются, и формы низших наследуют друг другу в материи.

Что бы ни было о заключении, однако основания не заключают. К первому: «если бы небо было составным» и т. д. — следствие отрицается, ибо несмотря на то, что небо не имеет материи и формы, оно всё же может иметь измерения и быть протяжённым, как определённая фигура. К доказательству: «форма материи протягивает» и т. д. — допускается. Материальная форма не протягивается иначе как протяжением материи, ибо если бы материальная форма предшествовала измерениям в материи, тогда была бы неделимой; но нематериальная и нерождаемая форма не способна протягиваться через телесную материю, которая бы её подлежала, но через свою форму, которая находится там как в простом субъекте. Отсюда и Комментатор говорит это в трактате «О субстанции сферы»: он понял о материальной и рождаемой форме. К другому: «та субстанция составная» и т. д. Через это основание доказывалось бы, что небо имеет материю, которая есть субъект возникновения, ибо Аристотель аргументирует там против Эмпедокла, который сказал, что первые элементы нерождаемы и неразрушимы и не имеют материи. Но Аристотель хочет доказать, что они рождаемы и разрушимы, и не только что имеют материю; и это доказывается...

...в физическом исследовании, но после того как она уже познана, тогда впервые она приписывается другим, нерождаемым и неразрушимым, как небо. Следует сказать, что это основание не имеет силы, ибо основывается на том, что небо состоит из материи и формы, лишённой противоположного; это против Комментатора в первой книге «О небе». Отсюда он аргументирует так: если форма в материи лишена противоположного и возникновения, тогда природа действовала бы праздно; это против достоинства природы. Следствие он разъясняет: материя не для другого, как чтобы из неё с формой стало другое. Но если форма в материи не имела бы противоположного, тогда из материи не могло бы что-либо стать с формой, ибо другая форма никогда не рождалась бы в материи, что ложно и против Комментатора. Отсюда Комментатор добавляет, что как отсечение есть цель ножа и нож был бы праздным, если бы никогда не резал, так возникновение есть цель материи; отсюда если бы форма никогда не рождалась в материи, тогда материя была бы праздной. Это основание Комментатора благое и неразрешимое согласно природе: что небо не имеет материи первым способом, и он полагает это в первой книге «О небе».

Во-вторых, следует сказать, что небо вполне имеет материю вторым способом: а именно материю «откуда» и «где», ибо есть простой субъект к «где». И причина такова. То, что движется согласно «где» и «где», должно иметь материю, ибо движение требует субъекта и материи, поскольку есть акт сущего в потенции, третья книга «Физики». Следовательно, то, что движется согласно «где», должно иметь материю, которая в потенции к «где». Но небо таково, ибо небо движется согласно «где», как явствует само по себе, поскольку в этом сходятся все законы; ибо как изменение в субстанцию сделало нас познающими первую материю, так изменение в «где» сделало нас познающими местную материю, как говорит Комментатор в восьмой [книге] этого [труда]. И это также явно, как кажется, хочет Аристотель в восьмой [книге] этого [труда], в той главе «О материальной же субстанции», где он говорит так: «В естественных же вечных субстанциях, может быть, иное основание: некоторые не имеют материи или не такую, но только подвижную по месту». Следует заметить, что основания заключения о небе, принятом в четвёртом значении, доказываются как заключения о небе во втором значении, ибо, беря небо с двигателем, оно не состоит из материи и формы в собственном смысле, поскольку форма в материи не движет вечным и равномерным движением; и основание ранее затронуто. Но однако оно состоит из материи и формы в несобственном смысле и по подобию, ибо те, у которых одно производит движение, а другое воспринимает движение, имеют соответствие с материей и формой; и совокупность из них есть совокупность из материи и формы по подобию. И это основание ранее затронуто.

Следует заметить, что здесь есть сомнения против позиции Аристотеля и Комментатора о небе в третьем значении, ибо доказывается, что небо имеет материю, которая в потенции к бытию. Ибо субстанция, имеющая или способная отпасть от собственной операции, имеет материю, которая в потенции к бытию; ибо если бы отпадала от операции, отпадала бы и в субстанции большего проявления, поскольку то, что может отпасть от собственной операции, может разрушиться и иметь материю, которая в потенции к бытию; ибо если бы отпадало от операции и оставалось в субстанции, тогда было бы праздным, что против достоинства природы. Но небо может отпасть от собственной операции, ибо движение неба может не быть; и так небо может не двигаться, что есть его собственная операция. Следовательно, имеет материю, которая в потенции к бытию. Далее. Та субстанция, которая зависит от действующего, должна иметь материю, ибо активной потенции должна соответствовать пассивная потенция; поскольку действующее не производит ничего иначе как из материи и субъекта, как явствует из первой книги «Физики». Но небо зависит от действующей причины, как явствует через Комментатора в трактате «О субстанции сферы», где он говорит, что небо нуждается в активной силе, ибо движущее целое есть действующее целое. Следовательно, имеет материю. Далее, различие движения не доказывает различия движимого иначе как из различия формы, ибо огонь отличен от земли не только из различия движения убеждается, но и из того, что огонь имеет иную субстанциальную форму от земли. Но из различия движений небесных тел к движению низших доказывается различие движимых, из первой книги «О небе», ибо через различие движения неба по кругу доказывается, что небо иной природы от низших, которые движутся прямым движением. И это основание сильнее для доказательства того, что небо состоит из материи и формы, как говорит Комментатор в первой книге «О небе».

Далее. В небесном теле с устранением двигателя либо различается чувственное от понимаемого, либо нет — через достаточное деление. Если различается, тогда небо должно состоять из материи и формы; если не различается, тогда одно и то же было бы чувственным и понимаемым, что абсурдно. И это основание полагает Комментатор в первой книге «О небе».

К первому, когда говорится, что субстанция, которая может отпасть и т. д. Допускается, если может отпасть от дела всецело одновременно. Ты говоришь, что небо может отпасть и т. д. Следует сказать, что это не верно. Отсюда изречение Комментатора не хорошо понимается некоторыми, говорящими, что небо может отпасть от всего движения одновременно, как слепой от всего зрения; и это ложно, ибо так не понимает Комментатор, ибо тогда небо было бы рождаемым и разрушимым. Отсюда небо отпасть одновременно согласно целому от операции — ложно и невозможно. Но иным способом можно понимать, что небо отпадает от движения последовательно, не одновременно согласно целому, ибо один оборот неба разрушается при наступлении другого, поскольку сегодняшний оборот неба разрушается при наступлении завтрашнего. И так истинное понимание, что движение неба может не быть согласно части и последовательно. И так никакого неудобства не следует.

К другому сомнению. «Что зависит от действующего» и т. д. Следует сказать, что действующее двояко: одно истинное и просто сказанное; другое — действующее, сказанное по подобию, которое сохраняет. Но верно, что [первое] зависит от истинного действующего, которое движет материю, которая в потенции к бытию, ибо как говорит Комментатор в двенадцатой [книге] этого [труда], что истинное действующее у Аристотеля не собирает между различными, но извлекает то, что в потенции к акту. И то, что так от действующего, сказанного по подобию, имеет материю, которая в потенции к бытию. Ты говоришь, небо зависит и т. д. Следует сказать, что небо не зависит от действующего первым способом, которое извлекает его субстанцию, которая в потенции, но зависит от действующего вторым способом, сказанным сохраняющим. Отсюда некоторые были, которые говорили, что небо есть первое сущее, и поклонялись ему. Против них говорит там Комментатор, который говорит, что небо не есть первое сущее и первое начало, но зависит от другого сохраняющего внешнего начала, о кото-

ром также говорит Аристотель в двенадцатой [книге] этого [труда], что от этого сохраняющего начала зависит небо и природа. Но как понимается изречение Комментатора, что небо зависит от действующей силы? Это должно пониматься в отношении конечной причины, не только в отношении движения, но и в отношении субстанции, ибо небо в отношении своей субстанции зависит от действующего, а именно сохраняющего его субстанцию. Отсюда то, что движется, не есть первое, но зависит от первого как от цели; и это имеет в отношении своей субстанции. Но небо движется, как явствует. Отсюда когда Комментатор говорит, что нет никакой разницы между требованием силы, дающей движение, и вечным пребыванием, он понимает не только о конечной причине движения неба, но и о цели субстанции неба; и так должно пониматься то место.

К другому сомнению. «Различие движений» и т. д. Допускается, что из различия форм некоторым образом есть различие движимых; но не необходимо, чтобы от различных внутренне присущих форм, но достаточно, даже если они абстрактны по бытию. Ты говоришь, что небо и т. д. Допускается, следовательно, это также через некоторую различную форму, которая не внутренне присуща и познаётся в бытии через субъект, но через абстрактную форму, которая однако присвоена согласно делу. Отсюда небо не имеет внутренне присущей формы; однако имеет форму, присвоенную согласно началу действия, так что двигатель не зависит от такого тела в бытии, но в движении, ибо двигатель движет такое тело, которое не может двигать другое большее или меньшее, и с такой определённой скоростью движет, а не с другой, как явствует из второй книги «О небе».

К сомнению. «В небесном теле» и т. д. Следует сказать, что в небе с устранением двигателя понимаемое и сохраняемое различаются, ибо небо в отношении субстанции есть то, что...

...понимается, но ощущается в отношении акциденций, как в отношении самого. К другому. Ты говоришь, следовательно, состоит из материи и т. д. Следует сказать, что оно вполне состоит из материи «откуда» и «где», которая не подлежит внутренне присущей форме, но отделённой по бытию форме, как сказано. Следует заметить о луне и небе, что небо с устранением двигателя не понимается иначе как по аналогии и сравнению с его формой, а именно с двигателем, абстрактным по бытию, который есть простой субъект. И это не понимается иначе как поскольку воспринимает движение от двигателя; но это не может быть, если не понимается двигатель. Так и в материи низших есть подобное по аналогии с формой. Отсюда Комментатор говорит в первой книге «О небе», что субстанция неба, которая есть простой субъект в потенции к «где», не понимается без отделённой субстанции, поскольку есть субъект и воспринимает движение от неё.

К аргументам противного. «Что движет себя» и т. д. Допускается, если рождается, тогда состоит из материи и формы, сказанных омонимически, как видно, ибо имеет материю «откуда» и «где»; и так движет себя в отношении агрегата из двигателя и движимого, как сказано. К другому: «что одушевлено» и т. д. Допускается, если рождается и разрушается, тогда состоит из материи и формы, сказанных однозначно; но если одушевлено нерожденное, не следует, но достаточно, что некоторым образом состоит из материи и формы омонимически. Ты говоришь, что небо одушевлено. Допускается, беря его с двигателем; и так также состоит из материи и формы омонимически. Отсюда как здесь форма благороднее материи, так в небесных телах двигатель благороднее движимого; и так имеет условие формы. К другому: «В чём форма и оформленное» и т. д. Допускается, некоторым образом состоит. Ты говоришь, в небе форма и т. д. Это трудно: как в небе форма и оформленное суть одно по числу, ибо двигатель отделён от неба по ипостаси, как хочет Комментатор. Отсюда следует сказать, что они называются одним по числу не через неразличимость одного бытия, ибо так имеют различное бытие ипостаси двигатель и движимое, но постольку называются одним по числу, поскольку двигатель и движимое не различны местом и субъектом. Отсюда двигатель присваивается движимому согласно операции; и так не различны, ибо двигатель движет такое тело, а не иное, и с

такой определённой скоростью, а не иной. И такого устранения различия достаточно, чтобы они были одним по числу принимающим и принимаемым, как хочет там Комментатор. К другому: «Во всём, что движется» и т. д. Допускается, если движется движением возникновения и разрушения, тогда должно иметь материю, которая в потенции к бытию; но если движется местным движением, не следует, но достаточно, что имеет материю, сказанную омонимически, которая есть «откуда» и «где». И ты говоришь, что небо движется. Допускается местным движением. И так имеет местную материю, как сказано. К другому: «всякая субстанция либо материя» и т. д. Следует сказать, что оно есть форма и простой субъект, который также называется местной материей, которая в потенции к «где». И ты говоришь, что материя не движется и т. д. Допускается: материя, которая в потенции к бытию, не движется местным движением, и это допущено; но местная материя вполне движется местным движением. И ты доказываешь, что оно не форма, ибо говорит Комментатор, что небо всегда имеет потенцию в «где»; это не препятствует, чтобы оно было материей, но вполне препятствует, чтобы оно было формой. Я хочу, что небо вполне есть местная материя и простой субъект и не есть форма нерождаемая и неразрушимая; но однако вполне может быть формой, поскольку есть акт, существующий сам по себе, широко принимая форму за простой субъект и за то, что не в потенции к субстанциальному бытию, как видно. И это о вопросе.

Вопрос VII. Имеют ли акциденции материю, из которой возникают?

«Итак, все эти» и т. д.

Исследуется относительно этой части: имеют ли акциденции материю, из которой возникают. Аргументируется, что да. Все роды имеют одни и те же начала по аналогии, как хочет Аристотель в двенадцатой [книге] этого [труда]. Но в роде субстанции начала: форма, лишённость, материя, из которой возникает, как явствует из первой книги «Физики». Следовательно, и в роде акциденций есть форма, лишённость, материя, из которой возникает акциденция. Следовательно, имеют материю, из которой.

Далее. Как относятся смешиваемые к смешанному, так крайние качества относятся к средним качествам — по подобающему подобию, ибо как из смешиваемых возникает смешанное, так из первых качеств возникают вторые, и из крайних — средние. Но смешиваемые суть материя, из которой возникают смешанные, ибо также называются элементами. Следовательно, и вторые качества составляются из первых, и средние из крайних, как из материи. Следовательно, и т. д.

Далее. Как относится чувственная материя к естественным [вещам], так относится умопостигаемая материя к математическим — это очевидно по подобающему подобию. Но естественные [вещи] имеют чувственную материю, из которой возникают. Следовательно, и математические имеют материю, из которой возникают; и математические суть акциденции. Следовательно, акциденции имеют материю, из которой возникают. Следовательно, и т. д.

Далее. Число составляется из единиц как из материи, ибо число есть множество, агрегированное из единиц. Но число есть акциденция. Следовательно, акциденции имеют материю, из которой.

Противоположное хочет Аристотель в приведённом тексте.

Следует сказать к вопросу, что акциденции не имеют материю, из которой возникают, которая входила бы в их составление. И причина такова. Если бы акциденция имела материю, из которой возникает, тогда она была бы составной из материи и формы; но это ложно, ибо материя, которая в чистой потенции, не в роде акциденций. Следствие очевидно: то, что имеет материю, из которой возникает, есть составное из материи и формы, поскольку форма есть совершенство материи, ибо материя не имеет бытия иначе как через форму, поскольку в чистой потенции.

Далее. Если бы акциденция имела материю, из которой возникает, тогда форма акциденций была бы в первой материи; это ложно, ибо акцидентальные формы различаются от субстанциальных тем, что субстанциальные формы в сущем в потенции, а акцидентальные — в сущем в акте, как хочет Комментатор во второй книге «О душе», и берётся из этой восьмой [книги].

Во-вторых, следует сказать, что они вполне имеют нечто, из чего составляются, как из материального, которое некоторым образом подобно материи. И причина такова. То, что имеет части, из которых составляется существенно, имеет материальное, ибо части, из которых нечто составляется существенно интегративно, уподобляются материи и относятся как материальное. Но акциденции таковы, ибо акциденции, по крайней мере некоторые, имеют части, из которых составляются существенно интегративно, как линия имеет части, из которых составляется, как части линии. Подобно белизна и чернота имеют части, из которых составляются, как различные степени; подобно средние акцидентальные формы реально составляются из крайних, как краснота из черноты и белизны, ибо говорит Комментатор в первой книге «Физики», что крайние в акте находятся в среднем. Подобно линия составляется из длины и

двух точек, и длина относится как материальное. И это основание более доказывает о телесных акциденциях.

Далее, есть более универсальное основание. То, что составляется из рода и различия, имеет материальное, из которого возникает, ибо род относится как материальное начало, поскольку говорит Линкольнский в первой книге «Первой Аналитики», что род есть формальная материя или материальная форма. Следовательно, то, что составляется из рода, имеет материальное, из которого возникает. Но акцидентальные формы таковы, ибо все акцидентальные формы, кроме всеобщих, составляются из рода и различия; и это имеет истину об акциденциях в предикаменте.

К аргументам противного. К первому: «всех родов» и т. д. Допускается, однако не суть начала, сказанные однозначно, ибо материя и форма, которые суть начала субстанции, иного смысла; но материя и форма в изменении акциденций принадлежат к другому роду, ибо материя и субъект принадлежат к роду субстанции. Следовательно, основание не заключает. К другому: «как относятся смешиваемые» и т. д. Следует сказать, что не подобно в этом, ибо смешиваемые суть субстанции, и так могут быть материей смешанного, по крайней мере близкой материально; относятся как материальное. И подобно понимай.

...о первых качествах в отношении вторых, но подобно, ибо как смешанные составляются существенно из смешиваемых, которые в акте остаются в смешанном, так средние качества составляются из крайних, которые в акте остаются в них. Каким же образом смешиваемые остаются в смешанном, видно ранее.

К другому: «как относится чувственная материя» и т. д. Следует сказать, что подобное и неподобное: подобно в том, что как природа естественные [вещи] требует чувственную материю, так математические — умопостигаемую; однако неподобно, ибо материя естественных субстанций из рода субстанции, но умопостигаемая материя математических, по крайней мере которая есть телесная субстанция, отвлечённая от акциденций, не из рода тех акциденций. Отсюда я хорошо допускаю, что умопостигаемая материя акциденций математических, которые суть страсти, из рода акциденций. Для понимания этого следует заметить, что из числа математических некоторые относятся как субстанция, как число и треугольник, и их умопостигаемая материя есть телесная субстанция, отвлечённая от них, которая из рода субстанции. Другие математические относятся как страсти, и их умопостигаемая материя из рода акциденций, как треугольник есть субъект «иметь три», и треугольник из рода акциденции, не что был в том же роде с «иметь», но понимай о других. Об умопостигаемой материи математических следует исследовать в другом месте, ибо есть различные мнения. Далее, неподобно в другом, ибо чувственная материя, из которой нечто возникает и входит в его составление; но из умопостигаемой материи не собственно нечто возникает, но есть субъект, в котором существуют математические. К другому явствует, что число не добавляет никакой формы сверх единиц, но число есть единицы существенно, как видно ранее; каким же образом число относится к единицам — есть мнения, и некоторым образом видно ранее.

Вопрос VIII. Может ли непосредственно из укуса стать вино и из мёртвого — живое?

«Некоторое же сомнение» и т. д.

Исследуется: может ли непосредственно из укуса стать вино и из мёртвого — живое. Аргументируется, во-первых, что да. Ибо если бы из укуса непосредственно не становилось вино, то это было бы либо со стороны материи, либо со стороны формы, либо со стороны лишённости — через достаточное деление. Но не со стороны материи, ибо материя безразлична к любой форме; и не со стороны лишённости, ибо из тёмного становится светлое непосредственно и из несправедливого — справедливое. Подобно и не со стороны формы, ибо материя может принимать любую форму, поскольку с отбрасыванием одной формы другая может ей наследовать в материи. Следовательно, и т. д.

Далее. Первая материя восприимчива к любой субстанциальной форме через определённое действующее. Следовательно, и непосредственно материя вина после отбрасывания формы укуса через определённое действующее может принять форму вина. Антецедент явствует из восьмой [книги] этого [труда], ибо материя восприимчива к любой форме через определённое действующее. Следствие очевидно, ибо форма вина есть субстанциальная форма. Следовательно, непосредственно после формы укуса материя может принять форму вина через определённое действующее, как и другие формы.

Противоположное хочет Аристотель в приведённом тексте, ибо говорит, что всё, что взаимно изменяется, должно вернуться к материи, как если бы из мёртвого — животное и из укуса — вино. Отсюда и Аристотель говорит, что вино не есть материя укуса; и излагает Комментатор: если бы вино было материей укуса, тогда как из вина непосредственно становился бы укус, так из укуса непосредственно становилось бы вино.

Для понимания вопроса следует заметить, что форма различным образом относится к материи. Иногда форма так относится к материи, что может быть введена через одно лишь присутствие действующего без изменения, как тёмная среда относится к свету, ибо при одном лишь присутствии солнца среда освещается; и это потому, что материя в высшей степени расположена к той форме, поскольку не стоит под противоположным расположением. Иногда же она относится к противоположному, так что в материи нет такого расположения, но под расположением, противоположным вводимой форме. И иногда та форма может быть введена непосредственно и через одно изменение в материю, как относится материя воздуха к форме огня; отсюда в таких [случаях] может быть обратное возникновение непосредственно, и это потому, что та форма не предполагает других подчинённых форм. Иногда же не через одно изменение, но через многие формы вводится в материю, так что материя одним изменением не может измениться к форме, но через многие средние происходит переход, ибо та форма предполагает, что другие формы в материи предшествуют упорядоченно; и само изменяющее и движущее не может одним изменением достаточно расположить средние. И это явствует в возникновении совершенного животного, ибо совершенное животное рождается из подобного себе по виду, и это не непосредственно, но через семя; сила же в семени не может одним изменением изменить менструум к форме животного, но сначала превращает менструум в кровь, затем кровь в эмбрион. Отсюда в таких [случаях] определённый способ природы действовать; однако в произведённом [сущем] они могут разрушиться одним изменением. К вопросу следует сказать, что из укуса не становится непосредственно вино, и из мёртвого — живое. Основание: та форма не может быть введена в материю одним изменением, которая предполагает, что в материи предшествуют многие формы последовательно; ибо многие формы не могут быть введены в материю упорядоченно и последовательно через определённое действующее одним измене-

нием. Но так относится форма вина к материи уксуса и форма живого к материи мёртвого; ибо если из мёртвого должно стать живое, необходимо, чтобы материя мёртвого животного сначала была под формой пищи, затем под формой менструума, затем под формой крови, и так о других. И поэтому требуется много средних для того, чтобы из уксуса стало вино; но одного только действующего достаточно для изменения вина в уксус. Отсюда в тех [вещах], которые производятся через определённый порядок и через многие средние, из лишённости не может стать обладание без разрешения в первую материю, как может быть наоборот. Однако в тех, в которых лишённость имеет непосредственный порядок к субъекту формы, как и наоборот, в таких из лишённости может быть возврат к обладанию, ибо из тёмного становится светлое и из несправедливого — справедливое, поскольку свет и тьма имеют непосредственный порядок к собственному субъекту.

К аргументам. «Если из уксуса» и т. д. Следует сказать, что это со стороны формы и обладания, ибо они требуют определённого порядка происхождения, поскольку форма вина требует многие формы, упорядоченно следовать друг за другом в материи уксуса, как видно. К другому явствует подобно, ибо где нет порядка форм в материи, определённое действующее может ввести форму в материю одним изменением. И это о вопросе.

Вопрос IX. Становится ли из материи и формы одно само по себе?

«О сомнении же сказанном» и т. д.

Исследуется относительно последней главы: становится ли из материи и формы одно само по себе. Аргументируется, во-первых, что нет. Из тех [вещей], которые наиболее противоположны, не становится одно, ибо те, что наиболее противоположны, не терпят себя одновременно. Но материя и форма наиболее противоположны, ибо материя есть потенция, а форма есть акт; но акт и потенция весьма противоположны, как хочет Аристотель в первой книге «О душе», и говорит Комментатор там же, что они наиболее противоположны. Далее. Казалось бы более [вероятным], что из двух форм одного вида становится одно само по себе, чем из двух частей материи и из материи и формы; но из двух частей материи не становится одно само по себе, и из двух форм одного вида. Следовательно, и т. д. Большая посылка известна, ибо большее различие между материей и формой, чем между двумя частями материи или двумя формами одного вида. Меньшая посылка явствует, ибо из двух частей материи не становится одно само по себе, и из двух форм одного вида; и это допущено у всех. Поэтому и т. д.

Далее. Из тех [вещей], которые вносят различные природы, не может стать одно само по себе, ибо различные природы не делают одного самого по себе. Но материя и форма таковы, ибо иная природа материи и иная — формы, как явствует из первой книги «Физики».

...активную, следовательно, одновременно. Далее, в тяжёлом одновременно активная и пассивная потенция, ибо тяжёлое движется само по себе и от внутреннего начала вниз, иначе двигалось бы насильственно; и так имеет в себе пассивную потенцию, поскольку движется, и имеет активную потенцию, поскольку движет. Но тяжёлое есть один субъект, ибо тяжёлое, как камень, есть одна вещь и одно подлежащее. Следовательно, активная и пассивная потенция одновременно в одном субъекте.

Далее, любящий движется любимым, и понимающий — понимаемым; это очевидно. Но одно и то же может себя любить и понимать. Следовательно, одно и то же имеет активную и пассивную потенцию. Следовательно, одновременно.

Противоположное хочет Аристотель в приведённом тексте, и Комментатор.

Следует сказать к вопросу, что активная и пассивная потенция находятся в различных субъектах, так что не одновременно в одном субъекте согласно одному и одним способом. Основание: как относится действующее к претерпевающему, так относится активная и пассивная потенция — по подобающему подобию. Но одно и то же не есть действующее и претерпевающее согласно одному одновременно и одним способом, ибо это противоречит. Далее, если бы одно и то же имело активную и пассивную потенцию согласно одному и одним способом, тогда одно и то же было бы в потенции и в акте; но это ложно, ибо акт и потенция весьма противоположны и не соединяются в одном. Следствие очевидно: поскольку нечто имеет пассивную потенцию, оно в потенции; поскольку имеет активную потенцию, оно в акте. И я говорю «согласно одному», ибо в составном может одновременно быть пассивная и активная потенция в различных частях: пассивная потенция присуща со стороны материи, активная — со стороны формы. Как и то, что движет себя, делится на часть движущую и часть движимую; движущая часть имеет активную потенцию, движимая — пассивную. И я говорю «одним способом», ибо одно и то же может иметь активную и пассивную потенцию, но не одним способом, а различным образом, как говорит Комментатор в третьей и восьмой [книгах] «О небе», что форма камня, поскольку форма, движет, а поскольку форма в материи — движется.

К аргументам противного. К первому: «материя и форма» и т. д. Допускается, что они одновременно в субъекте, однако суть различные части одного субъекта; и так активная и пас-

сивная потенция могут быть в одном субъекте по причине различных частей, как видно. К другому: допускается согласно различным частям или согласно одной и той же части, различным образом принятой, как видно о форме камня. Отсюда я хочу, что один и тот же субъект имеет активную и пассивную потенцию согласно различным частям, как видно. К другому: «любящий движется» и т. д. Следует сказать, что любовь и понимание не суть истинные движения, но широко принимая движение; следовательно, не имеет силы для предложенного. Или можно сказать к меньшей посылке, что хотя одно и то же понимает себя, однако это иным и иным способом, ибо понимающее отличается от понимаемого: понимающее в потенции, но понимаемое в акте. Об этом следует видеть в книге «О душе», что интеллект понимает себя, оформленный видами других.

Вопрос X. Предшествует ли активная потенция акту?

«Поскольку же это в неодушевлённых» и т. д.

Исследуется относительно этой части: одна ли наука или потенция о двух противоположностях. И аргументируется, во-первых, что да. Как относятся лишённостно противоположные, так относятся и противоположные — по подобающему подобию, ибо лишённость есть корень противоположности, поскольку всегда одно из противоположных относится как лишённость некоторым образом к другому. Следовательно, как относятся лишённостно противоположные, так и противоположные. Но один смысл и одна наука о лишённостно противоположных, ибо говорится в первой книге «О душе»; напротив, в ошибках чувства [чувство] есть судья своего и косвенного; и то же хочет Аристотель в третьей книге «О душе».

Противоположное аргументируется авторитетом Аристотеля в тексте.

На этот вопрос отвечается подобающе, что одна наука и потенция формально и существенно о противоположностях; и это доказывается наиболее через лишённостно противоположные и через авторитет Аристотеля здесь. Но в истине это мнение не имеет силы. Его основание: как относится чувство к чувственному, так интеллект к понимаемому — по подобающему подобию, ибо как в ощущении, так и в понимании, поскольку интеллект предполагает чувство. Но чувство не судит две противоположности, ибо зрение через иной вид воспринимает белизну и через иной — черноту; и также иное суждение о том и другом. Следовательно, и одна наука и потенция формально и существенно не о противоположностях. Отсюда иначе следует сказать к вопросу. И я говорю, что одна и та же наука и потенция существенно и формально не о противоположностях. И причина: наука и обладание различаются по объектам, как потенции различаются по объектам. Отсюда говорит Аристотель: «Ясно, что акт и акт — по объектам, так и науки и потенции различаются по объектам». Из этого аргументируется: где различные объекты формально и существенно, там и различные потенции и науки; и это явствует из предположенного. Но противоположности суть различные объекты формально и существенно, как здоровье и болезнь, белое и чёрное, как само по себе явствует. Следовательно, и т. д.

Далее. Как относятся акты к противоположностям, так и наука, ибо как относятся «лечить» и «болеть» к здоровью и болезни, так и наука, поскольку наука, как медицина, об акте лечения или заболевания; и это противоречит. Так понимай о других. Но не один акт формально и существенно о противоположностях, ибо акты противоположностей различны, как здоровье и болезнь формально различаются, так и акты лечения и заболевания. Следовательно, не одна наука и потенция о противоположностях формально и существенно.

Далее. Наука есть вещь, представляющая вещь вовне, или по крайней мере следует за ней. Из этого аргументируется: где нет одного вида и подобия, представляющего вещь вовне, там нет одной науки; это очевидно из сказанного. Но одно подобие и один смысл не могут быть о противоположностях, ибо если бы был один смысл и подобие противоположностей, тогда противоположности были бы одним и тем же. Отсюда иной вид и подобие белого и чёрного, и подобно понимание о рациональной потенции в отношении противоположностей. Во-вторых, следует сказать, что одна и та же наука и потенция о противоположностях субъективно. И причина: те суть одно субъективно, которые одновременно в одном субъекте. Но науки о противоположностях одновременно в интеллекте, ибо не противоположны в интеллекте, поскольку те противоположности не терпят себя в одном субъекте. Как белое и чёрное не противоположны в интеллекте, но вполне терпят себя; напротив, эти науки более совершенствуются через их одновременное сосуществование, ибо противоположности, поставленные рядом, более выявляются. И так явствует к авторитету Аристотеля, ибо должно пониматься, что одна наука о противоположностях субъективно, поскольку они в одном субъекте; но не должно пониматься, что одна наука формально и существенно.

К аргументам явствует: «как относятся лишённостью» и т. д. Следует сказать, что подобное и неподобное. Подобно в том, что одно из противоположных уподобляется лишённости; но неподобно, ибо обе противоположности суть положительные сущие, но одно из лишённостью противоположных есть не-сущее. Следовательно, не следует, что если лишённость познаётся через вид обладания, то и противоположность познаётся через вид своей противоположности. Иначе можно сказать, допуская большую посылку. К меньшей: «одна наука» и т. д. Допускается субъективно, однако не формально, ибо лишённость познаётся иной наукой, чем наука обладания; но изначально лишённость зависит в познании от обладания. Об этом следует видеть в третьей книге «О душе».

Вопрос XI. Хорошо ли дано определение возможного?

«Некоторые же говорят» и т. д.

Исследуется относительно этой главы: предшествует ли активная потенция акту. Аргументируется, что нет. Причина и следствие одновременно существуют и происходят, вторая книга «Физики». Но активная потенция есть причина акта. Следовательно, одновременно с актом. Следовательно, и т. д.

Далее. Если бы активная потенция предшествовала акту, спрашивалось бы, есть ли активная потенция достаточное начало акта или нет — это явствует через достаточное деление. Если говорится, что есть достаточное начало акта, тогда почему по причине обладания акт позже и теперь? Если же не есть достаточное начало акта, тогда необходимо, чтобы нуждалась в изменении; и так будет пассивная потенция, ибо потенция, в отношении которой происходит изменение, есть пассивная. И так активная потенция будет пассивной.

Далее, если бы потенция предшествовала акту, тогда для того, чтобы осуществляла акт, необходимо, чтобы определялась другим к акту; но тогда это ложно, ибо всё определяющее другое должно иметь...

...активную потенцию, тогда спрашивалось бы, предшествует ли та потенция акту или нет. Если предшествует акту, тогда будет процесс в бесконечность. Если же не предшествует акту, тогда будет та же потенция противоположностей, как одна потенция бежать и не бежать. Следовательно, если потенция приводится к акту, необходимо, чтобы весь акт потенции был положен в акте; и так некто одновременно побежит и не побежит, что противоречие. Далее, может быть непрерывное делимо в бесконечность, из шестой книги «Физики» и первой «О небе». Но если в акте полагается разделённым, следует невозможное, что бесконечное было бы пройдено.

Противоположное хочет Аристотель в приведённом тексте, где говорит, что возможно то, чей акт, если он будет, не влечёт ничего невозможного.

К вопросу следует сказать, что определение возможного хорошо дано и принимается здесь, как различается от необходимого и невозможного. И причина такова. Ничто не упорядочено к невозможному, ибо потенция не упорядочена к тому, что невозможно, поскольку к невозможному нет никакой потенции; иначе потенция быть и потенция не быть была бы напрасной. Но потенция упорядочена к акту, поскольку в одном и том же потенция и акт. Далее, если акт возможного полагается в бытии, то это либо возможно, либо невозможно — через достаточное деление. Нельзя сказать, что невозможно, ибо тогда невозможное следовало бы из возможного, что абсурдно. Доказательство: из чего бы ни следовало невозможное, то невозможно; и последующее. Но акт возможного относится как антецедент, а невозможное — как последующее. Следовательно, если возможное упорядочено к акту, который в бытии невозможен, тогда из возможного следует невозможное, что абсурдно. И подтверждается: когда противоположное последующего следует за противоположным антецедента, тогда первое следствие будет благим, из первой книги «Первой Аналитики». Но так и есть, ибо если есть нечто возможное, из чего следует акт, тогда и акт возможен. Если а следует b, если а возможно, b возможно. Но если акт невозможен, тогда и то, из чего он следует, невозможно, ибо невозможное не следует иначе как из невозможного. Следовательно, то, что возможно, будет невозможным, что ложно. Следовательно, первое следствие было истинным: что если нечто возможно к акту, то акт возможен. Далее, возможное различается от необходимого и от невозможного. Следовательно, если его акт будет, не следует ничего невозможного, хотя иногда ложное. Антецедент явствует, ибо так принимается здесь возможное, которое не необходимо и не невозможно, ибо не всегда есть, как необходимое, и не всегда не есть, как невозможное. Следствие очевидно: поскольку возможное различается от необходимого, оно далеко от акта; поскольку же различа-

ется от невозможного, акт ему не противоречит. Следовательно, из сущности возможного есть два: удалённость от акта и непротиворечие акту. Из того, что далеко от акта, если полагается в акте, следует ложное; из того, что акт ему не противоречит, если полагается в акте, не следует невозможное. Возможное, следовательно, если положено в акте, может следовать ложное, но никогда не следует невозможное. Как если говорится: человек может сидеть — из того, что не сидит, может быть далёк от акта, и поэтому если полагается в акте, следует ложное, ибо ложно, что он сидит; но поскольку ему не противоречит этот акт, который есть сидеть, поэтому при положении этого в бытии не следует невозможное.

К аргументам. К первому: «возможно, что всякое разрушимое разрушится» — допускается: всякое разрушимое, взятое само по себе, может разрушиться, и даже при положении этого в акте не следует ничего невозможного. Но не возможно, чтобы всякое разрушимое разрушилось одновременно, но разрушается последовательно, ибо с разрушением одного рождается другое, и наоборот, поскольку разрушение одного есть возникновение другого; и так материя не стоит без всякой формы. К другому: «возможно, что Сократ бежит и не бежит одновременно» — следует сказать, что это, что есть «одновременно», определяет «бежать», так ложно, ибо некто не имеет потенции бежать и не бежать одновременно; но «одновременно» определяет «иметь потенцию» — так верно, ибо некто возможен, что одновременно имеет потенцию бежать и не бежать. И что говорится, что одна потенция противоположностей, — об этом видно ранее, что она одна согласно субъекту, но не формально и существенно. Отсюда иная потенция к бегу и иная к не-бегу, и иная к лечению и иная к заболеванию. Отсюда потенции различны, как и акты.

Вопрос XII. Возможно ли нечто в природе вещей, что никогда не будет?

«Возможно же быть» и т. д.

Исследуется: хорошо ли дано определение возможного. И аргументируется, во-первых, что нет. Ибо возможно, что всякое разрушимое разрушится, как явствует из первой книги «О небе». Но при положении этого следует невозможное, ибо тогда материя осталась бы без всякой формы; и так определение возможного не будет хорошо дано, которое [гласит], что возможно то, чей акт, если он будет, не влечёт ничего невозможного. Далее, возможно, что Сократ бежит и не бежит; но положим в акте, что он одновременно бежит и не бежит, тогда следует невозможное, что противоречия одновременно подтверждаются об одном и том же. Но, может быть, сказали бы, что не возможно, чтобы Сократ бежал и не бежал одновременно, но последовательно, так что одно не присуще, другое не присуще. Это не имеет силы, ибо одна потенция противоположностей, как одна потенция бежать и не бежать. Следовательно, если потенция приводится к акту, необходимо, чтобы весь акт потенции был положен в акте; и так некто одновременно побежит и не побежит, что противоречие. Далее, может быть непрерывное делимо в бесконечность, из шестой книги «Физики» и первой «О небе». Но если в акте полагается разделённым, следует невозможное, что бесконечное было бы пройдено.

Противоположное хочет Аристотель в приведённом тексте, где говорит, что возможно то, чей акт, если он будет, не влечёт ничего невозможного.

К вопросу следует сказать, что определение возможного хорошо дано и принимается здесь, как различается от необходимого и невозможного. И причина такова. Ничто не упорядочено к невозможному, ибо потенция не упорядочена к тому, что невозможно, поскольку к невозможному нет никакой потенции; иначе потенция быть и потенция не быть была бы напрасной. Но потенция упорядочена к акту, поскольку в одном и том же потенция и акт. Далее, если акт возможного полагается в бытии, то это либо возможно, либо невозможно — через достаточное деление. Нельзя сказать, что невозможно, ибо тогда невозможное следовало бы из возможного, что абсурдно. Доказательство: из чего бы ни следовало невозможное, то невозможно; и последующее. Но акт возможного относится как antecedent, а невозможное — как последующее. Следовательно, если возможное упорядочено к акту, который в бытии невозможен, тогда из возможного следует невозможное, что абсурдно. И подтверждается: когда противоположное последующего следует за противоположным antecedent, тогда первое следствие будет благим, из первой книги «Первой Аналитики». Но так и есть, ибо если есть нечто возможное, из чего следует акт, тогда и акт возможен. Если а следует b, если а возможно, b возможно. Но если акт невозможен, тогда и то, из чего он следует, невозможно, ибо невозможное не следует иначе как из невозможного. Следовательно, то, что возможно, будет невозможным, что ложно. Следовательно, первое следствие было истинным: что если нечто возможно к акту, то акт возможен. Далее, возможное различается от необходимого и от невозможного. Следовательно, если его акт будет, не следует ничего невозможного, хотя иногда ложное. Antecedent явствует, ибо так принимается здесь возможное, которое не необходимо и не невозможно, ибо не всегда есть, как необходимое, и не всегда не есть, как невозможное. Следствие очевидно: поскольку возможное различается от необходимого, оно далеко от акта; поскольку же различается от невозможного, акт ему не противоречит. Следовательно, из сущности возможного есть два: удалённость от акта и непротиворечие акту. Из того, что далеко от акта, если полагается в акте, следует ложное; из того, что акт ему не противоречит, если полагается в акте, не следует невозможное. Возможное, следовательно, если положено в акте, может следовать ложное, но никогда не следует невозможное. Как если говорится: человек может сидеть — из того, что не

сидит, может быть далёк от акта, и поэтому если полагается в акте, следует ложное, ибо ложно, что он сидит; но поскольку ему не противоречит этот акт, который есть сидеть, поэтому при положении этого в бытии не следует невозможное.

К аргументам. К первому: «возможно, что всякое разрушимое разрушится» — допускается: всякое разрушимое, взятое само по себе, может разрушиться, и даже при положении этого в акте не следует ничего невозможного. Но не возможно, чтобы всякое разрушимое разрушилось одновременно, но разрушается последовательно, ибо с разрушением одного рождается другое, и наоборот, поскольку разрушение одного есть возникновение другого; и так материя не стоит без всякой формы. К другому: «возможно, что Сократ бежит и не бежит одновременно» — следует сказать, что это, что есть «одновременно», определяет «бежать», так ложно, ибо некто не имеет потенции бежать и не бежать одновременно; но «одновременно» определяет «иметь потенцию» — так верно, ибо некто возможен, что одновременно имеет потенцию бежать и не бежать. И что говорится, что одна потенция противоположностей, — об этом видно ранее, что она одна согласно субъекту, но не формально и существенно. Отсюда иная потенция к бегу и иная к не-бегу, и иная к лечению и иная к заболеванию. Отсюда потенции различны, как и акты. К другому...

...«всё возможно» и т. д. Следует сказать, что как возможно, так при положении в акте не следует невозможное, ибо непрерывное возможно делиться в бесконечность не согласно совершенному акту, но согласно несовершенному, которому всегда примешана потенция, ибо никогда не делится иначе как так, что ещё нечто остаётся делимым. Отсюда акт не может быть отделён от потенции. Отсюда непрерывное делимо согласно любому знаку в отношении несовершенного акта, не в отношении совершенного акта, ибо целое было бы разделено согласно любому знаку, но согласно любому знаку, но согласно некоторому разделено, и согласно некоторому остаётся делимым.

Вопрос XIII. Определяется ли рациональная потенция к одному через волю и выбор?

«Если же есть то, что сказано, возможное, поскольку следует» и т. д.

Исследуется относительно этой части: возможно ли нечто в природе вещей, что никогда не будет. И аргументируется, что да, авторитетом Аристотеля в приведённом тексте из данного определения возможного: что не есть нечто возможное, что однако никогда не будет, как некоторые считали, что это невозможно. Аристотель говорит здесь в тексте. Далее, если бы это было так, тогда нечто возможное было бы невозможным; это ложно о нём, ибо возможное и невозможное сами по себе противоположны. Следствие явствует через Комментатора в девятой [книге] этого [труда], где он говорит, что ничто не будет возможным. Следовательно, если возможное, что никогда не будет, есть невозможное. Далее, если бы это было так, тогда нечто имело бы потенцию к возникновению, что никогда не родится; но это ложно, ибо говорит Комментатор в девятой [книге] этого [труда]: ничто не имеет потенцию к разрушению, чтобы не разрушиться, и ничто не имеет потенцию к возникновению, чтобы не родиться. Следствие очевидно, ибо то вообще возможно, что никогда не родится.

Противоположное аргументируется. Нечто рождается, что никогда не родится, как обычно говорится, авторитетом Аристотеля во второй книге «О возникновении», ибо хотя всякое разрушимое по необходимости разрушается, однако не всякое рождается по необходимости родится, как он говорит: «Будущее — идти; кто-то не пойдёт»; и так возможна ходьба в ком-то, кто никогда не пойдёт. Следствие очевидно: поскольку нечто рождается, что никогда не родится, и рождается возможно, следовательно, нечто будет возможным, что никогда не будет.

Следует заметить, что некоторые говорят к вопросу согласно намерению Аристотеля, что ничто вечное не разруσιμο или способно не быть; и это он доказывает через первую книгу «О небе». Отсюда для доказательства этого они предполагают два. Во-первых, что при положении возможного в бытии не следует ничего неудобного, хотя иногда следует ложное. И это не нуждается в разъяснении. Во-вторых, предполагают, что два противоречия не могут быть одновременно, ни также две противоположности, хотя некто одновременно имеет потенцию сидеть и не сидеть, составляя «одновременно» с «иметь потенцию», а не с «сидеть». Отсюда это первое достоинство Аристотеля в четвёртой [книге] этого [труда]: не случается одному и тому же одновременно быть и не быть. При этих предположениях аргументируется так. Невозможно то, что если полагается разрушенным, следует невозможное, из определения невозможного. Возможно то, при положении чего не следует ничего невозможного. Напротив, невозможно то, при положении чего следует невозможное. Но если вечное полагается разрушенным, тогда следует невозможное, что нечто одновременно было бы и не было бы в одном мгновении, ибо поскольку оно вечное, оно всегда; и так в любое время. И поскольку оно разрушимое, и разрушено, то в то время, когда его нет; и так одновременно было бы и не было бы в одно время. Отсюда все естествоиспытатели сходятся в том, что ничто вечное не разруσιμο. Тогда говорят эти двое, что это основание уменьшено об этом заключении; тогда с другой стороны и с той же силой заключается, что ничто всегда не-сущее не возможно. И через обращение: ничто возможное не есть всегда не-сущее. И аргументируют так. Невозможно то, при положении чего следует невозможное, из определения невозможного. Но если всегда не-сущее полагается возможным, следует невозможное, а именно что нечто одновременно есть и не есть, поскольку оно всегда не-сущее в любом мгновении времени имеет не-бытие; но поскольку оно возможно, тогда когда-то будет и имеет бытие, ибо при положении возможного в бытии и т. д.; и так нечто одновременно будет и не будет. Следовательно, остаётся, что ничто всегда не-сущее не возможно; и обращается, что ничто возможное не есть всегда не-сущее; и так всякое возможное

когда-то будет. Иным способом формируется это основание и возвращается к тому же. Если нечто возможно в будущем, что никогда не будет, тогда одно и то же одновременно может быть и не быть, составляя «одновременно» с «быть»; но это невозможно из второго предположения. Следствие очевидно: поскольку положено, что возможно, подобно может не быть, ибо полагается, что никогда не будет. И подтверждается: если нечто возможно в будущем в некотором мгновении, обозначим то мгновение, в котором возможно быть и не быть, в котором мгновении А. Но то возможное пусть будет b. И b может быть в а и также не быть в а, ибо никогда не будет. И так может одновременно быть и не быть; и, следовательно, одновременно будет и не будет в а. Далее, всегда сущее и всегда не-сущее противоположны, подобно необходимому и невозможному, из первой книги «О небе» и второй книги «Об истолковании». И так аргументируется. Всякое всегда сущее необходимо; следовательно, всегда не-сущее невозможно. Антецедент из первой книги «О небе». Следствие явствует, как предложенное в предложенном, так противоположное в противоположном и т. д.; и держится в прошедшем для себя и в том же роде противоположности. Далее, если нечто возможно, что никогда не будет, тогда нечто есть всегда не-сущее; и не всегда не-сущее; но это невозможно, ибо они противоположны. Следствие очевидно: возможное полагается не всегда не-сущим, а то, что никогда не будет, есть всегда не-сущее. И эти первые два основания суть основания Аристотеля ближайшим образом, но эти последние суть основания Аристотеля.

Следует заметить, что эти [люди] выдвигают сомнения против этой позиции. Если нет ничего возможного, что не будет, тогда всё будущее по необходимости произойдёт; это ложно, вторая книга «Об истолковании», ибо тогда не нужно было бы советоваться и заниматься делами. Следствие очевидно: после того как всё возможное по необходимости будет, тогда всё будущее по необходимости произойдёт. Отсюда и Комментатор говорит во второй книге «Физики», говоря, что всё происходит по необходимости, — это пустое; и в «Физике» противоречил бы ему. Далее, эта позиция противоречит свободе воли. «Свободная воля да будет» — это ложно и против всех законов. Следствие очевидно: свободное есть возможное выбирать, и ничто не выбирает это. Если, следовательно, не было бы ничего возможного, что никогда не будет, тогда не имеет потенции выбирать то, что никогда не выбирает. Далее, если всё возможное когда-то будет, тогда ничто не будет случайным в обе стороны; но это ложно, первая книга «Первой Аналитики». Следствие очевидно: из смысла случайного есть возможное быть и однако никогда не быть. Если же ничто не возможно, кроме как когда-то будет, тогда не будет случайного в обе стороны. Далее, если всё возможное по необходимости когда-то будет, тогда никто не был бы человеком, порицаемым за пороки, ни хвалимым за добродетели; это ложно. Следствие очевидно: за то, что происходит по необходимости, никто ни хвалим, ни порицаем. И подтверждается: говорит Аристотель в третьей книге «Этики»: за то, что присуще от природы, не должно кого-либо упрекать, ибо уродливого от природы никто не упрекает, как слепого от рождения, но жалеет их. Но если кто-то преступает закон, он имеет невозможность делать по закону, ибо не может иного. Отсюда если бы имел потенцию делать по закону, тогда по необходимости исполнял бы закон; и так не порицались бы за преступление закона, подобно не хвалились бы за соблюдение и исполнение. Далее, тогда не было бы наказания злых действий; но это против всех законов. Следствие очевидно: наказание для того, чтобы не совершал подобное зло, которое совершали и которое могут делать. Следствие держится: по необходимости либо сделают, и так не должны быть наказаны; либо по необходимости не сделают, и так опять не должен быть наказан. Далее, возможно, что некто умрёт прежде, чем помыслит нечто мыслимое, как что треугольник имеет три угла, равные двум прямым; и никогда не помыслит такое мыслимое. Тогда спрашивается: после этой потенции мыслить, напротив, имел ли прежде потенцию мыслить то мыслимое или нет. Если скажет, что да, а именно что имеет потенцию мыслить то, тогда не всё возможное будет по необходимости. Если скажется, что не имел потенции мыслить то, это ложно, ибо мыслительная потенция следует за

человеческой формой через себя и акциденции, которые следуют за видом, а также за индивидуумами того же вида, как явствует через Комментатора во второй книге «О небе» и через Аристотеля. Далее, если бы так, тогда ни одно животное не было бы слепым от рождения, ни глухим; это ложно. Следствие очевидно: если слепой от рождения, тогда никогда не увидит; следовательно, не имеет потенции к видению, ибо всякое способное по необходимости будет по необходимости в том, что не видит, однако способно по природе видеть. Далее, если всё возможное когда-то по необходимости будет, тогда ничто не будет напрасным; это ложно, вторая книга «Физики». Следствие очевидно: напрасно то, что способно по природе нечто вносить, но однако не достигает. И так если всё возможное по необходимости будет, тогда ничто не будет напрасным, ибо всё достигает своей цели. Далее, говорит Комментатор в девятой книге «О небе», что хотя потенция к разрушению не может быть бесконечной, однако потенция к возникновению по акциденции бесконечна, как отдалённая потенция. Если тогда всё возможное когда-то по необходимости будет, тогда потенция не бесконечна к возникновению.

На эти сомнения отвечает согласно намерению Аристотеля. К первому: «если всё возможное» и т. д. Следует сказать, что необходимость двояка: непрерывная и прерывистая. Непрерывная необходимость — та, по которой нечто имеет бытие в любое время и в любое мгновение времени, как человек в видах имеет непрерывную необходимость, ибо согласно собственному [бытию] в любое время имеет бытие. Но прерывистая необходимость двояка. Некоторая есть прерывистая необходимость, определённая в отношении природы и в отношении нас. Но другая есть необходимость неопределённая в отношении нас и определённая в природе. Прерывистая необходимость, определённая в природе и для нас, есть в крайних частях времени, но в среднем времени не есть. Природа средней меры среднего времени тогда сомнительна для определения познанного. И в отношении нас, и в отношении природы, как затмение солнца или луны, необходимо прерывистой необходимостью, однако определённой в природе и для нас; отсюда иногда есть, иногда нет, как в среднем времени между двумя крайними временами, в которых есть; и определена в природе, ибо время, в которое есть, известно природе, и также известно нам согласно философии, в течение какого времени не будет и в какое время будет. Но прерывистая необходимость и неопределённая для нас, однако определённая в природе, есть и достоверна естественно: в течение какого времени не будет и в какое время будет, но для нас неопределённо, как когда некто копающий находит клад: не необходимо непрерывной и определённой в отношении нас необходимостью, ибо не определено нам, в какое время начнёт это; и это по причине разнообразия и неопределённости причин. Отсюда никто не испытал определённого мгновения этого.

Из этого следует сказать к первому сомнению, что согласно намерению Аристотеля не всё происходит по непрерывной необходимости; прерывистой необходимостью, определённой в отношении нас, однако всё происходит по некоторой необходимости, которая со стороны причинности: противоречия определены в отношении природы и в отношении нас, или в отношении природы определены, но в отношении нас неопределённые; ибо иначе следовало бы невозможное, как тебе сидеть и не сидеть. И ты говоришь, что не нужно советоваться. Следует сказать, что это верно, если бы всё происходило по непрерывной необходимости или по прерывистой необходимости, определённой в отношении нас и природы. Но однако если не всё происходит по необходимости, отсюда о тех, которые происходят по прерывистой необходимости, определённой в отношении нас, мы не советуемся и не занимаемся делами, ибо они происходят согласно природе; о затмении солнца, ибо советуемся или не советуемся, однако всегда произойдут. Но вполне советуемся в отношении служений по причине определения самого; вычисляем и работаем исследованием определённого времени, в которое происходят. Далее, кажется, что это основание требует противного: если всё происходит по необходимости, нужно советоваться, ибо советоваться из числа возможного. Следовательно, по необходимости нужно советоваться. Против этого аргументируется: после того как нечто выполнимое по необходимо-

сти будет, зачем советуемся, чтобы это было напрасно, поскольку оно не может не произойти? Ибо тот совет, который упорядочен к некоторому будущему бытию, которое однако не может не быть, как солнце, находящееся на востоке, по необходимости будет на западе согласно течению физики; и это через местное движение, ибо не приходят к западу иначе как через местное движение. И однако местное движение не напрасно, ибо упорядочено к тому, что солнце будет на западе, хотя однако невозможно, чтобы солнце не было в будущем там. Подобно совет упорядочен к произведению некоторого будущего бытия и не напрасен через то, что не может не произвести. К другому, что погибла бы свободная воля, — отрицается, ибо свобода воли не для того, чтобы некто мог выбрать иное и не выбрать, ибо противоречия были бы одновременно; но достаточно для свободы воли, что некто выбирает цель и ради себя. Говорится, что не имеет потенции не выбирать, ибо свободно то, что ради себя, как говорится в первой [книге] этого [труда]. И не называется свободным нечто по причине желания чего-либо, что также могло бы не желать; но однако называется свободным, ибо желает нечто в смысле и ради себя. И называется согласно Аристотелю свободно движущим то, что есть первое движущее, ибо выбирает и хочет двигать ради себя и не может не двигать, ибо не может не двигать согласно Аристотелю, как свет освещает по необходимости при присутствии освещаемого и не может не освещать при присутствии тела, которое должно быть освещено. Отсюда и сказал некий законник, что потенция грешить, добавленная к воле, не увеличивает свободу, но уменьшает. Отсюда хотя воля к некоторому деланию блага, поскольку не может не делать, всё же свободна; ибо если была бы способна не делать, тогда не увеличивала бы свободу, но уменьшала. К другому: «если всё возможное» и т. д. — следствие отрицается. Говоришь: по причине случайного и т. д. — отрицается. Отсюда о случайном в обе стороны достаточно, что некоторый индивидуум в одно время под бытием, а в другое время под не-бытием; или что один индивидуум под одним бытием, а другой индивидуум под не-бытием. Но не требуется для случайного в обе стороны, что может сидеть и однако теперь сидит; но достаточно, что в одно время сидит, а в другое — не последовательно, ибо иначе было бы взаимосвязь. К другому: «если всё возможное» и т. д. — следствие отрицается, ибо хотя это по необходимости делает, однако ещё некоторый акт достоин похвалы, когда делает согласно правильному смыслу, ибо смысл всегда отвращает претерпевать противоположное. Говоришь: из того, что по необходимости и т. д. Следует сказать, что необходимость двояка: насилия, которая происходит от внешнего импульса, как если сильный человек удерживал бы силой другую руку — это необходимость насилия; и то, что так по необходимости насилия присуще, никого не делает ни похвальным, ни порицаемым. Другая — необходимость неизбежности по причине несовместимости противоречий; то, что присуще по этой необходимости, не должно быть ни хвалимо, ни порицаемо. Но так из того, что некто действует согласно установлению законов или выбирает преступить закон, это по необходимости, не насилия, но неизбежности по причине несовместимости противоречий; как если некто действует хорошо или плохо, это по такой необходимости. Следовательно, должен быть хвалим или порицаем. Отсюда гнев выбирает делать благо, ибо делает благо и не может не выбирать, как в едином Боге и первом [начале], которое не может не исполнять. К другому доказательству: некто не должен быть хвалим за то, что присуще от природы. Следует сказать, что из того, что присуще от природы, некоторое присуще от природы души, некоторое — от природы тела. Но из того, что присуще душе, некто должен быть хвалим или порицаем. Отсюда человек благой природы, который делает благое и не может делать злое, достоин похвалы. Подобно человек злой природы, который делает злое, ибо не может делать благое, достоин порицания. Отсюда и Порфирий сказал, что вид Приама достоин власти, что свидетельствует о благом inclination к деланию благого и не может делать злого. Но то, что присуще со стороны тела, не должно быть ни хвалимо, ни порицаемо, как если кто-то был слеп от рождения или уродлив — не должен быть порицаем. Иначе можно сказать, что то, что присуще от природы, может относиться двояко. Одним способом — из чего не следует зло для других, как естественные [вещи], не

существующие [в нравственном смысле]; и не должны быть ни хвалимы, ни порицаемы, как если ты в теле; из этого не следует зло для других. Другое — естественное, не существующее...

...из чего следует зло для других, как те, кто не действует согласно законам и не почитает Бога; следует зло для других. Из этого некто должен быть упрекаем. И есть также естественное, из чего следует благо; из этого должно быть хвалимо, хотя это не от индивидуальной природы; однако из этого законодатели установили наказания или похвалу, из чего следует благо или зло для других. К другому сомнению: «если бы это было, тогда следствие отрицается», ибо злые должны быть наказаны, потому что совершают зло, которое не могут не делать. И ты говоришь, что это по необходимости. Следует сказать, что если это по необходимости, которая по причине несовместимости противоречий, и если это вредит некоторым, тогда должен быть наказан. Но некто, совершающий зло по необходимости насилия, не должен быть наказан. И ты говоришь, что некто, взирающий на наказание кого-либо, либо не может не делать, либо не может делать. Следует сказать, что не может делать то, что не делает. Ты говоришь, что наказание — будущее. Следует сказать, что нет, ибо наказание не упорядочено к тому, что некто не может не делать зла, но упорядочено к тому, чтобы не делал зла; как солнце на западе может быть на востоке через местное движение, и однако из-за этого местное движение не напрасно, ибо местное движение не упорядочено к тому, что солнце теперь на востоке, но к тому, чтобы там быть. Наказание упорядочено к тому, что не может делать зла, а не к тому, что не может не делать зла. К другому сомнению: «что может» и т. д. — некто умирает и т. д. — допускается. И ты говоришь: потенция мыслить и т. д. — напротив, говоришь, что имею потенцию мыслить то. Следует сказать, что не имею потенции мыслить то. И ты говоришь: потенция мыслить то и т. д. — допускается: потенция мыслимого, что будет мыслиться; но потенция мыслить другое, что не будет мыслиться, не следует за формой. Отсюда индивидуум имеет потенцию мыслить о мыслимом и о том, что будет мыслиться, но о другом, что никогда не будет мыслиться им, не имеет потенции мыслить; как ты имеешь потенцию видеть видимое не всё, но только то, что будет видимо; и так о другом. К другому сомнению: «если бы это было» — следствие отрицается. К доказательству: «после того как слепой» и т. д. — верно. И ты говоришь: слепой имеет потенцию и т. д. Следует сказать, что не следует, чтобы слепой имел просто потенцию видеть, но вполне имеет непротиворечие, ибо не противоречит ему видеть. Отсюда слепой — тот, кто не видит, однако не имеет потенции видеть, но непротиворечие. Отсюда непротиворечие ему есть более чем потенция, ибо всё способное есть непротиворечивое, но не наоборот. К другому сомнению: «если это есть» и т. д. — следствие отрицается, ибо напрасно то, чему не противоречит достигнуть цели, которую не включает; но не следует, чтобы мог включать цель, но достаточно, что ему не противоречит.

К авторитету Комментатора: потенция к возникновению — следует дать авторитет через авторитет, ибо он говорит в девятой [книге] этого [труда], что ничто не имеет потенцию к возникновению, чтобы не родиться; подобно ничто не возможно, чтобы не быть. Следует сказать к авторитету, что потенция к возникновению бесконечна. Комментатор понимает со стороны «до», ибо к возникновению его присуща бесконечная потенция в прошедшем; но не понимается со стороны «после», ибо это отличается от разрушения: потенция со стороны «до» не бесконечна к разрушению, ибо разрушимое предполагает сущее. Следовательно, если бы разрушимое со стороны «до» имело бесконечную потенцию к разрушению, тогда было бы вечным сущим со стороны «до», что ложно, первая книга «О небе», ибо индивидуум в акте бесконечный не происходит в разрушении иначе как со стороны «после», как явствует. И эти добавляют, что так говорится к вопросу согласно намерению Аристотеля и Комментатора. Но после добавляют, что следует сказать иначе к вопросу согласно вере и истине: что нечто возможно, что никогда не будет, и нечто рождаемое, что никогда не родится; и это должно быть твёрдо и просто принято по намерению святой веры и святого Писания, с благоговением соглашаясь с учителями. И если сомневаются, должно ли держать это без доказательства, ибо это сверх

природы. И из того, что мы веруем просто и истинно из славной божественной силы, имеем заслугу. Отсюда возможно, что некто может выбрать и однако никогда не выбирает, и может желать то, чего никогда не желает.

К аргументам противного. «Невозможно то, из чего следует» и т. д. — допускается. Ты говоришь: если нечто возможно, что никогда не будет, тогда нечто случается одновременно быть и не быть. Говорят, что это верно в естественном течении, но по разуму это не следует, поскольку зависит от божественной силы; ибо то, что возможно быть в будущем или родиться, Бог может [сделать так], что эта возможность в отношении того будет относительной, так что никогда не будет. И ты говоришь: следовательно, случается одновременно быть и не быть. Следует сказать, что если случается одновременно быть и не быть, однако не всё приводится к акту; но поскольку прежде было возможно в будущем в некоторое мгновение, тогда случалось быть; но поскольку в то время и мгновение не произведено к акту, тогда не невозможно, чтобы после стало; хотя до того мгновения было возможно быть и не быть, однако после полагания одного прекращается возможность одновременного бытия и не-бытия. И так говоришь: при положении возможного в бытии не следует ничего невозможного — допускается, поскольку это от себя и поскольку не препятствуется своим противоположным. И это уже положено, ибо сказано, что в то мгновение, в которое было возможно быть, его нет; и так в то мгновение не может более быть, ибо устранена потенция через полагание его противоположного. Но некоторые говорят, что это не первое достоинство: не случается одновременно одному и тому же быть и не быть; но одно и то же не одновременно есть и не есть. Об этом вопросе исследуй, ибо если хочешь держать другое мнение, что нечто возможно, что никогда не будет, возьми основания, проверенные, которые были приведены против первой позиции. И это [всё].

Вопрос XIV. Находится ли первая материя или та, которая изменяется к форме многими изменениями, в потенции к форме?

«Всем же потенциям» и т. д.

Исследуется относительно этой главы, ибо Аристотель добавляет: «Необходимо, следовательно, одно — для того, чтобы было свойственное; я называю же это стремлением». Определяется ли рациональная потенция, которая к противоположностям, к одному через волю и выбор? И аргументируется, что нет. То, что безразлично ко многому, не определяется через нечто претерпевающее, столь же безразличное ко многому; это очевидно, ибо пассивная потенция, которая безразлична ко многому, не должна определять то, что столь же безразлично. Но воля есть пассивная сила и столь же безразлична ко многому, как само по себе явствует. Следовательно, не определяет рациональную потенцию.

Далее. То не должно определять интенциональную потенцию, через что мы господа наших действий; ибо через то, через что мы господа наших действий, ничто не определяется, поскольку оно свободно и безразлично. Но через волю мы господа наших действий. Следовательно, через волю ничто не определяется, ни рациональная потенция.

Далее, движущее должно быть благороднее движимого, как явствует из третьей книги «О душе». Но интеллект благороднее воли, поскольку есть познавательная потенция. Следовательно, воля не может двигать и определять рациональную потенцию. Далее, одно и то же не может определять себя, как само по себе явствует. Но воля есть та же потенция, что и интеллект, или многие так держат.

Противоположное хочет Аристотель в приведённом тексте, где говорит, что рациональная потенция, которая может противоположности, определяется к одному через волю, выбор и избрание.

Следует заметить к предложенному, что не различается, когда спрашивается, определяется ли рациональная потенция через волю, и является ли рациональная потенция одной для противоположностей субъективно или формально. Отсюда это не разнообразит предложенное.

К вопросу следует сказать, что рациональная потенция, которая к противоположностям, определяется к одному через волю и избрание. То, что непосредственно должно определять рациональную потенцию, которая безразлична ко многому, и к одному должно её определять, ибо то, что непосредственно склоняет к одному то, что безразлично ко многому, определяет его. Но воля такова, ибо воля в интеллекте, который может.

...противоположности склоняет непосредственно к одному, ибо воля есть склонность, и не несётся к понятию через интеллект. Отсюда интеллект не понимает иначе как желаемое; отсюда не определяется, напротив, если не определялся бы через волю, не понимал бы более одно, чем другое. Далее, из неопределённой причины не происходит определённый эффект иначе как через нечто определяющее, ибо неопределённая и блуждающая причина не производит определённого эффекта, если не определяется через близкую и определённую причину. И это явствует индуктивно во всём: солнце, то есть всеобщая причина в отношении низших и неопределённая, не производит человека или коня, если не определяется через нечто того же вида. К этому намерению сказал Аристотель во второй книге «Физики», что человек рождает человека и солнце. Но рациональная потенция неопределённа ко многим противоположным актам, поскольку одна рациональная потенция для противоположностей. И то же говорит во второй книге «Об истолковании». Следовательно, не производит определённого эффекта, если не определяется через другое. И определяющее другое для интеллекта — это выбор и воля; и при многих предположениях интеллект безразлично относится к этому, если не определяется

через другое, а именно через волю, склоняющую, и избрание, избирающее. Отсюда избрание и воля не различаются субстанциально, но по отношению к различным актам, ибо одна и та же сила — волевая и избирательная; но как волевая начинает склонять и желать, как избирательная начинает, когда избирает. И также Аристотель в третьей книге «Этики» говорит, что воля — цель и наилучшее, но избрание — упорядоченное к цели. Отсюда следует заметить, что избрание относится к воле, как разум к интеллекту; отсюда интеллект и разум — одна сила субстанциально, но различаются, ибо интеллект — начал, а разум — начал в порядке к заключениям, поскольку разум — дискурсивная сила. Так и воля и избрание: воля есть сила, которая желает нечто абсолютно, как цель, и это без дискурса; отсюда воля может желать нечто познанное через интеллект без рассуждения. Но избрание предполагает дискурс и рассуждение, поскольку само есть упорядочивающее. Об этом более следует видеть в третьей книге «О душе» и третьей книге «Этики». Далее следует заметить, что воля не несётся к чему-либо иначе как к познанному; отсюда интеллект постигает нечто, затем рассуждает к обоим сторонам, есть ли это благо и честное. И тогда, когда это благо представлено интеллекту, воля склоняется и желает. И тогда определяет интеллект к этому понимаемому понимать и преследовать. И так познание интеллекта предшествует акту воли одним способом и другим способом следует, как видно. И это не неудобно. Но является ли воля той же силой, что и интеллект, субстанциально и формально, — об этом есть споры; и может ли при представлении некоторого блага интеллекту воля не желать — есть мнения, и место в третьей книге «Этики».

К аргументам. К первому: «что безразлично» и т. д. — допускается. Говоришь, что воля есть пассивная сила и безразлична и т. д. Следует сказать, что воля может рассматриваться двояко: одним способом в себе и абсолютно, и так безразлична ко многому, и так не может определять рациональную потенцию. Другим способом может рассматриваться, поскольку движется собственным объектом, и так определена к одному и в акте, и так имеет двигать и определять рациональную потенцию. К другому: «то не должно определять» и т. д. — допускается. И ты говоришь, что через волю и т. д. Некоторые говорят на это, что мы не господа наших действий через волю, ибо воля имеет определённый объект; но мы господа через избрание, отсюда избираем то, что упорядочено к цели, а не упорядоченное к цели. Иначе можно сказать, что мы господа наших действий через волю, беря абсолютно, поскольку не движемся от желаемого, и так не определяет рациональную потенцию; но беря волю, поскольку ей представлено благо, судимое через интеллект, так мы господа наших действий. Это я говорю: что можем желать и не желать это благо. Но если так определяется воля к одному, ибо когда представлено благо воле, многие говорят, что воля не может не желать это благо, и так имеет определять рациональную потенцию. Об этом следует тщательно рассмотреть, что лучше сказано. К другому: «к движению должно быть» и т. д. — допускается, если есть главное движущее и главное направляющее, но подчинённое рациональной потенции, как фантазм относится к интеллекту и акт подчинённый к главному, как искусство делания узды относится к военному. Иначе можно сказать, что движущее как таковое и направление благороднее движимого и направляемого; но иным способом движимое и направляемое могут быть благороднее благородством и достоинством. Ты говоришь, что воля и т. д. Следует сказать, что воля, поскольку движет и направляет, благороднее интеллекта; но иным способом интеллект благороднее воли, поскольку интеллект познаёт и есть познавательная сила, а воля не познаёт, но есть слепая сила. Иначе другие говорят, держа, что воля не есть сила, отличная от интеллекта, отсюда одна сила; но различаются по этим актам, ибо интеллект называется от понимания, воля — от желания. К другому: «одно и то же не может» и т. д. — допускается одним способом относящееся, но согласно различным бытиям вполне может. Ты говоришь, что воля и интеллект — одна сила; иначе отрицается. Следовательно, основание не заключает. Но держащие, что это одна сила, должны однако различаться согласно различным актам, как видно. Следовательно, может быть, что воля определяет интеллект, не абсолютно, что есть одна сила формально и субстанциально. И это намерение.

Вопрос XV. Случается ли обман относительно «что есть» и относительно абстрактных и простых субстанций?

«Поскольку же потенция есть каждое» и т. д.

Исследуется относительно этой главы: находится ли первая материя или та, которая изменяется к форме многими изменениями, в потенции к форме. Аргументируется, что да, ибо более близкая находится в потенции к форме; следовательно, более первая находится в потенции к форме, или также та, которая изменяется к форме многими изменениями. Антецедент явствует само по себе и из текста. Следствие доказывается: кажется, что более близкая находится в потенции к форме, ибо более первая относится как первый субъект в отношении потенции, а более близкая — как второй субъект. Но то, что присуще первому и второму, более присуще первому, чем второму, как явствует из второй [книги] этого [труда]. И через это. Далее, то в потенции, чья акциденция существенна и собственное [свойство] есть потенция к форме, ибо собственный существенный акцидент — от субъекта, как человек смешлив, ибо смешливость — собственный акцидент человека. Так и то, чей собственный акцидент — потенция к форме, то в потенции. Но потенция к форме есть существенный и собственный акцидент первой материи, ибо говорит Комментатор в трактате «О субстанции сферы», что она substantiatur через «мочь»; и так хочет, что потенция к форме есть собственный акцидент первой материи. Следовательно, она в потенции к форме.

Противоположное хочет философ в приведённом тексте, ибо говорит, что земля в потенции тяжела, но не в потенции человек; и понимает о первой материи и о других материях, которые многими изменениями изменяются к форме.

Следует сказать к вопросу, что первая материя и подобно любая материя, которая многими изменениями изменяется к форме, находится в потенции к форме. И это заключение доказывается через два приведённых основания и могло бы ещё быть доказано. То, что безразлично к принятию всех форм, в потенции, ибо ничто не относится безразлично к принятию многого, если не в потенции к нему. Но первая материя в потенции ко всем формам и их принимает, как явствует из седьмой [книги] этого [труда] и пятой книги «Физики». Следовательно, в потенции к ним. И подобно понимай о материи, которая многими изменениями изменяется, как если из земли становится человек, ибо прежде чем из земли станет человек, необходимо, чтобы она изменилась в траву, затем в кровь, и так о другом.

Во-вторых, следует сказать, что она не в близкой и определённой потенции. Но причина такова. То не в определённой потенции к форме, что не имеет собственных расположений формы, ибо ничто не имеет смысла определённой потенции к форме, лишённое собственных расположений формы, поскольку через расположения материя приближается и определяется к форме, так что через одно изменение...

...принимает форму. Но согласно первому [способу] такова и любая материя, которая изменяется к форме многими изменениями, ибо достоверно, что первая материя лишена собственных расположений формы, поскольку не более относится к одной форме, чем к другой. И так явствует из сказанного в качестве следствия, что первая материя более имеет смысл потенции, чем близкая; но близкая материя более имеет смысл определённой потенции, чем первая. Первые основания хорошо доказывают, что первая материя в потенции и более в потенции, чем близкая материя; и это допущено.

Incipit Liber Octavus

Quæstio I. Utrum materia sit separabilis secundum esse a forma.

Sensibiles autem substantiæ etc.

QVÆRITVR circa octavum huius, et quærat primo circa dictam partem. Utrum materia sit separabilis secundum esse a forma. Et arguitur quod sic. Unumquodque potest separari ab eo quod non est sibi essenziale et proprium, quia res non potest separari ab illo quod est sibi essenziale et proprium, sed potest separari ab illo quod non est sibi essenziale et proprium, quia hoc non determinat sibi, sed nulla forma est essentialis et propria materiæ, cum materia sit indifferens ad quamlibet formam. ergo etc.

Item. Illud quod est substantiale alicui non tollit accidentale. hæc est manifesta, sed materia est substantia essentialiter et forma accedit materiæ: materia potest esse et separari a forma. ergo etc.

Item. Separata omni forma a materia, vel materia manet, vel non, hæc est manifesta, per sufficientem divisionem, sed si non manet, tunc est corruptibilis quod est contra Aristotelem primo physicorum. quia dicit quod sit ingenita et incorruptibilis, ergo manet. et per consequens separabilis a materia.

OPPOSITUM videtur Aristoteles in littera prædicta. ubi dicit, materiam vero dico quæ non hoc aliquod ens actu. Ex hoc posset argui. Si materia esset separata vel separabilis a forma tunc posset esse aliquod ens hoc, sed hoc est falsum secundum Aristotelem.

AD quæstionem dicendum primo quod materia secundum esse non separatur a forma substantiali omni, ita quod sub nulla sit. Et ratio est. Omne quod est per se, vel est actus, vel habens actum, per sufficientem divisionem, sed materia prima, neque est actus, neque habens actum, quia non est actus cum sit in pura potentia, nec habet actum qui sit de essentia eius. ut vult Commentator primo physicorum et in de substantia orbis. et ita non potest esse circumscripta omni forma.

Item si materia esset separabilis a forma secundum esse tunc post separationem vel esset in actu vel in potentia et hoc est manifesta per divisionem sufficientem, sed neutro modo potest dici non est in actu, quia non habet esse actuale, nec est in potentia, quia sublata omni forma a materia materia nullam habet potentiam ad formam, quia non esset mobilis et apta disponi ad formas, quia motus et dispositio non debetur nisi enti in actu, et sic tollitur potentia materiæ ad formas, et per consequens eius natura cum potentia sit proprium materiæ.

Si materia prima separaretur ab omni forma, tunc non esset in eodem loco cum generato, sed hoc est falsum per Aristotelem primo de generatione, quia quod generatur et materia ex qua generatur debent esse in eodem loco. consequentia patet. quia nihil est in loco nisi ens in actu et dimensionatum terminatis dimensionibus, ergo dicit Aristoteles primo de generatione. quod materia non separatur a morpheis et passionibus idest a formis. Et dicit Commentator primo physicorum et in de substantia orbis. quod materia nunquam denudatur ab omnibus formis. Et dicit Commentator quod non denudatur ab omnibus.

...forma simul sed semper stat sub aliqua. Unde si hoc esset tunc materia simul esset actu et non actu, hoc est falsum. quia patet quod per se stat et existit hoc est actu vel actus sed materia non est in actu cum sit in potentia circumscriptis omnibus formis. Secundo dicendum quod etiam non potest separari a forma quo ad perfectam rationem. Et causa est. Illud non perfecte cognoscitur et complete sine forma quod est in pura potentia, quia illud a quo intellectus movetur debet esse in actu, cum intellectus sit in potentia passiva, et hoc patet ex nono huius. et tertio de anima, sed materia prima est huiusmodi, quia materia est in pura potentia. unde licet intellectus distinguere possit inter essentiam materiæ et formam, in complete et perfecte essentiam materiæ apprehendere non potest sine forma. Et hæc est intentio Aristotelis 1. physicorum. ubi dicit quod natura non est scibilis nisi

in analogiam ad formam. Et hoc declarat in artificialibus et hoc idem vult Commentator ibidem. et in de substantia orbis. et 8. huius. quia transmutatio in substantia facit scire materiam primam, sicut transmutatio secundum locum fecit scire materiam localem. unde per objectionem et receptionem formarum substantialium devenimus in cognitionem materiæ primæ. quia oportet aliquid subiici et manere in transmutatione et contrariis quæ concordia non conducit discordiam. primo physicorum.

AD rationes. Ad primam. unumquodque potest separari etc. conceditur. Tu dicis. quod forma substantialis etc. Dicendum quod ista forma singularis non est essentialis et propria materiæ primæ. Ideo potest materia separari ab hac forma, vel illa successive et divisim. sed tamen simul et coniunctim non separatur a qualibet forma, quia semper stat sub aliqua. unde hoc est proprium materiæ semper esse sub aliqua forma, licet non semper stet sub ista forma, non tamen denudatur simul ab omnibus formis, quia quando abiicit unam formam assumit aliam. Ad aliam. Illud quod est substantiale alicui etc. conceditur. nisi dependeat ab eo in esse. Et tu dicis. quod forma est accidentalis materiæ, conceditur. Et tamen quia materia dependet in esse a forma. Ideo non separatur a qualibet forma, unde proprium est ei stare sub aliqua forma, sicut et potentia est proprium accidens materiæ. Vel potest aliter dici ad minorem. quia forma non accedit materiæ, sicut accidens subiecto, sed dicitur accidens, quia est extra essentiam materiæ sicut indiuiduum accedit speciei et species generi, sed hoc non obstante genus non separatur ab omnibus speciebus, nec species ab omnibus indiuiduis, quia semper est in aliquo supposito. sicut vult Aristoteles in prædicamentis, quia sunt non existentibus primis substantiis impossibile est aliquod aliorum remanere, sic non existentibus formis substantialibus impossibile est remanere materiam. unde bene volo quod materia sit ingenita et incorruptibilis secundum Aristotelem tamen si nulla forma substantialis esset materia non esset, quia nihil prohibet conditionale esse verum, cuius antecedens est falsum et impossibile. Ad aliam scilicet separata omni forma etc. Dicendum quod materia non remaneret. Et tu dicis, quod falsum est quia est ingenita et incorruptibilis, conceditur secundum naturam rei inquantum semper stat sub aliqua forma, sed tamen si separaretur ab omni forma substantiali, materia non remaneret, nec quo ad esse, nec quo ad potentiam. unde quando Aristoteles dicit quod sit incorruptibilis non intelligit quo ad separationem ab omni forma, sed est incorruptibilis semper stans sub aliqua forma.

Quaestio II. Utrum forma naturalis sit separabilis a materia secundum esse

CONSEQUENTER quaeritur circa eandem partem. Utrum forma naturalis sit separabilis a materia secundum esse.

ARGUITUR primo quod sic. Intellectus est forma naturalis et est separabilis a materia secundum esse, ergo forma naturalis separatur a materia secundum esse. Maior est manifesta, quia naturalis determinat de intellectu. ut patet tertio de anima. et hoc non esset nisi esset forma naturalis. minor patet per Aristotelem 12. huius. ubi dicit quod nulla forma praecedit compositum sed simul incipit esse cum composito. tamen aliqua manet post compositum sicut anima. sed non omnis anima: sed tamen intellectus. et sic intellectus separabilis est a materia secundum esse.

Item. quod non dependet ab alio in causalitate, hoc potest separari ab eo secundum esse. quia quod aliquid non potest separari ab aliquo secundum esse, hoc ideo est quia dependet ab eo in causalitate, sed forma non dependet ab aliquo, ut materia in causalitate, quia forma non dependet ab ea, cum nullam habeat causalitatem super formam. ergo potest separari.

Item. quando aliquid debetur alicui primo et aliis, debetur per illud. illud potest convenire primo remotis posterioribus, quia caliditas primo debetur igni, et per ignem debetur aliis calidis. Et si caliditas removeretur ab aliis calidis adhuc remaneret in igne. sed esse primo debetur formae et aliis per formam, quia forma est primo causa essendi, ergo forma secundum esse potest separari a materia.

OPPOSITUM vult Aristoteles in praedicta littera ubi dicit quod de numero formarum, alia est separabilis, alia non separabilis. ita quod Aristoteles vult quod quaedam formae sunt separabiles a materia secundum esse, sicut formae abstractae quaedam autem non, sicut naturales formae, et materiales formae, unde etiam Commentator primo physicorum. dicit quod de numero substantiarum et formarum quaedam sunt materiales, sicut illae quae non separantur a materia et deducuntur de potentia materiae. Aliae sunt non materiales, sicut separabiles a materia.

DICENDUM est ad quaestionem: primo quod forma naturalis materialis non separatur a materia secundum esse. Et causa est. Actus inherens non separatur ab eo, cuius est actus, quia si actus inherens separaretur a materia, tunc idem esset inherens et non inherens, quod est contradictio. sed forma materialis est actus inherens, cum perficiat materiam inherenter, et deducatur de potentia materiae ergo separari non potest.

Item. si forma materialis esset separabilis a materia, tunc posset remanere post corruptionem compositi sed hoc est falsum, quia forma simul est et non est cum formato, ut vult Aristoteles 12. huius. consequentia patet. quia si forma esset separabilis a materia, tunc quando separaretur, tunc compositum non esset: et tamen remaneret forma.

Item. illa forma quae constituitur per materiam, et per subiectum inherenter non separatur a materia secundum esse, sed formae naturales et materiales constituuntur per materiam et subiectum. unde etiam Commentator vocat eas formas constitutas per subiectum. sicut patet. 8. physicorum et de substantia orbis. ergo non separatur a materia.

Item. si forma materialis esset separabilis a materia, tunc per se existeret quod est contra Aristotelem septimo huius, ubi loquitur contra Platonem. qui voluit quod forma separatim produceretur et existeret divisim, et nunc poneretur in materiam. unde etiam Commentator dicit octavo huius. quod generans non largitur multitudinem, quod ponat formam in materiam divisim productam, sed tamen largitur perfectionem. consequentia patet. quia si forma separaretur a materia, tunc per se existeret.

Secundo dicendum. quod forma naturalis immaterialis, ut est intellectus est inseparabilis a materia secundum esse. Et causa est illa forma potest separari a materia, quae non educitur de potentia materiae, sed formae immateriales ut intellectus sunt huiusmodi ut vult Aristoteles in tertio de anima.

et in de animalibus. unde etiam Aristoteles dicit secundo de anima. Separatur enim hoc ab hoc, sicut perpetuum a corruptibili et loquitur de intellectu.

Item. alia ratio secundum Commentatorem accipitur licet sit contra fidem et veritatem. Actus non inherens separatur a materia secundum esse, sed intellectus est actus non inherens, quia Commentator vult quod intellectus non sit forma substantialis et inherens secundum esse, sed tamen secundum appropriationem. De hoc non plus ad præsens, quia pertinet ad tertium de anima.

Notandum quod si aliquis quæreret utrum forma naturalis esset separabilis a materia secundum rationem, diceretur quod bene est separabilis a materia significata non tamen a materia in communi secundum rationem, si ratio accipiat per cognitionem intellectus, sicut dividitur, unde Aristoteles in septimo huius unde.

...quod bene in diffinitione eius ponitur materia cum sit pars substantiæ determinans eam. unde etiam Aristoteles 2. de anima dicit animam et corpus, physicus etc. Tamen aliqui dicunt quod forma naturalis est illud quod est et absolute considerata potest separari tam a materia quam a conditione et cum rationem, hoc tamen est contra Aristotelem dicentem in 7. et septimo huius. formæ naturales habent se velut simile. quod concernunt materiam, per hoc differunt a mathematicis formis, quæ habent se ut concavum, quia separantur a materia secundum rationem. licet non secundum esse et Aristoteles ibi loquitur de formis naturali secundum illud quod est et abstractæ.

AD rationes. Ad primam patet ex dictis, quia positum est quod formæ naturales materiales non sunt separabiles a materia secundum esse, sed forma naturalis immaterialis potest separari a materia. Ad aliam. aliqui dicunt maiorem esse falsam, quia subiectum non dependet in causalitate a propria passione. ut homo risibilis non tamen potest separari secundum esse a propria passione. Aliter potest dici concedendo maiorem. Ad minorem. quod forma non dependet etc. dicitur quod immo. quia materia et forma sunt sibi invicem causæ, quia forma est causa materiæ, quia dat esse sibi et materia est causa formæ, quia ipsam supportat. Ad aliam. quod aliquid etc. Dicendum quod verum est, si illud est per se existens tunc potest separari ab aliis, sed si non est per se existens non. et sic est in proposito, quia forma non per se existit sed in materia, ergo non potest ab ea separari. Alii dicunt negando minorem. quod forma non contingit esse primo, quia esse per se est compositum, sed forma est in quo compositum habet esse.

Quæstio III. Utrum nomen speciei significet formam per prius vel substantiam compositam.

Oportet autem non ignorare etc.

QVÆRITVR circa sequens capitulum utrum nomen speciei significet formam per prius, vel substantiam compositam. Et arguitur primo quod tantum significet substantiam compositam ex materia et forma, per nomen speciei significatur essentia speciei quia nomen significat essentiam rei. et nomen speciei significat essentiam speciei, sed species sola diffiniatur, sed et species est ex materia et forma, vel principalius saltem apud illos qui volunt materiam pertinere ad quidditatem: etc.

Item illud significatur nomine speciei, quod prædicatur de individuo, quia species prædicatur de indiuiduis, hoc est compositum ex materia et forma quia forma in recto non prædicatur de indiuiduo, sed tamen compositum ex materia et forma etc. Item et suppono ex quarto huius quod ratio quam significat nomen est diffinitio. Ex hoc arguitur. Si res se habet ad diffiniri, sic ad significari ex supposito: imo est meripsum et essentia. et sic intelligas de illa via quia ratio quam significat nomen est diffinitio, sed diffinitio rei est materia et forma, ex 7. huius quia in diffinitione rerum naturalium capitur materia et forma ergo res per nomen significatur cum materia et forma.

OPPOSITUM videtur velle Aristoteles et Commentator: quia Aristoteles dicit, nomen speciei significat substantiam quæ est forma, et substantiam quæ est composita ex materia et forma. et Commentator dicit quod nomen speciei per prius significat formam et per posterius compositum.

NOTANDUM quod est una opinio, quæ videtur ponere tres vias de ista quæstione. In prima via ponitur una distinctio formæ. quod quædam est forma totius sicut humanitas est forma totius et in illa etiam accipitur materia. ut dicunt. Alia est forma partis, ut anima vel alia forma. tunc dicitur quod si accipiatur forma totius, tunc nomen speciei per primo significat formam, ut homo significat humanitatem et secundario significat compositum ex humanitate et habente humanitatem. Et dicunt hanc fuisse intentionem Commentatoris, quia dicunt quod significat formam, et consequenter significat rem habentem formam prout consequens significatum est in habitudine et respectu ad consequens significatum. Ideo bene dicit quod significat unum in respectu ad aliud. Sed si quæretur de forma partis, tunc nomen speciei per prius significat compositum ex materia et forma, et per posterius formam, et causam assignant, quia forma non est tota essentia rei sed pars essentiæ. Secunda via est. et distinguit inter illud quod significat. et quod est ratio significandi, quia dicunt quod modus significandi sequitur modum intelligendi, et modus intelligendi sequitur modum essendi, modo videmus quod in essendo differt illud quod est, et illud quod est ratio essendi, quia illud quod est, est ipsum compositum, sed ratio essendi est forma. Similiter est in eo quod intelligitur, quia aliud est quod intelligitur, et aliud ratio intelligendi. sic ergo in eo quod significatur, quia aliud est quod significatur quia est hoc compositum. et aliud est ratio significandi et est forma. Et addit quod sicut est in eo quod compositum habet attributionem ad formam, sicut ad rationem essendi, ita est in significando. Et dicunt istam fuisse intentionem Commentatoris. Et dicunt quod unum et idem nomen respicit compositum et formam, sed non æqualiter quia compositum respicit, sicut quod significatur et forma sicut illud quod est ratio significandi. Tertia via est ponendo differentiam inter illud cui imponitur nomen, et illud a quo imponitur. nomen enim imponitur habenti formam, sed tamen imponitur a forma. Et quia habens formam est compositum. ideo nomen imponitur ipsi composito. sed tamen imponitur a forma et dicitur istum modum et viam esse idem cum secundo. quia illud quod est ratio significandi et intelligendi est ratio imponendi, et sic ista tertia via oritur a secunda. Notandum quod ista opinio non valet. immo videtur esse contra Aristotelem et Commentatorem, quia quod dicunt in prima via distinguendo inter formam totius et partis non valet, quia forma partis est tota quidditas rei quia forma hominis substantialis est tota quidditas hominis, et est humanitas et materia non est de essentia hominis, sed tantum defert formam et humanitatem. Ex hoc expresse patet per Aristotelem

quia ubicumque loquitur de forma quæ est distincta causa a materia, vocat eam quod quid est: quod non esset nisi formam diceret totam quidditatem rei. Et ista est intentio Commentatoris in septimo. ubi dicit quod quidditas hominis uno modo est homo. et alio modo non est homo, est homo pro forma, sed non est homo pro composito ex materia et forma. ergo prima via non videtur valere, cum fundetur super hoc quod materia ad quidditatem non pertineat et quod forma non sit tota quidditas sed pars. Similiter secunda via et tertia non valent. unde bene volo, quod forma sit ratio significandi qua significat compositum sed tamen forma bene significat per nomen speciei cum importet totam essentiam, sicut etiam forma est ratio essendi compositi. quia compositum non est nisi per formam, sed tamen forma etiam est in alio, licet non per se existens, sic tamen primo et per se est in alio. et sic intelligas de illa via.

DICENDUM ergo ad quæstionem aliter secundum intentionem Aristotelis et Commentatoris. quod nomen speciei per prius significat formam et secundario compositum ex materia et forma. Et hoc probatur. quando duo sic se habent quod unum est causa alterius. et aliquod nomen debetur eis, principalius et dignius debetur causæ et causato. sed forma est causa quia est forma, et substantiam quæ est composita ex materia et forma. et Commentator dicit quod nomen speciei per prius significat formam et per posterius compositum. Et hoc probatur. quando duo sic se habent quod unum est causa alterius. et aliquod nomen debetur eis, principalius et dignius debetur causæ et causato. sed forma est causa compositionis inquantum significatur per nomen, quia forma causat actum in composito, et compositum non habet actum essentiæ nisi per formam, per quam actum significatur compositum ergo nomen speciei principalius significat formam et dignius quam compositum. unde Commentator dicit quod nomen speciei significat verum quod est in actu, et forma est causa actus in composito. Et addit Commentator quod cum duo fuerint, quorum unum est causa reliqui, illud quod est causa dignius habebit nomen, quia illud habet nomen per primum. Et declarat in exemplo, quia res calidæ non habent nomen caloris nisi per formam.

...calore ignis qui est in fine et in summo. ergo ignis dignius habet nomen caloris. et hoc concordat cum dicto Aristotelis secundo huius. et primo poste. et sic vult Commentator expresse quod nomen speciei principalius et dignius significat formam. Et posset adduci ratio. quia nomen speciei significat quidditatem principalius et secundario habens quidditatem. et hæc est manifesta apud omnes, sed forma est tota quidditas speciei quod patet per Aristotelem in littera. quia dicit. si substantia significat compositum ex materia et forma, tunc substantia et quod quid est non sunt idem, sed si substantia significat formam, tunc substantia et quod quid est sunt idem.

AD rationes. Ad primam patet, quia concessum est quod forma est tota essentia rei, et materia non pertinet ad quidditatem nisi tanquam subiectum deferens quidditatem et formam. Ad aliam. Illud significatur per nomen speciei etc. Dicendum quod hoc significatur nomine speciei principalius quod prædicatur de indiuiduo, non tamen in recto. sed in obliquo quia quidditas non prædicatur. sed in obliquo de indiuiduo cum indiuiduum addat aliquid super quidditatem. unde non dico sortes est homo pro forma, sed est ex homine, sed illud significatur nomine speciei secundario, quod prædicatur de indiuiduo in recto et hæc substantia composita quia sortes est homo pro substantia composita. Ad aliam, quod significat etc. conceditur. Et quando dicitur sic se habet res ad diffiniri conceditur. Modo tu dicis. quod in diffinitione rerum naturalium ponitur materia. Dicendum quod materia non ponitur quod pertinet ad quidditatem, et sit pars quidditatis, sed tantum ponitur in diffinitione tanquam subiectum deferens quidditatem. unde licet sit pars substantiæ compositæ, tamen non est pars quidditatis. Et ita etiam est in significando quod nomen speciei significat substantiam compositam, quia materia est pars illius compositi, et etiam in diffinitione substantiæ compositæ ponitur materia. et tamen nomen speciei etiam significat formam principalius, in cuius diffinitione non ponitur materia. ut pars ut visum est prius.

Quaestio III. Utrum numeri differant specie.

Et quemadmodum nec a numero ablato etc.

QVÆRITVR circa istam partem. utrum numeri differant specie. Arguitur primo quod sic, quia plus differunt binarius et ternarius quam duo binarii, hæc est de se nota, sed duo binarii differunt numero. ut dualitas in sorte et Plato differt numero a dualitate in Cicerone et Gilberto, ergo binarius et ternarius differunt plus quam numero, sed non possunt plus differre quam specie ergo numeri differunt specie.

Item. si numeri essent eiusdem speciei, tunc omnis passio quæ competit uni numero competeret alteri sed hoc est falsum, quia impar per se competit ternario, sed non competit binario, vel quaternario. consequentia patet. nam illa quæ sunt eiusdem speciei, quicquid per se competit uni, per se competit alteri, ut risibile competit sorti ergo et Platoni. et hoc vult expresse Commentator secundo cœli, ubi dicit. quod illa quæ sunt eiusdem speciei indiuidua conveniunt per se accidentibus, ergo differunt specie.

Item, si numeri essent eiusdem speciei, tunc de numeris non esset scientia, sed hoc est inconueniens, quia est arithmetica. consequentia patet, quia de quo est scientia debet habere partes quæ accidunt sub scientia et arte, quia scientia est unius generis subiecti partes et passionες considerans, sed indiuidua non cadunt sub arte, quia descendencia a generalissimis usque ad specialissima iubet Plato quiescere ut dicit Porphyrius.

Item, diffinitiones differunt specie quia alia est diffinitio asini et alia est diffinitio equi: et differunt secundum speciem sicut differunt in specie ergo numeri per Aristotelem in littera ubi comparat diffinitiones numeris ergo numeri differunt specie.

Item, illa differunt secundum speciem, quæ differunt secundum formas, quia differentia secundum formas est specifica ut vult Commentator 10. huius, sed de numeri differunt secundum formam quia habent diversas formas, quia in binario alia est descriptio in duobus, sed in ternario est descriptio in tribus.

OPPOSITUM arguitur. una species non componitur ex alia, sed unus numerus componitur ex alio, ut ternarius ex binario, et hoc probatur. Illud quod excedit aliquid in aliqua proportionē componitur ex eo ex 4. physicorum, capitulo de vacuo ubi Aristoteles probat quod plenum non habet proportionem ad vacuum secundum excessum, quia tunc componeretur ex vacuo, sicut quattuor habent se ad duo secundum proportionem duplam, unde componitur ex duobus, sed unus numerus excedit alium in aliqua proportionē, vel secundum proportionem ut ternarius excedit binarium in proportionē sesquialtera.

Item si numeri differrent specie, tunc in speciebus iretur in infinitum, sed hoc est falsum, quia licet in indiuiduis eatur in infinitum secundum successionem non tamen itur in infinitum in speciebus. consequentia patet, quia in numeris itur in infinitum per appositionem unitatis, ut patet tertio physicorum et de 10. etc.

Item, si numeri differrent specie tunc infinitæ species essent simul actu, sed hoc est falsum, quia infinita non possunt esse simul saltem essentialiter ordinata, sed species sunt essentialiter ordinatæ consequentia patet. omnes species quæ possunt esse in universo sunt actu. aliter, universum non esset perfectum. sed numeri possunt esse infiniti per appositionem unitatis ergo si differrent specie, oporteret quod essent actu.

Item, si numeri differrent specie, tunc unus infinitus esset maius alio. sed hoc est falsum, quia intellectus non capit hoc ut infinitum comprehendat totum consequentia patet, quia maior est numerus in diuiduis specierum, quia sub qualibet specie sunt plura indiuidua, saltem aptitudine, vel potentia, vel actu, ergo si numeri differrent specie, cum tunc infiniti numeri possint esse secundum appositionem unitatum tunc aliquid esset maius infinito, vel posset esse, quia indiuidua numerorum in potentia infinita sunt, et sic etiam species numerorum, cum numeri sunt, differentes specie, modo

numerus indiuiduorum est maior numero specierum cum sub qualibet specie numeri possint esse plura indiuidua, et sic in aliquid est maius infinito. Et ista est ratio Alexandri, primo de sensu ubi probat, quod species colorum sint finitæ, quia si essent infinitæ, tunc aliquid esset maius infinito, cum numerus indiuiduorum colorum sit maior numero specierum colorum. ergo etc.

Item, quando duo sunt composita sic se habent quod nihil includitur diversum in specie in natura unius ab illo quod includitur in natura alterius, illa non differunt specie: quia sortes et Plato non differunt specie, quia in natura sortis nihil includitur diversum in specie ab illo quod includitur in natura Platonis, sed duo numeri sic se habent quod in numeris nihil includitur nisi unitates, quia numerus componitur ex unitatibus modo unitas quæ est principium numeri non differt specie ab alia unitate.

AD quæstionem dicendum quod numeri non differunt secundum speciem simpliciter. Et causa est. Illa non differunt secundum speciem quæ fiunt vel possunt fieri ab uno agente secundum speciem et mediate uno instrumento eodem modo transmutato in materia et in materia eodem modo disposita et non diversificata secundum se. et ista est manifesta per se, sed numeri possunt fieri ab uno et eodem agente secundum speciem, quia in uno et eodem continuo idem agens secundum speciem et mediante eodem instrumento, ut cultello potest producere binarium et ternarium dividendo, et eodem modo movendo cultellum quare numeri non differunt secundum speciem.

Item, si numeri differrent specie, tunc posset aliqua species in mundo esse quæ non esset actu, sed hoc est falsum, quia sic mundus non esset perfectus, quia perfectionem universi requiritur quod omnes species eius sint in actu, quia in hoc est differentia inter indiuidua et species, quia indiuidua omnia actu non requiruntur ad perfectionem universi, quia corrupto aliquo indiuiduo alicuius speciei adhuc universum potest esse perfectum. sed omnes species existentes actu requiruntur ad perfectionem universi. ex primo cœli.

...unde Lync. et dicit primo poster. quod veritates sunt sicut numeri mundi remanere in qualibet hora, alioquin totus universus non esset perfectus. consequentia patet, quia quolibet numero dato adhuc potest esse maior, et sic in infinitum.

Item arguitur auctoritate Aristotelis in prædicto capitulo. quia Aristoteles ibi comparat numeros diffinitionibus, sed non comparat numeros quibuscunque diffinitionibus, sed in diffinitionibus superioris et inferioris. Et hoc declarat Commentator exponens per tertium modum, quia quod remota ab aliqua diffinitione ultima vel addita non remanet eadem diffinitio. unde Commentator exemplificat de diffinitione animalis, quæ est corpus nutritibile sensibile, si enim removeatur sensibile, tunc manet diffinitio vegetabilium, ut corpus nutritibile. Et si addatur differentia, sicut rationale, erit diffinitio hominis, sicut corpus nutritibile, sensibile, rationale. Sicut si numero addatur unitas, ut binario non remanet numerus binarius, sed erit ternarius. Sicut si removeatur a numero unitas, tunc non manet idem numerus, sed erit alter. Modo istæ diffinitiones non differunt secundum speciem, quæ sunt superioris et inferioris, quia una species non prædicatur de alia affirmative, ut corpus nutritibile sensibile, et corpus nutritibile. Sicut corpus sensibile rationale et corpus sensibile. Ex hoc potest sic argui, quorumcunque comparatio ad invicem est, sicut comparatio diffinitionis superioris ad diffinitionem inferioris non differunt secundum speciem, quia diffinitio superioris non differt a diffinitione inferioris secundum speciem, sed est pars eius, sicut et genus est pars speciei unde non differunt secundum speciem, ut prius deductum est, sed numeri sunt huiusmodi, ut patet ex prædictis per Aristotelem et Commentatorem. unde non est eorum comparatio, sicut numeri differunt specie sustentat super hoc quod Aristoteles comparat numeros diffinitionibus, quia differunt specie, sed dicere non potest contra ipsum, quia comparat numeros diffinitionibus, scilicet superioris et inferioris, quia non differunt secundum speciem sed una prædicat de alia, et est pars eius, unde Commentator dicit, hæc verba. Quod Aristoteles incepit inducere alium modum diversitatis et dixit quod quemadmodum quando ab aliquo numero additur unus aut ab eo diminuitur unus transfert ad aliam naturam numeri. Similiter diffinitiones compositæ ex primo genere, et pluribus differentiis, quando ab eis diminuitur aliqua differentia transfertur diffinitio ad diffinitionem alterius naturæ.

Et sicut quando additur aliqua differentia, ut cum dixerimus de diffinitione animalis, quod est corpus nutribile sensibile, si diminuimus differentiam ultimam remanebit diffinitio vegetabilium, et si additur aliqua differentia fit diffinitio hominis. Ex quibus verbis Commentatoris expresse patet, quod numeri non differunt secundum speciem.

PER hoc ad rationes in oppositum. Ad primam plus differunt ternarius et binarius etc. Ista ratio non valet, quia per hanc rationem posset probari quod lineæ maior et minor differunt specie, quia magis distant lineæ duplæ pedalis et triplæ pedalis quam duæ lineæ æquales, sed duæ lineæ æquales differunt numero, ergo inæquales lineæ plus differunt quam numero. Unde dicendum est ad rationem, quia contra arguere non est solvere, quia binarius numerus et ternarius magis differunt per accidens quam duo binarii, sed non per se magis differunt, quia ternarius est maior numerus per unitatem quam binarius, quæ unitas accidit binario inquantum binarius. unde ternarius non differt per aliquid a binario, quod sit in ternario aliud in natura et essentialiter ab illis quæ sunt in binario, quia per unitatem differt, per quam maior est ternarius quam binarius. et ita per accidens differunt per inferioritatem, quæ non arguit diversitatem in specie. Ad rationem aliam. Si numeri essent eiusdem speciei etc. verum est, si passio per se et simplex, ut dicitur. Imparitas etc. Dicendum quod imparitas, non est passio abstracta numeri, sed sub distinctione, ut patet primo posteriorum: quia omnis numerus non est impar, sed sub distinctione est par vel impar, unde quædam sunt passionες simplices, et sine distinctione, ut triangulus habet tres angulos, et illa passio debet omni convenire subiecto. Sed quædam sunt passionες sub distinctione, ut par vel impar habet se ad numerum et de illis verum est quod debetur omni consequenti subiecto, sub distinctione, ut omnis dualitas est par vel impar. Ad aliam, quod de numeris non est scientia consequentia negatur. Ad probationem, quod scientia debet considerare partes subiecti, conceditur, si subiectum habet partes considerabiles in se, sed si subiectum non habet partes considerabiles in se, non oportet quod scientia consideret illas partes. Et quod de numero non sit scientia consequentiæ negatur. Ad aliam quod est de diffinitionibus etc. Dicendum quod ista ratio concludit oppositum, et de hoc satis patet ex prius dictis, quia Aristoteles comparat diffinitionibus superioris et inferioris, quæ non differunt specie, ut dictum est. Ad aliam. Illa differunt secundum speciem etc. conceditur. si præcise habet diversas formas. Tu dicis, quod numeri etc. negatur, quia numeri non differunt nisi per unitates quæ sunt eiusdem speciei vel non alterius speciei. Et tu dicis, quod alia est distinctio in ternario, et alia in binario. Dicendum quod ista distinctio in ternario non est per aliquid quod sit diversum ab eo quod est in binario. Unde in uno numero nihil includitur quod sit diversum in natura ab illo, quod est in alio numero. Et hæc de quæstione.

Quæstio V. Utrum forma substantialis suscipiat magis et minus.

Et quemadmodum nec numerus habet magis etc.

QVÆRITVR circa dictum capitulum. utrum numerus sit unum per se, sed quia de hoc visum est in quinto, quia quærebatur. utrum ibi tria sint sex. ideo prætermittatur: et quæratnr circa dictam partem. Utrum forma substantialis suscipiat magis et minus. Et arguitur primo quod non, auctoritate Aristotelis. quia dicit in prædicta littera. quod sicut numeri non suscipiunt magis et minus, sic nec substantiæ secundum speciem, et illam substantiam consuevit vocare formam substantialem, quare etc.

Item. si forma substantialis susciperet magis et minus, tunc ad substantiam esset motus, sed hoc est falsum. 5. physicorum quia motus non est ad res tertium prædicamentorum. consequentia patet, quia si sic esset, tunc acquireretur per motum, quia susceptio magis et minus non est nisi cum motu. ergo si forma substantialis susciperet magis et minus, tunc ad substantiam esset motus.

Item si forma substantialis susciperet magis et minus, tunc priuatio susciperet magis et minus, sed hoc est falsum, quia magis et minus sunt dispositiones positivæ quæ repugnant priuationi. consequentia patet, quia si forma substantialis susciperet magis et minus, tunc substantia esset magis vel minus priuata, quia cum forma ignis suscipiat magis et minus, tunc subiectum sub illa forma esset magis vel minus priuatum illa forma, et sic priuatio suscipit magis vel minus.

Item. si formæ elementorum de quibus magis videtur, susciperet magis et minus, tunc non ea elementorum reciperent comparisonem, sed hoc est falsum, quia non dicitur mus aerior aqueior. consequentia patet, quia cum forma recipiat magis et minus, tunc etiam nomen secundum eam comparatur, ut albus albior minus.

OPPOSITUM vult Commentator 5. cœli, quia vult quod formæ substantiales elementorum suscipiat magis et minus, unde soluit objectionem contra hoc quam movet Avicenna.

NOTANDUM quod difficultas huius quæstionis oritur ex modo secundum quem elementa remanent in mixto vel dicuntur remanere. Quod autem elementa remaneant in mixto, patet auctoritate Aristotelis in primo de generatione. ubi loquitur de generatione mixti. dicit quod elementa in mixto non corrumpuntur, nec alterum nec ambo, ergo omnia elementa remanere in mixto. de hoc visum in 5. ubi disputabatur ibi quæstio. Sed dices, quod elementa non corrumpuntur propter hoc, quia salva est virtus et illa virtus est actus. Istud non valet, quia ad hoc quod aliquid non corrumpatur non sufficit remanere accidens, sed ipsum corrumpatur in substantia, quia corruptio est transmutatio secundum substantiam, et sic cum virtutes elementorum sint accidentia et qualitates secundum eas non sufficit ad non corruptionem eorum quod virtutes remaneant, et quod corrumpuntur in substantia, ut dato per impossibile, quod homo corrumperetur in substantia et remaneret risibilitas tunc homo non diceretur non corruptus, immo de necessitate esset corruptus. Item Aristoteles in fine eiusdem libri quod illa sunt bene mixtibilia, quæ sunt terminabilia et divisibilia, et subiungit quod quæ non faciliter sunt corruptibilia, modo si nullum elementorum...

...remanserit, sic etiam essent corrupta: et ad non corruptionem eorum nihil proficeret salus virtutum. Item si elementa non remanerent in mixto, sed in genere mixti corrumperentur, ita quod in instanti generationis mixti corrumperetur utrumque et idem et idem esset ens, et non ens, quod est contra primam dignitatem. consequentia patet, quia postquam formæ sunt corruptæ, tunc sunt non entes, quia corruptio est ad non ens. Item ex alia parte quodlibet elementum est ens, quod corrumpit aliud ens, quia nihil corrumpitur a non ente effective. modo si formæ elementorum in generatione mixti sunt corruptæ, tunc corrumpuntur a se invicem, quia sicut ante generationem mixti unum elementum egit in aliud, et e converso, sic in instanti generationis mixti igitur tunc agunt et corrumpunt se invicem. modo corruptum est ens, et ipsum ponitur non esse ens. et sic idem in

eodem instanti generationis mixti erit ens et non ens. Item Aristoteles in fine primi de generatione in diffinitione mixtionis, quod mixtio est miscibilium alteratorum unio, et sic mixtum esse unum ex miscibilibus alteratis. Ex hoc sic arguitur. ex quibuscunque alteratis mixtum habet esse unum illa remanent in mixto actu, quia alteratio est de una qualitate in aliam contrariam. Et hoc manente eodem subiecto in actu qui alteratio non transmutat subiectum: sed mixtum habet esse unum ex miscibilibus et elementis alteratis: ut patet ex prædicta diffinitione.

HOC viso dicendum est ad quæstionem: quod formæ substantiales elementorum suscipiunt magis et minus in generatione mixti. Et causa est, quia cum formæ elementorum debeant remanere in mixto, ut visum est, vel remanent secundum perfectionem ultimam, vel secundum perfectionem remissam, et refractam: et hoc patet per sufficientem divisionem, sed formæ substantiales elementorum remanentes in mixto secundum aliquid sui non remanent secundum ultimas perfectiones, quia aliter mixtum non esset unum simpliciter, quia illud in quo sunt diversæ formæ substantiales non est unum simpliciter. sed elementa secundum ultimam perfectionem habent diversas formas substantiales; et per consequens non esset unum simpliciter. Et hoc confirmatur. Si elementa secundum ultimam perfectionem remanerent in mixto, tunc qualitates in summo remanerent in mixto, sed hoc est impossibile: quia ille qualitates in summo corrumperebantur, cum esse mixti consistat in media proportionem. consequentia patet: quia qualitates consequuntur formas elementorum secundum ultimas perfectiones sicut patet: quod si remanerent formæ elementorum secundum perfectiones ultimas remanerent et secundum qualitates in summo in ipso mixto. ergo non remanerent secundum perfectiones remissas, et hoc non esset nisi susciperent magis et minus.

Item Commentator arguit 3. contra Avicennam. Si ignis posset admittere aliquam partem qualitatis remanente tota forma substantiali eius, tunc totus ignis posset sine omni caliditate fieri, hoc est ridiculum, quia ignis sine caliditate, cum sit proprium eius accidens. consequentiæ probatur, quia idem est iudicium totius et partis et in homogeneis. cuiusmodi sunt elementa, unde quare rationis ignis posset esse sine aliqua parte caliditatis, eadem ratione sine omni caliditate, quia totum et pars sunt eiusdem rationis. Sed propter cavillantes confirmatur per suppositionem. Primo. quod accidens separabile et inseparabile possunt esse eiusdem rationis, quia ex opposito distinguitur, ut dicitur primo physicorum per Aristotelem et Commentatorem. Secundo suppono, quod accidens separabile eo corrupto potest remanere subiectum, saltem concomitative. Tertio suppono, quod caliditas ignis est eiusdem rationis in omnibus generibus eius. Ex his arguitur: ponatur quod caliditas ignis secundum aliquam partem amittatur, vel tunc etiam amittetur forma substantialis ignis secundum aliquam partem, vel tota remanet, hæc est nota per sufficientem divisionem. Si corrumpatur aliqua pars formæ substantialis, habetur propositum, quod forma substantialis ignis suscipiat magis et minus. similiter intelligas si acquiritur aliqua pars caliditatis in igne, quia ignis agit in aquam, et tunc etiam intenditur forma substantialis, quia idem est iudicium de toto et parte in homogeneis. Si autem tota forma substantialis remaneat, corrupta aliqua parte caliditatis, tunc etiam alia parte caliditatis corrupta. Item tota forma substantialis remaneret nisi una pars caliditatis esset separabilis, et alia inseparabilis, et tunc non essent eiusdem rationis secundum primam dignitatem, sed partes caliditatis non sunt eiusdem rationis, quod est contra tertiam suppositionem. et sic qua ratione ignis potest remanere secundum totam formam substantialem una parte caliditatis amissa, eadem ratione ignis potest remanere totus sine omni caliditate, cum omnes partes caliditatis sint eiusdem rationis. modo hoc est ridiculum, quod ignis totus remaneat sine omni caliditate secundum suppositionem secundam ergo relinquitur, quod quantum ignis amisit vel acquirit de caliditate, tantum acquirit vel amittit de forma substantiali. et sic suscipit magis et minus. et similiter intelligatur de aqua et aliis elementis. Notandum quod formæ substantiales mixtorum non suscipiunt magis et minus, quia habent consistentiam et proportionem determinatam in materia et indivisibilem, sed formæ substantiales elementorum quæ consistunt dispositive in qualitibus tangibilibus possunt intendi et remitti unde vult Commentator 3. cœli quod formæ substantiales elementorum sunt mediæ inter formas substantiales mixtorum et formas accidentales.

NOTANDUM quod hic sunt quædam dubia. Primum est. Si formæ substantiales elementorum remanerent in mixto, tunc nullum mixtum esset frigidius terra, sed est falsum, quia aliqua mixta sunt frigidiora terra, sicut marmor, et huiusmodi, ut patet per contactus, consequentia patet, quia postquam forma substantialis ignis remaneret in mixto, tunc etiam caliditas eius remaneret, quia dare caliditatem alicui mixto, ratione cuius non esset frigidius terra, quia nullam habet caliditatem. Item si formæ substantiales elementorum intenderentur et remitterentur, tunc generatio non esset terminus alterationis, sed hoc est falsum, ut patet ex 5. physicorum et per Commentatorem 6. physicorum. consequentia patet, quia terminus non est simul cum illo cuius est terminus, quia terminus sequitur illud cuius est terminus, sed si forma substantialis intenderetur et remitteretur, tunc generatio formæ substantialis esset simul cum alteratione, quia sicut cum acquiritur caliditas formæ substantialis fit etiam consequenter acquiritur forma substantialis. quia quantum de caliditate acquiritur, tantum de forma substantiali. Item tu dicis quod formæ elementorum secundum esse diminutæ remanent in mixto. Si hoc est verum, tunc contraria simul essent in eodem subiecto et secundum idem. sed hoc est falsum. ex 4. huius. consequentia patet, quia formæ elementorum contrariæ sunt, ubicumque sint, et in quocunque gradu remisso, probatio. quia differentiæ secundum speciem sunt contrarietates ex 10. huius, sed formæ elementorum in quocunque gradu sunt distinctæ secundum speciem, quia in qualibet parte mixti sunt simul omnes formæ elementorum, quia quodlibet pars mixti est mixta ergo contraria simul sunt.

AD primum dubium. Si formæ substantiales etc. Dicendum quod ista ratio non probat quod formæ elementorum non remaneant in mixto in virtute, quod est contra eos qui faciunt istam rationem, quia si qualitates sensibiles remanerent in mixto, tunc calor etiam remaneret in mixto. Et tunc sequitur quod nullum mixtum sit frigidius terra, quod est falsum. consequentia patet, quia in quocunque mixto est caliditas, ergo etiam caliditas est in marmore, quod est mixtum. ergo ratione illius caliditatis non est frigidius terra, in qua est nulla caliditas. Item ista ratio fundatur super falsam imaginationem. unde imaginatur quod marmor sit frigidius terra pura, quod est falsum, immo licet marmor sit frigidius terra in superficie, non tamen est frigidius terra pura: cui non est admixta aliqua caliditas, ut illa quæ est in centro. unde terra quæ est in superficie non est pura, sed est mixta cum corporibus calidis. sed terra pura est frigidior omnibus mixtis. unde dicit Commentator 2. cœli. Sicut propinquitas ad motum cœli largitur motum et caliditatem et levitatem, sic remotio a cœlo largitur frigiditatem, gravitatem, et quietem. unde mixtum bene potest esse frigidius in comparatione ad aliquod elementum, non tamen est frigidius elemento simpliciter.

...puro et in proprio loco. Ad aliud. Si formæ substantiales etc. posset dici quod verum est de generatione elementi quod non est terminus alterationis, quia non habet divisionem ab ea, sed simul fit cum ea cum recipiat magis et minus, sed de generatione mixtorum verum est quod est terminus alterationis, quia non suscipiunt magis et minus, ut visum est, vel potest sic exponi: generatio, generatum est terminus alterationis, quia generatum esse non est simul cum alteratione, quia alteratio præcedit generationem. Ad aliud dubium. Si formæ etc. Dicendum quod illa ratio est contra eos qui ponunt quod realitates elementares manent quæ non sunt formæ, sed hoc sequitur quod contraria essent in eodem, quia illæ realitates differunt plusquam numero, ergo differunt specie, et per consequens sunt contraria, et sic nulla realitas elementaris remaneret, quod est contra eos. unde mirabile est quod ignis secundum esse et secundum formam substantialem non remanet in mixto, et tamen realitas ignis remanet. unde ista realitas, vel est ens, vel est nihil. Si nihil, pro nihilo reputatur. Si est ens, vel est substantia vel accidens, non potest dici quod sit accidens, quia dicunt quod ista elementa non solum remanent secundum accidentia, sed etiam secundum realitates, quæ non sunt accidentia ergo realitas est substantia. vel ergo est compositum vel materia, vel forma per sufficientem divisionem substantiæ, sed istæ realitates non possunt esse materia, quia elementa non differunt secundum materiam, nec possunt esse compositum, quia tunc remanerent elementa, secundum elementa composita ergo relinquitur quod sint formæ, et per consequens sequetur quod formæ elementorum remaneant in mixto. Sed forte dices, quod istæ realitates sunt partes formæ

elementaris, et si sic est, tunc habetur propositum, quia non possunt esse nisi partes subiectivæ, et unumquodque totum prædicatur de suis partibus subiectivis ergo quælibet realitas formæ elementaris, erit forma elementaris, sed contra arguere non est solvere ergo dicendum est aliter. Si formæ substantiales etc. consequentia negatur. Tu probas, quia in qualibet parte mixti sunt formæ etc. verum est in quacunque parte mixti sunt formæ omnium elementorum Et tu dicis, illa sunt contraria falsum est. Ad probationem. Differentia secundum speciem etc. conceditur. differentia secundum finalem speciem est contrarietas in quibus forma et formatum sunt unum numero debet esse et sic est in proposito, quia formæ elementorum in mixto non sunt formæ finales, sed sunt formæ mediæ et restrictæ, quia materia nata est recipere formas mixtorum; et per consequens ibi non est differentia secundum speciem finalem, quæ fit per divisionem generis suis differentiis.

AD rationes principales in oppositum. primo ad auctoritatem Aristotelis sicut numeri etc. Dicendum quod hoc solvit Aristoteles in sequenti littera tc. 10. unde semper ista littera dimissive allegatur quia Aristoteles addit, sed si quidem cum materia, unde loquitur contra platonicos, qui posuerunt formas separatas, quia non suscipiunt magis et minus, sicut et numeri mathematici quos posuit Plato. sed dicit Aristoteles quod bene suscipiunt magis et minus cum materia, et hoc est contra platonicos qui posuerunt eas separatas.

AD rationes. Ad primam. Si formæ elementorum etc. Dicendum quod motus dupliciter accipitur. Uno modo ut distinguitur a numeratione indivisibili, et sic capitur pro quacunque mutatione continua. Alio modo accipitur ut habet subiectum in actu sub utroque termino per formam positivam finalem. modo generatio elementorum est bene motus primo modo, quia sicut subiectum acquirit caliditatem successive, sic formam substantialem, sed non est motus secundo modo, quia non habet subiectum ens in actu sub utroque termino per formam positivam et finalem. Ad aliam. Si formæ substantiales etc. Dicendum quod per istam rationem etiam probatur quod qualitates non susciperent magis et minus, quia si qualitates susciperent magis et minus, et privatio susciperet magis et minus, quia si aliquid est minus calidum, magis est privatum caliditate; et e converso. Unde dicendum est quod non est inconveniens quod privatio suscipiat magis et minus in subiecto, quia materia est aliquando magis privata forma ignis, aliquando minus, sicut in caliditatibus. Dices quod magis et minus etc. conceditur. magis et minus...

...entis positivi, sive dispositiones positivæ, sed tamen magis et minus entis privativi non sunt dispositiones positivæ, sed privativæ. Ad aliam. Si formæ elementorum etc. Dicendum quod non sequitur, quia nomina non assimilantur rebus, quia aliquando parvum nomen significat magnam rem. Dices quod videmus in aliis formis quæ suscipiunt magis et minus etc. Dicendum quod grammatici sic imposuerunt nomina quæ comparantur, sed non imposuerunt omnibus formis, quæ suscipiunt magis et minus nomina quæ comparantur, quia ignoraverunt res, quia rerum formæ substantiales occultæ sunt, unde nescierunt quod susciperent magis et minus, ergo non imposuerunt nomina comparativa eis. Vel dicendum quod ista recipiunt comparisonem, sed non regularem, quia non dicimus æs acrior, quia est malus sonus et cacæaron. unde poeta regulæ grammaticæ prohibet certissima lege. Neque ius. vel vus comparat absque magis. Unde bene comparantur, sed non regulariter. unde medici habent in usu, quia dicunt quod illud quod est magis igneum est aqueum, sicut Aristoteles utitur septali modo loquendi.

Quaestio VI. Utrum cœlum sit compositum ex materia et forma.

In naturalibus quidem sempiternis etc.

QVÆRITVR circa idem capitulum utrum cœlum sit compositum ex materia et forma. Et arguitur primo quod sic. Illud quod movet seipsum est compositum ex materia et forma, seu divisibile in partem moventem et motam. movens est forma, cum formæ sit movere et agere, mota est materia, cum materiæ sit moveri et pati ex. 2. de generatione, sed cœlum movet seipsum, quia in genere corporum est deventum ad aliquod primum quod movet seipsum et hoc est cœlum ut patet. 8. physicorum. ergo est compositum ex materia et forma.

Item. quod est animatum est compositum ex materia et forma, quia anima est forma et actus corporis. ex secundo de anima, sed cœlum est animatum. 2. cœli ergo ex materia et forma. Et quod sit animatum. hoc idem vult Commentator primo et secundo huius, quod ipsum cœlum esse animatum, licet de virtutibus animæ non habeat nisi duas. scilicet desiderium et intellectum.

Item in quo forma et formatum sunt unum numero debet esse compositum ex materia et forma, quia non est intelligibile quod forma et formatum sint unum numero nisi sit constitutum ex materia et forma, sed in cœlo, forma et formatum sunt unum. per Commentatorem 1. cœli ubi dicit quod forma et formatum in cœlo sunt idem numero, licet magis diminute et receptum et receptum in forma absoluta ergo etc.

Item in omni eo quod movetur necesse est intelligere materiam, ex secundo huius: sed cœlum movetur ut patet ad sensum per stellas, ergo etc.

Item omnis substantia vel est materia, vel forma, vel compositum ex his ex 8. huius et 2. de anima, sed cœlum est substantia: nec est materia: nec forma ergo compositum. Quod sit substantia nullus dubitat, et non est materia, quia materia secundum se non movetur saltem motu locali ut patet. 5. physicorum. sed cœlum movetur per se localiter. Sicut non est forma ut patet per Commentatorem 8. et 9. huius. ubi dicit cœlum secundum se habere potentiam in vbi non prohibet ut sit materia sed bene prohibet ipsum esse formam ergo relinquitur quod sit compositum ex materia et forma.

OPPOSITUM vult Aristoteles in prædicta littera: et idem vult Commentator 1. cœli, et 1. physicorum et in tractatu de substantia orbis. quod cœlum sit subiectum simplex sine materia.

NOTANDUM Ad intellectum quæstionis distinguendum est quod hoc nomine cœlum intelliguntur quatuor secundum verba philosophorum. Uno modo dicitur cœlum totum universum corporeum constitutum ex elementis et quinta essentia. Secundo modo accipitur pro ultima sphaera totius universi quæcunque sit illa: sive octava vel nona: ut diversi dicunt astronomi. Tertio modo accipitur pro toto substantia corporea cœlesti in qua sunt stellæ fixæ vel erraticæ: sive in qua non sunt stellæ. Et ista tria habetur ab Aristotele primo cœli. Quarto modo accipitur pro toto aggregato ex mobili circulariter et motore, et sic accipitur a Commentatore 8. de anima. ubi dicit quod corpora cœlestia recipiunt intelligentias...

...et intelligit eas, et hoc non verificatur nisi per intelligentiam, quia cœlum pro corpore non intelligit intelligentiam, nec recipit eam: unde inferior sphaera intelligit superiorem tanquam suum perfectum. scilicet totum aggregatum ex mobili et motore, et secundum primum significatum dicitur liber de cœlo et mundo, idest de toto universo corporeo et congregato ex elementis et quinta essentia.

HOC viso dicendum est ad quæstionem, primo quod si loquamur de cœlo primo modo, quod non est compositum ex materia et forma. Et ratio est, quia quod est separatum ab aliquo loco et subiecto non est forma eius, quia forma non est separata loco et subiecto ab eo, cuius est forma, sed cœlum in primaria significatione est separatum ab alio loco et subiecto, ut quinta essentia est separata ab alio, quare una pars non est forma alterius, ita quod pars cœlestis non est forma sphaeræ elementaris secundum primariam acceptionem formæ.

Secundo dicendum est, quod bene est compositum secundum similitudinem, et secundum acceptionem secundariam. Et causa est, quia quando aliquid continet aliud et est perfectius eo habet se ad modum formæ respectu illius et hoc vult Commentator 1. cœli, sed cœlum quod movetur circulariter est perfectius corporibus in sphaera activorum et passivorum, et continet ipsa ergo habet se ut forma, et sic cœlum est compositum ex materia et forma secundum similitudinem et secundario. Et hæc est intentio Aristotelis et Commentatoris 1. meteo. unde dixit Aristoteles ibidem, quod cœlum pro toto universo ex elementis et quinta essentia est compositum ex materia et forma, quia cœlum quod movetur circulariter est forma, et elementa quæ moventur motu recto sunt materia.

Tertio dicendum quod si cœlum accipiatur in secunda significatione, tunc non est compositum ex materia et forma. Et causa est. Illud quod movetur motu perpetuo uniformi et regulari non potest esse forma in materia, quia virtus in magnitudine perficiens materiam, et habens se inhaerenter in materia, et unam partem extra aliam, non potest movere motu perpetuo, quod vocat Commentator constitutum inesse per subiectum, quia talis virtus et forma est corruptio, sed motor sphaeræ ultimæ movet motu perpetuo et uniformi. ex 8. physicorum et 12. huius, quare sic cœlum non est compositum ex materia et forma proprie dicta.

Quarto dicendum, quod cœlum sic sumptum bene est compositum ex materia et forma dicta æquivoce, et secundum similitudinem. Et causa est. Illa quorum unum agit motum et aliud recipit motum, habent convenientiam cum materia et forma; et congregatum ex eis est congregatum ex materia et forma secundum similitudinem, quia formæ est agere, alterius vero principii moveri et pati. 2. de generatione, sed motor cœli est agens motum, quia in separatis idem est agens et finis, ut dicit Commentator 12. huius et in de substantia orbis et cœlum recipit motum, ut patet ad sensum, et sic cœlum est compositum ex materia et forma æquivoce, quia dicit Commentator 1. cœli, quod natura materiæ et formæ dicitur secundum aliam et aliam acceptionem de superioribus et inferioribus. Notandum quod opiniones sunt de cœlo in tertia significatione utrum quinta essentia sit substantia composita vel simplex circumscripto mouere, et recitabo primo duas opiniones. Postea dicam ad quæstionem secundum intentionem Aristotelis et Commentatoris. Una est opinio fratris Thomæ quod cœlum sit compositum ex materia et forma de tali materia quæ sit in potentia ad esse substantiale inquantum est de se et in natura sui, hoc probat una ratione primo cœli et mundi. Omne quod est ens actu est actus, vel habens actum conceditur ab omnibus, sed cœlum est ens actu, ut patet, sed non est actus, quia sic solum comprehenderetur intellectu et non sensu quod esset intelligens intellectum, quod est falsum, quia non solum comprehenditur intellectu, sed etiam sensu. Item rectum non intelligit cum sit corpus, quod non intelligitur, ergo est habens actum, et hoc est compositum ex actu, scilicet forma, et habente actum, idest materia. Notandum ulterius propter substantiationem huius opinionis, quod dicit beatus Thomas, quod hoc cœlum sit compositum ex materia et forma substantiali tamen hoc est differenter ab istis inferioribus, quia nulla forma in inferioribus totam potentialitatem materiæ replet et satiat totum appetitum, quia semper relinquit potentiam et appetitum ad formam aliam. similiter prior ratio alterius formæ, ut anima humana quæ est perfectissima forma in inferioribus non replet totam potentialitatem materiæ et appetitum, sed adhuc relinquit in materia et appetitum et potentiam ad aliam formam, quia stat sub priuatione alterius formæ, ideo huius est corruptibilis, sed forma cœli satiat totam potentialitatem materiæ et replet totum eius appetitum et nullam priuationem et potentiam relinquit in materia ad aliam formam, ergo est incorruptibilis secundum naturam. Et huius rationem assignat, quia replet totam potentialitatem materiæ, quia est vis forma causalitate perficiens materiam, et est forma totalis. Et hoc patet per virtutem activam eius, quia est virtus activa dans vit esse non determinate sed utlibet, sicut ignis est virtus activa determinata, quia causat caliditatem determinatam et non aliud ergo materia ignis stans sub forma eius habet appetitum et potentiam ad aliam formam ergo cum forma cœli sit vis dans esse utlibet satiat totam potentialitatem materiæ non relinquens appetitum ad aliam formam et sic patet quod cœlum est compositum ex materia et forma substantialiter tamen est incorruptibile, unde materia in cœlo et in istis inferioribus est alterius rationis non propter compositionem alicuius differentię et formæ: per quam materia illa differant:

quia materia est omnino simplex subiectum non includens aliquam differentiam et actum, per quam distinguatur, sed illa diversitas est propter habitudinem ad aliam formam, quia materia cœli habet habitudinem ad formam viam quæ replet et satiat totum appetitum et potentialitatem eius. ut dictum est, sed materia in inferioribus habet habitudinem ad formam partialem et determinatam: quare non replet totam potentialitatem materiæ: ut dictum est prius. Quicquid sit de ista opinione quia de hoc visum debet posterius tamen ista ratio non concludit propositum cum dicitur. Deus est etc. Et tu dicis quod cœlum est substantia. Conceditur. Et tu dicis quod non est actus, nego quia cœlum est actus. Ad probationem tunc idem esset intelligens et intellectum et non sentiretur. Dicendum quod verum est de actu qui est separatus a magnitudine: et est incorporeus sed non est verum de actu corporeo: quia ille extenditur et habet sensationes quia habet accidentia, ratione quorum sentitur non est intelligens. Et quod addit quod materia cœli satiatur hoc etiam non est necesse tenere: quia licet sit cœli sit vis excellentior respectu inferiorum ut nobilior: tamen quod est in uno orbe et parte cœlesti sit forma et excellentior et nobilior quam in alio orbe, quia semper continens est minus nobile contento, ex 4. physicorum ergo sicut forma orbis inferioris est ignobilior forma superioris: per consequens appetit formam quia materia quæ est in inferioribus sub forma ignobiliore appetit formam nobiliorem. similiter materia cœlestis sub forma orbis inferioris: quæ est minus nobilis appetit formam orbis nobilioris. Alia est opinio fratris Ægidii qui fecit tractatum de ista materia: et tenet, quod corpus cœleste sit compositum ex materia et forma substantiali perficiente materiam secundum esse et habere esse inhaerenter in materia. Et addit quod diversificat istam opinionem a prædicta, quia dicit, quod materia cœli est eiusdem rationis cum materia inferiorum quantum est in se. Primam conclusionem probat tribus rationibus. Prima sumitur ex parte extensionis et dimensionis. Secunda sumitur ex parte raritatis et densitatis. Tertia ex parte indivisionis. Prima ratio est: si cœlum non esset compositum ex materia et forma, non posset esse extensum et dimensionatum, sed hoc est falsum, quia est extensum et dimensionatum quod requirit esse quantum et extensum. unde etiam hoc patet ad sensum, quia cœlum tantæ magnitudinis est ut ambitus terræ nullus sit respectu eius, immo etiam respectu minimæ stellæ, ut probatur in astrologia, et ut dicitur primo meteoricorum consequentia patet per Commentatorem primo tractatu de substantia orbis, quod si forma præcederet dimensionem in materia, tunc non esset extensa omnino, sed esset indivisibilis, quia forma non extenditur extensione materiæ: ergo si cœlum esset sine omni materia corporali...

...non esset extensum, nec haberet partem extra partem. Sed ex concessis ab eo, quia illa differunt in raritate et densitate: illa substantia est composita ex materia et forma, cuius partes differunt penes rarum et densum, et probat hanc per Aristotelem 1. de generatione, ubi loquitur contra Empedoclem. qui dixit elementa non habere materiam, et tamen concedebat quod comparantur secundum rarum et densum. Et ex hoc concludit Aristoteles contra eum, quia si elementa comparantur secundum rarum et densum, oportet quod conveniant in una materia et subiecto communi, et sic Aristoteles vult quod illa quorum partes differunt per rarum et densum, convenire in materia.

Item, hoc patet per diffinitionem rari et densi, quia densum est quod plus habet de materia et minus de forma: habet formam imperfectiorem. Sed e converso, rarum est quod minus habet de materia et plus de forma: perfectiorem formam. ergo per diffinitionem densi et rari patet quod cuius partes differunt raritate et densitate, tale est compositum ex materia et forma, sed partes cœli sunt huiusmodi, quia stella est densior pars sui orbis: et partes non stellatæ sunt rariores, ut dicit Commentator 2. cœli et in de substantia orbis. Etiam una pars cœli eclipsat a materia, ut patet de luna.

Item illa forma quæ non est de se indiuiduata ut esse in materia, quia dato quod non sit in materia, tunc esset indiuiduata de se, quia in separatis a materia non differt caro et carnis esse, suppositum et quidditas, sed forma cœli de se non est indiuiduata per Aristotelem primo cœli, ubi dicit, quod differt dicere cœlum et hoc cœlum. Tunc probat secundum. illa subiecta sunt eiusdem rationis, quorum utrumque est in pura potentia, quia distinctio non est nisi per actum, quia actus separat et distinguit. 7. huius. ergo quod est in pura potentia non habet actum, per quem distinguatur, sed materia cœli et inferiorum est huiusmodi quia materia inferiorum, nec quid, nec quale, nec

quantum etc. 7. huius, sed est in pura potentia, ut exponit ibi Commentator, sed materia cœli est in pura potentia, aliter ex ipsa et forma cœli non fieret per se unum. Et confirmatur. Sicut non est nisi unus actus omnino purus, sic non est nisi una materia omnino pura et unius rationis, sed non est nisi unus actus omnino purus, ut patet de deo. 12. huius, et 5. physicorum et materia est pura potentia et diversificata, immo et non diversificata in inferioribus et superioribus.

Modo frater Ægidius addit, quod licet in cœlo sit materia eiusdem rationis cum materia inferiorum quantum est de se, tamen per formam differt, quia forma corporis cœlestis differt a forma inferiorum, quia forma cœli non habet contrarium. ideo non relinquit in materia aliquam potentiam et appetitum ad aliam formam, quia materia stans sub una forma non appetit aliam, nisi illa forma habeat contrarium, et possit ei succedere in materia. Quare materia cœli non habet contrarium: patet, quia motus cœli non habet contrarium ex primo cœli ergo nec forma habet contrarium, et per consequens cœlum non est generabile et corruptibile, quia generatio est de contrario in contrarium in substantia, sed forma inferiorum vel per se vel saltem per dispositiones accidentales ut alii dicunt corrumpuntur formæ inferiorum et succedunt sibi in materia.

QUICQUID sit de conclusione, tamen rationes non concludunt. Ad primam, si cœlum esset compositum etc. consequentia negatur, quia non obstante hoc quod cœlum non habeat materiam et formam adhuc potest habere dimensiones et esse extensum, sicut figura determinata. Ad probationem. Forma materiæ extendit etc. Conceditur. Forma materialis non extenditur nisi extensione materiæ, quia si forma materialis præcederet dimensiones in materia tunc esset indivisibilis, sed forma immaterialis et ingenerabilis non est nata extendi per materiam corpoream, quæ subiiciat eam, sed per suam formam quæ inest ibi ut subiecto simpliciter. unde etiam Commentator dicit hoc in de substantia orbis: intellexit de forma materiali et generabili. Ad aliam. Illa substantia est composita etc. per istam rationem probaret quod cœlum haberet materiam, quæ sit subiectum generationis, quia Aristoteles arguit ibi contra Empedoclem qui dixit quod prima elementa sunt ingenerabilia et incorruptibilia, et non habent materiam. modo Aristoteles vult probare quod sint generabilia et corruptibilia et non solum quod habeant materiam, et hoc probatur ex concessis ab eo, quia illa differunt in raritate et densitate: illa substantia est composita ex materia et forma, cuius partes differunt penes rarum et densum, et probat hanc per Aristotelem 1. de generatione, ubi loquitur contra Empedoclem. qui dixit elementa non habere materiam, et tamen concedebat quod comparantur secundum rarum et densum. Et ex hoc concludit Aristoteles contra eum, quia si elementa comparantur secundum rarum et densum, oportet quod convenient in una materia et subiecto communi, et sic Aristoteles vult quod illa quorum partes differunt per rarum et densum, convenire in materia.

Item, hoc patet per diffinitionem rari et densi, quia densum est quod plus habet de materia et minus de forma: habet formam imperfectiorem. Sed e converso, rarum est quod minus habet de materia et plus de forma: perfectiorem formam. ergo per diffinitionem densi et rari patet quod cuius partes differunt raritate et densitate, tale est compositum ex materia et forma, sed partes cœli sunt huiusmodi, quia stella est densior pars sui orbis: et partes non stellatæ sunt rariores, ut dicit Commentator 2. cœli et in de substantia orbis. Etiam una pars cœli eclipsat a materia, ut patet de luna.

Item illa forma quæ non est de se indiuiduata ut esse in materia, quia dato quod non sit in materia, tunc esset indiuiduata de se, quia in separatis a materia non differt caro et carnis esse, suppositum et quidditas, sed forma cœli de se non est indiuiduata per Aristotelem primo cœli, ubi dicit, quod differt dicere cœlum et hoc cœlum. Tunc probat secundum. illa subiecta sunt eiusdem rationis, quorum utrumque est in pura potentia, quia distinctio non est nisi per actum, quia actus separat et distinguit. 7. huius. ergo quod est in pura potentia non habet actum, per quem distinguatur, sed materia cœli et inferiorum est huiusmodi quia materia inferiorum, nec quid, nec quale, nec quantum etc. 7. huius, sed est in pura potentia, ut exponit ibi Commentator, sed materia cœli est in pura potentia, aliter ex ipsa et forma cœli non fieret per se unum. Et confirmatur. Sicut non est nisi unus actus omnino purus, sic non est nisi una materia omnino pura et unius rationis, sed non est nisi

unus actus omnino purus, ut patet de deo. 12. huius, et 5. physicorum et materia est pura potentia et diversificata, immo et non diversificata in inferioribus et superioribus.

Modo frater Ægidius addit, quod licet in cœlo sit materia eiusdem rationis cum materia inferiorum quantum est de se, tamen per formam differt, quia forma corporis cœlestis differt a forma inferiorum, quia forma cœli non habet contrarium. ideo non relinquit in materia aliquam potentiam et appetitum ad aliam formam, quia materia stans sub una forma non appetit aliam, nisi illa forma habeat contrarium, et possit ei succedere in materia. Quare materia cœli non habet contrarium: patet, quia motus cœli non habet contrarium ex primo cœli ergo nec forma habet contrarium, et per consequens cœlum non est generabile et corruptibile, quia generatio est de contrario in contrarium in substantia, sed forma inferiorum vel per se vel saltem per dispositiones accidentales ut alii dicunt corrumpuntur formæ inferiorum et succedunt sibi in materia.

QUICQUID sit de conclusione, tamen rationes non concludunt. Ad primam, si cœlum esset compositum etc. consequentia negatur, quia non obstante hoc quod cœlum non habeat materiam et formam adhuc potest habere dimensiones et esse extensum, sicut figura determinata. Ad probationem. Forma materiæ extendit etc. Conceditur. Forma materialis non extenditur nisi extensione materiæ, quia si forma materialis præcederet dimensiones in materia tunc esset indivisibilis, sed forma immaterialis et ingenerabilis non est nata extendi per materiam corpoream, quæ subiiciat eam, sed per suam formam quæ inest ibi ut subiecto simpliciter. unde etiam Commentator dicit hoc in de substantia orbis: intellexit de forma materiali et generabili. Ad aliam. Illa substantia est composita etc. per istam rationem probaret quod cœlum haberet materiam, quæ sit subiectum generationis, quia Aristoteles arguit ibi contra Empedoclem qui dixit quod prima elementa sunt ingenerabilia et incorruptibilia, et non habent materiam. modo Aristoteles vult probare quod sint generabilia et corruptibilia et non solum quod habeant materiam, et hoc probatur..

...inquisitione physica, sed postquam iam cognita est, tunc primo test attribui aliis. Ingenerabilibus et incorruptilibus, ut cœlo. Dicendum quod ista ratio non valet, quia fundatur super hoc quod cœlum sit compositum ex materia et forma carens contrario, illud est contra Commentatorem primo cœli. unde arguit sic, quod si forma in materia est carens contrario et generatione, tunc natura egisset otiose hoc est contra dignitatem naturæ. consequentiam declarat, quia materia non est propter aliud, nisi ut ex ipsa cum forma fiat aliud. modo si forma in materia non haberet contrarium, tunc ex materia non posset aliquid fieri cum forma, quia alia forma nunquam generaretur in materia, quod est falsum, et contra Commentatorem. unde Commentator subdit quod sicut abscisio est finis cultelli et cultellus esset otiosus, si nunquam incideret, sic generatio est finis materiæ: unde si forma nunquam generaretur in materia, tunc materia esset otiosa. ista est ratio Commentatoris bona et indissolubilis secundum naturam, quod cœlum non habet materiam primo modo dictam, et ponit eam primo cœli.

Secundo dicendum, quod cœlum habet bene materiam secundo modo: scilicet materiam vnde et quo, quia est subiectum simplex ad vbi. Et ratio est. Illud quod movetur secundum vbi et vbi, tale debet habere materiam, quia motus requirit subiectum et materiam, quia est actus entis in potentia. 3. physicorum ergo quod movetur secundum vbi debet habere materiam, quæ est in potentia ad vbi, sed cœlum est huiusmodi quia cœlum movetur secundum vbi, ut patet de se. quia in hoc conveniunt omnes leges, quia sicut transmutatio in substantiam fecit nos materiam primam cognoscere, sic transmutatio in vbi fecit nos cognoscere materiam localem: ut dicit Commentator octavo huius. Et hoc etiam expresse videtur velle Aristoteles octavo huius, illo capitulo, de materiali autem substantia, ubi dicit sic. In naturalibus quidem sempiternis autem substantiis alia ratio forsan, quædam materiam non habent aut non talem, sed solum secundum locum mobilem. Notandum quod rationes conclusionis cœli in quarta significatione accepti probantur, sicut conclusiones cœli in secunda significatione, quia capiendum cœlum cum motore non est compositum ex materia et forma proprie dicta, quia forma in materia non movet motu perpetuo et uniformi et ratio prius est tacta, sed tamen est compositum ex materia et forma improprie dicta et similitudinarie, quia illa quorum unum agit motum, et aliud

motum recipit, habent convenientiam cum materia et forma, et aggregatum ex eis est compositum ex materia et forma secundum similitudinem, et hæc ratio prius tacta est.

Notandum quod hic sunt dubia contra positionem Aristotelis et Commentatoris de cœlo in tertia significatione, quia probatur quod cœlum habeat materiam, quæ est in potentia ad esse. Quia substantia habens vel potens deficere ab operatione propria habet materiam quæ est in potentia ad esse, quia si deficeret ab operatione deficeret etiam in substantia maioris manifestationis, quia quod potest deficere a propria operatione, potest corrumpi et habere materiam, quæ est in potentia ad esse, quia si deficeret ab operatione et remaneret in substantia, tunc esset otiosum, quod est contra dignitatem naturæ, sed cœlum potest deficere a propria operatione, quia motus cœli potest non esse, et sic cœlum potest non moveri quod est propria operatio eius ergo habet materiam quæ est in potentia ad esse. Item. illa substantia quæ dependet ab agente debet habere materiam, quia potentiæ activæ debet respondere potentia passiva; quia agens non producit aliquid nisi ex materia et subiecto, ut patet primo physicorum. sed cœlum dependet a causa agente, ut patet per Commentatorem in de substantia orbis ubi dicit quod cœlum indiget virtute activa, quia movens totum est agens totum ergo habet materiam. Item diversitas motus non arguit diversitatem mobilis nisi ex diversitate formæ, quia ignis sit diversus a terra non tantum ex diversitate motus convincitur, sed etiam ex eo quod ignis habet aliam formam substantialem a terra, sed ex diversitate motuum corporum cœlestium ad motum inferiorum arguitur diversitas mobilium ex primo cœli, quia per diversitatem motus cœli circularis arguitur quod cœlum sit alterius naturæ ab inferioribus quæ moventur motu recto, et ista ratio est fortior ad probandum quod cœlum sit compositum ex materia et forma, ut dicit Commentator primo cœli.

Item. in corpore cœlesti circumscripto motore, aut differt res sensata ab intellecta, aut non, per divisionem sufficientem si differt, tunc cœlum oportet quod sit compositum ex materia et forma: si non differt, tunc idem esset sensatum et intellectum, quod est absurdum, et istam rationem ponit Commentator primo cœli.

AD primum cum dicitur, quod substantia quæ potest deficere etc. Conceditur si potest deficere ab opere omnino simul. Tu dicis, quod cœlum potest deficere etc. Dicendum quod non est verum. Unde dictum Commentatoris non bene intelligitur ab aliquibus dicentibus quod cœlum potest deficere a toto motu simul, sicut cæcus a toto visu, et hoc est falsum, quia sic non intelligit Commentator, quia ei cœlum esset generabile et corruptibile unde cœlum deficere simul secundum totum ab operatione est falsum et impossibile. Sed alio modo potest intelligi cœlum deficere a motu successive non simul secundum totum, quia una revolutio cœli corrumpitur alia adveniente, quia hodierna revolutio cœli corrumpitur adveniente crastina: et sic est intellectus verus quod motus cœli potest non esse secundum partem et successive. et sic nullum inconveniens sequitur.

Ad aliud dubium. Quod dependet ab agente etc. Dicendum quod duplex est agens unum verum et simpliciter dictum: Aliud est agens dictum similitudinarie quod conservat. modo verum est quod dependet a vero agente quod movet materiam quæ est in potentia ad esse, quia sicut dicit Commentator 12. huius, quod verum agens apud Aristotelem non congregat inter diversa, sed extrahit illud quod est in potentia ad actum. Et illud quod sic est ab agente similitudinarie dicto habet materiam, quæ est in potentia ad esse. Tu dicis, cœlum dependet etc. Dicendum quod cœlum non dependet ab agente primo modo, quod extrahit substantiam eius, quæ est in potentia, sed dependet ab agente secundo modo dicto conservante. unde aliqui fuerunt qui dixerunt cœlum esse primum ens et adorabant ipsum. Contra hos loquitur ibi Commentator qui dicit, quod cœlum non est primum ens et primum principium, sed dependet ab alio principio conservante extrinseco, de quo etiam dicit Aristoteles in 12. huius, quod ab hoc principio conservante dependet cœlum et natura. Sed quomodo intelligitur dictum Commentatoris, quod cœlum dependet a virtute agente. Hoc debet intelligi quantum ad causam finalem non solum quantum ad motum: sed etiam quantum ad substantiam, quia cœlum quo ad substantiam eius dependet ab agente, scilicet conservante substantiam eius. unde quod movetur illud non est primum, sed dependet a primo ut a fine, et hoc habet quo ad substantiam eius sed cœlum movetur ut patet, unde quando Commentator dicit nullam esse differentiam inter

exigentiam virtutis largientis motum et permanentiam æternam intendit, non solum de causa finali motus cœli, sed de fine substantiæ cœli, et sic debet intelligi ille locus.

Ad aliud dubium. diversitas motuum etc. Conceditur ex diversitate formarum aliquo modo est diversitas mobilium sed non oportet quod a diversis formis inherentibus. sed sufficit etiam si sint abstractæ secundum esse. Tu dicis, quod cœlum etc. Conceditur ergo hoc etiam est mediante aliqua forma diversa quæ non inheret et cognoscitur in esse per subiectum, sed per formam abstractam, quæ tamen est appropriata secundum opus. unde cœlum non habet formam inhaerentem: tamen habet formam appropriatam secundum principium operans, sic quod motor non dependet a tali corpore in esse, sed in movendo, quia motor movet tale corpus quod non potest movere aliud maius, nec minus: et tali velocitate determinata movet, ita quod non alia, ut patet secundo cœli.

Ad dubium. In corpore cœlesti etc. Dicendum quod in cœlo circumscripto motore res intellecta et conservata differunt, quia cœlum quo ad substantiam est illud quod..

...intelligitur, sed sentitur quo ad accidentia ut quo ad ipsum. Ad alia. Tu dicis, ergo est compositum ex materia etc. Dicendum est quod est bene compositum ex materia, unde et quo, quæ non est subtracta formæ inhaerenti, sed formæ separatæ secundum esse ut dictum est. Notandum de luna et cœlo. quod cœlum circumscripto motore non intelligitur, nisi in analogia et comparatione ad formam eius, scilicet motorem abstractum secundum esse, quod est subiectum simplex. Et hoc non intelligitur nisi inquantum recipit motum a motore, sed hoc non potest esse nisi intelligatur motor, sic etiam in materia inferiorum est simile in analogia ad formam. unde Commentator dicit, primo cœli, quod substantia cœli, quod est subiectum simplex in potentia ad vbi, non intelligitur sine substantia separata inquantum est subiectum et recipit motum ab ea.

AD rationes in oppositum. Quod movet seipsum etc. Conceditur. si est generabile, tunc est compositum ex materia et forma æquivoce dicta ut visum est, quia habet materiam vnde et quo, et sic movet seipsum quo ad aggregatum ex motore et moto, sic dictum est. Ad aliam, quod est animatum etc. Conceditur. si est generabile et corruptibile, tunc est compositum ex materia et forma univoce dicta, sed si est animatum ingenerabile, non oportet sed sufficit quod sit aliquo modo compositum ex materia et forma æquivoce. Tu dicis, quod cœlum est animatum. Conceditur. capiendo ipsum cum motore, et sic etiam est compositum ex materia et forma æquivoce. unde sicut hic forma est nobilior materia, sic in corporibus cœlestibus motor est nobilior moto, et sic habet conditionem formæ. Ad aliam. In quo forma et formatum etc. Conceditur. aliquo modo est compositum. Tu dicis, in cœlo forma etc. Illud est difficile quomodo in cœlo forma et formatum sint unum numero, quia motor est separatus a cœlo secundum subsistentiam, ut vult Commentator. Unde dicendum est quod dicuntur unum numero non per indistinctionem unius esse, quia sic habent diversa esse subsistentiæ motor et mobile, sed pro tanto dicuntur unum numero quia motor et mobile non sunt distincta loco et subiecto, unde motor appropriatur mobili secundum operationem et sic non sunt distincta, quia motor movet tale corpus, ita quod non aliud, et tali velocitate determinata, ita quod non alia, et talis circumscripto indistinctionis sufficit quod sint unum numero recipiens et receptum, ut vult ibi Commentator. Ad aliam. In omni quod movetur etc. Conceditur si movetur motu generationis et corruptionis tunc oportet habere materiam quæ est in potentia ad esse, sed si movetur motu locali, non oportet, sed sufficit quod habeat materiam æquivoce dictam quæ est vnde et quo. Et tu dicis, quod cœlum movetur. Conceditur motu locali. et sic habet materiam localem, ut dictum est. Ad aliam. omnis substantia vel est materia etc. Dicendum quod est forma et subiectum simplex, quod etiam dicitur materia localis quæ est in potentia ad vbi. Et tu dicis, quod materia non movetur etc. Conceditur. materia quæ est in potentia ad esse non movetur motu locali, et hoc est concessum, sed materia localis bene movetur motu locali. Et tu probas quod non sit forma, quia dicit Commentator cœlum semper habere potentiam in vbi non prohibet ut sit materia, sed bene prohibet ipsum esse formam. volo quod bene cœlum est materia localis et subiectum simplex et non est forma ingenerabilis et corruptibilis, sed tamen bene potest esse forma inquantum est actus per se existens, large accipiendo formam pro subiecto simplici et pro illo quod non est in potentia ad esse substantiale, ut visum est. Et hec de quæstione.

Quæstio VII. Utrum accidentia habeant materiam ex qua fiunt.

Hæc quæcunque itaque non quidem etc.

QVÆRITVR circa hanc partem. utrum accidentia habeant materiam ex qua fiunt. Arguitur quod sic. Omnium generum sunt eadem principia secundum analogiam, ut vult Aristoteles 12. huius, sed in genere substantiæ sunt principia forma priuatio materia ex qua fit. ut patet primo physicorum ergo etiam in genere accidentium est forma priuatio materia ex qua sit accidens, ergo habent materiam ex qua.

Item. sicut se habent miscibilia ad mixtum, sic qualitates extremæ se habent ad medias qualitates, per convenientem similitudinem, quia sicut ex miscibilibus fit mixtum, sic ex qualitatibus primis fiunt secundæ, et ex extremis fiunt mediæ, sed miscibilia sunt materia ex qua fiunt mixta, quia etiam dicuntur elementa, ergo etiam qualitates secundæ componuntur ex primis, et mediæ ex extremis, sicut ex materia ergo etc.

Item. sicut se habet materia sensibilis ad naturalia, sic se habet materia intelligibilis ad mathematica et hæc est manifesta per convenientem similitudinem, sed naturalia habent materiam sensibilem ex qua fiunt, ergo etiam mathematica habent materiam ex qua fiunt, et mathematica sunt accidentia ergo accidentia habent materiam ex qua fiunt ergo etc.

Item numerus componitur ex unitatibus tanquam ex materia, quia numerus est multitudo ex unitatibus aggregata, sed numerus est accidens. ergo accidentia habent materiam ex qua.

OPPOSITUM vult Aristoteles in prædicta littera.

DICENDUM est ad quæstionem, quod accidentia non habent materiam ex qua fiunt quæ ingrediatur compositionem eorum. Et causa est. si accidentis haberet materiam ex qua fierent, tunc essent composita ex materia et forma, sed hoc est falsum, quia materia quæ est in pura potentia non est in genere accidentium consequentia patet, quia quod habet materiam ex qua fit, est compositum ex materia et forma cum forma sit perfectio materiæ, quia materia non habet esse, nisi per formam cum sit in pura potentia.

Item. si accidentis haberet materiam ex qua fiunt, tunc forma accidentium esset in materia prima, hoc est falsum: quia formæ accidentales differunt a formis substantialibus ex hoc quod formæ substantiales sunt in ente in potentia, sed accidentales in ente in actu, ut vult Commentator secundo de anima. et accipitur ab isto octavo.

Secundo dicendum, quod bene habent aliquid ex quo componuntur. sicut ex materiali quod aliquo modo est simile materiæ. Et ratio est. Illud quod habet partes ex quibus componitur essentialiter, hoc habet materiale, quia partes ex quibus aliquid componitur essentialiter integrative assimilantur materiæ, et habent se ut materiale, sed accidentia sunt huiusmodi quia accidentia saltem aliqua habent partes ex quibus componuntur essentialiter integrative, sicut linea, habet partes ex quibus componitur, sicut partes lineæ. Similiter albedo et nigredo habent partes similiter ex quibus componuntur ut diversos gradus similiter formæ accidentales mediæ realiter componuntur ex extremis ut rubedo ex nigredine et albedine, quia dicit Commentator primo physicorum quod extrema actu sunt in medio: similiter linea componitur ex longitudine et duobus punctis, et longitudo habet se ut materiale. Et ista ratio magis probat de accidentibus corporalibus.

Item et est ratio magis universalis. illud quod componitur ex genere et differentia habet materiale ex quo fit, quia genus habet se ut materiale principium, quia dicit Lync. primo posteriorum quod genus est materia formalis vel forma materialis. ergo quod componitur ex genere hoc habet materiale ex quo fit, sed formæ accidentales sunt huiusmodi, quia omnes formæ accidentales præter generalissima componuntur ex genere et differentia: et hoc habet veritatem de accidentibus in prædicamento.

AD rationes in oppositum. Ad primam. omnium generum etc. Conceditur. non tamen sunt principia dicta univoce, quia materia et forma quæ sunt principia substantiæ sunt alterius rationis, sed materia et forma in transmutatione accidentium pertinet ad aliud genus, quia materia et subiectum pertinet ad genus substantiæ. ergo ratio non concludit. Ad aliam. sicut se habent miscibilia etc. Dicendum quod non est simile in hoc, quia miscibilia sunt substantiæ, et sic possunt esse materia mixti saltem propinqua materialiter. habent se ut materiale. et similiter intelligas.

...de primis qualitatibus respectu secundarum, sed est simile, quia sicut mixta componuntur essentialiter ex miscibilibus quæ actu remanent in mixto, sic qualitates mediæ componuntur ex extremis quæ actu remanent in eis, quo modo autem miscibilia maneant in mixto visum est prius.

Ad aliam, sicut se habet materia sensibilis etc. Dicendum est simile et dissimile, est simile in hoc, quia sicut natura naturalia requirunt materiam sensibilem sic mathematica materiam intelligibilem, tamen est dissimile, quia materia naturalium substantiarum est de genere substantiæ, sed materia intelligibilis mathematicorum saltem quæ est substantia corporea subtracta accidentibus non est de genere illorum accidentium. unde bene volo quod materia intelligibilis accidentium mathematicorum, quæ sunt passionibus illa sunt de genere accidentium. Ad cuius intellectum notandum quod de numero mathematicorum quædam habent se ut substantia sicut numerus et triangulus et illorum materia intelligibilis est substantia corporea subtracta eis quæ est de genere substantiæ. Alia mathematica habent se ut passionibus, et illorum materia intelligibilis est de genere accidentium, ut triangulus est subiectum habere tres, et triangulus est de genere accidentis, non quod sit in eodem genere cum habere, sed intelligas de aliis. De materia intelligibili mathematicorum inquirendum est alibi, quia sunt opiniones diversæ. Item. dissimile est in alio, quia materia sensibilis ex qua aliquid fit, et ingreditur compositionem illius, sed ex materia intelligibili non proprie aliquid fit, sed est subiectum in quo existunt mathematica. Ad aliam patet quod numerus non addit aliquam formam super unitates, sed numerus est unitates essentialiter, sicut visum est prius: quomodo autem numerus se habet ad unitates sunt opiniones et aliquid visum est prius.

Quæstio VIII. Utrum immediate ex aceto possit fieri vinum et ex mortuo vivum.

Dubitationem autem quandam etc.

QVÆRITVR utrum immediate ex aceto possit fieri vinum et ex mortuo vivum. Arguitur primo quod sic. Quia si ex aceto immediate non fieret vinum, aut hoc esset ex parte materiæ, aut ex parte formæ, aut ex parte privationis, per sufficientem divisionem, sed non ex parte materiæ, quia materia indifferens est ad omnem formam, nec ex parte privationis, quia ex tenebroso fit lucidum immediate, et ex iniusto iustum. Similiter nec ex parte formæ, quia materia potest recipere quamcunque formam, quia abiecta una forma alia potest ei succedere in materia. ergo etc.

Item. materia prima est susceptiva cuiuslibet formæ substantialis per agens determinatum. ergo etiam immediate materia vini post abiectionem formæ aceti per determinatum agens potest assumere formam vini. antecedens patet. ex octavo huius, quia materia est susceptiva cuiuslibet formæ per determinatum agens. consequentia patet, quia forma vini est forma substantialis. ergo immediate post formam aceti materia potest assumere formam vini per determinatum agens, sicut et alias formas.

OPPOSITUM vult Aristoteles in prædicta littera, quia dicit, quod quæcunque transmutantur adinvicem ad materiam oportet redire, ut si ex mortuo animal et ex aceto vinum. unde et Aristoteles dicit, quod vinum non est materia aceti, et exponit Commentator. quia si vinum esset materia aceti, tunc sicut ex vino immediate fieret acetum sic ex aceto immediate fieret vinum.

AD intellectum quæstionis notandum quod forma diversimode habet se ad materiam, quia aliquando forma habet se sic ad materiam quod potest introduci per solam præsentiam agentis absque transmutatione: sicut medium tenebrosus habet se ad lumen. quia ad solam præsentiam solis medium illuminatur, et hoc est ideo, quia materia est summe disposita ad illam formam, quia non stat sub contraria dispositione, quandoque habet se ad contrarium, ita in materia non est in tali dispositione sed sub dispositione contraria formæ introducendæ. Et aliquando forma illa potest introduci immediate, et per unam transmutationem in materiam, sicut se habet materia aeris ad formam ignis unde in talibus potest esse generatio conversiva immediate, et hoc, quia illa forma non præsupponit alias formas subordinatas. Quandoque autem non per unam transmutationem, sed per plures formas introducitur in materiam, ita quod materia unica transmutatione non potest transmutari ad formam, sed per plura media fit transitus. quia illa forma præsupponit alias formas in materia præcedere ordinatum, et ipsum transmutans et movens non potest unica transmutatione sufficienter disponere media, et hoc patet in generatione animalis perfecti, quia animal perfectum generatur ex sibi simili in specie, et hoc non immediate, sed mediante semine, virtus autem in semine non potest unica transmutatione transmutare menstruum ad formam animalis, immo primo convertit menstruum in sanguinem et deinde sanguinem in embrionem. unde in talibus est determinatus modus naturæ operandi, tamen in esse producta possunt corrumpi unica transmutatione. Ad quæstionem dicendum quod ex aceto non fit immediate vinum, nec ex mortuo vivum ratio est. Illa forma non potest induci in materiam unica transmutatione quæ præsupponit in materia præcedere plures formas successive, quia plures formæ non possunt induci in materiam ordinatim et successive per determinatum agens unica transmutatione, sed sic habet forma vini ad materiam aceti, et forma vivi ad materiam mortui, quia si ex mortuo debeat fieri vivum, oportet quod materia animalis mortui primum sit sub forma alimenti, deinde sub forma menstrui, et deinde sub forma sanguinis, et sic de aliis. Et ideo plura media requiruntur ad hoc quod ex aceto fiat vinum, sed unum solum agens sufficit ad transmutandum vinum in acetum. unde in illis quæ producuntur per determinatum ordinem et per plura media ex privatione non potest fieri habitus absque resolutione in materiam primam, sicut potest fieri e converso, tamen in quibus privatio habet immediatum ordinem ad subiectum formæ, sicut et e converso, in talibus ex privatione

potest fieri regressus ad habitum, quia ex tenebroso fit lucidum, et ex iniusto iustum, quia lumen et tenebræ habent immediatum ordinem ad proprium subiectum.

AD rationes. Si ex aceto etc. Dicendum quod hoc est ex parte formæ et habitus, quia requirunt determinatum ordinem procedendi, quia forma vini requirit plures formas, ordinatim succedere sibi in materia aceti, ut visum est. Ad aliam patet similiter quia ubi non est ordo formarum in materia, agens determinatum potest inducere formam in materiam unica transmutatione. Et hæc de quæstione.

Quaestio IX. Utrum ex materia et forma fiat unum per se.

De dubitatione vero dicta etc.

QVÆRITVR circa ultimum capitulum. utrum ex materia et forma fiat unum per se. Arguitur primo quod non. Ex illis quæ maxime sunt opposita non fit unum, quia illa quæ maxime sunt opposita non compatiuntur se simul, sed materia et forma maxime sunt opposita, quia materia est potentia et forma est actus. modo actus et potentia valde sunt opposita, ut vult Aristoteles primo de anima, et dicit Commentator ibidem, quia sunt maxime opposita. Item. magis videretur quod ex duabus formis eiusdem speciei fieret unum per se quam ex duabus portionibus materiæ et ex materia et forma, sed ex duabus portionibus materiæ non fit unum per se, nec ex duabus formis eiusdem speciei ergo etc. maior est nota, quia maior diversitas est inter materiam et formam quam inter duas portiones materiæ vel duas formas eiusdem speciei. minor patet, quia ex duabus portionibus materiæ non fit unum per se, nec ex duabus formis eiusdem speciei, et hoc concessum est apud omnes, quare etc.

Item ex illis quæ important diversas naturas non potest fieri unum per se, quia diversæ naturæ non faciunt unum per se sed materia et forma sunt huiusmodi, quia alia est natura materiæ et alia forma, ut patet primo physicorum.

...activam, ergo simul. Item in gravi est simul potentia activa et passiva, quia grave movetur per se et a principio intrinseco deorsum alioquin moveretur violenter, et ita habet in se potentiam passivam inquantum movetur, et habet potentiam activam inquantum movet, sed grave est unum subiectum, quia grave ut lapis est una res et unum suppositum ergo potentia activa et passiva simul sunt in uno subiecto.

Item amans movetur ab amabili et intelligens ab intelligibili hæc est manifesta, sed idem potest se amare et intelligere ergo idem habet potentiam activam et passivam ergo simul.

OPPOSITUM vult Aristoteles in prædicta littera, et Commentator.

DICENDUM est ad quaestionem, quod potentia activa et passiva sunt in diversis subiectis, ita quod non sunt simul in eodem subiecto secundum idem et eodem modo. Ratio est quia sicut se habet agens ad passum, sic se habet potentia activa et passiva: per convenientem similitudinem, sed idem non est agens et passum secundum idem simul, et eodem modo, quia ista contradicunt. Item si haberet idem potentiam activam et passivam secundum idem et eodem modo, tunc idem esset in potentia et in actu, sed hoc est falsum, quia actus et potentia sunt valde opposita. et non congregantur in eodem, consequentia patet: quia secundum quod aliquid habet potentiam passivam est in potentia, sed secundum quod habet potentiam activam est in actu. Et dico secundum idem, quia in composito potest simul esse potentia passiva et activa in diversas partes, quia potentia passiva inest ex parte materiæ et potentia activa ex parte formæ. Sicut etiam illud quod movet seipsum dividitur in partem moventem et in partem motam, et movens pars habet potentiam activam, et pars mota habet potentiam passivam. Et dico eodem modo, quia idem potest habere potentiam activam et passivam, non tamen eodem modo, sed diversimode, sicut dicit Commentator 3. et 8. cœli, quod forma lapidis inquantum forma movet, et inquantum autem forma in materia movetur.

AD rationes in oppositum. Ad primam. materia et forma etc. conceditur quod sunt simul subiecto, tamen sunt diversæ partes eiusdem subiecti, et ita potentia activa et passiva possunt esse in eodem subiecto ratione diversarum partium ut visum est. Ad aliam. Conceditur secundum diversas partes vel secundum eandem partem diversimode acceptam sicut visum est de forma lapidis unde volo quod subiectum idem habeat potentiam activam et passivam secundum diversas partes aut visum est. Ad aliam amans movetur etc. Dicendum est quod amor et intellectio non sunt veri motus sed large accipiendo motum ergo non valet aliquid ad propositum. Vel posset dici ad minorem quod licet idem intelligat se, hoc tamen est alio et alio modo, quia intelligens differt ab intellecto quia intelligens est in potentia, sed intellectum est in actu de hoc habet videri de anima: quod intellectus intelligat se informatus speciebus aliorum.

Quaestio X. Utrum potentia activa praecedat actum.

Quoniam autem haec inanimatis etc.

QVÆRITVR circa hanc partem. Utrum una scientia sive potentia sit duorum contrariorum. Et arguitur primo quod sic. sicut se habent privative opposita, sic se habent contrarie opposita per convenientem similitudinem, quia privatio est radix contrarietatis quia semper unum contrariorum habet se ut privatio aliquo modo respectu alterius. ergo sicut se habent privative opposita sic etiam contrarie opposita, sed una ratio et scientia est privative oppositorum quia dicitur primo de anima, immo in erroribus sensus est iudex sui et obliqui et hoc idem vult Aristoteles in 3. de anima.

OPPOSITUM arguitur auctoritate Aristotelis in littera.

AD istam quaestionem respondetur convenienter quod una scientia et potentia formaliter et essentialiter sit contrariorum, et hoc probatur maxime per privative opposita. et per auctoritatem Aristotelis hic Sed in veritate ista opinio non valet cuius ratio est, sicut se habet sensus ad sensibilia, sic intellectus ad intelligibilia per convenientem similitudinem, quia sicut est in sentiendo, ita in intelligendo, cum intellectus praesupponat sensum, sed sensus non iudicat duo contraria, quia visus per aliam speciem apprehendit albedinem, et per aliam nigredinem, et etiam aliud est iudicium utriusque ergo etiam una scientia et potentia formaliter et essentialiter non est contrariorum. Unde aliter dicendum est ad quaestionem. Et dico quod eadem scientia et potentia essentialiter et formaliter non est oppositorum. et causa est quia scientia et habitus distinguitur per obiecta. sicut potentiae distinguuntur per obiecta, unde dicit Aristoteles palam igitur quia actus et actus per obiecta, sic scientiae et potentiae distinguuntur per obiecta Ex hoc arguitur sic ubi sunt diversa obiecta formaliter et essentialiter ibi etiam sunt diversae potentiae et scientiae, et hoc patet ex praesupposito, sed contraria sunt diversa obiecta formaliter et essentialiter, sicut sanitas et egritudo, album et nigrum. ut per se patet ergo etc.

Item sicut se habent actus ad contraria, ita scientia quia sicut se habet sanare et egrotare ad sanitatem et egritudinem sic scientia quia scientia ut medicina est de actu sanandi vel egrotandi, et ista contradicunt. ita intelligas de aliis, sed non est unus actus formaliter et essentialiter contrariorum, quia actus contrariorum sunt diversi, sicut sanitas et egritudo formaliter differunt, sic et actus sanandi et egrotandi, ergo non est una scientia et potentia contrariorum formaliter et essentialiter.

Item. scientia est res repraesentans rem extra vel saltem consequitur ipsam. Ex hoc arguitur ubi non est una species et similitudo repraesentans rem extra, ibi non est una scientia haec est manifesta ex dictis. sed una similitudo et ratio non potest esse contrariorum, quia si esset una ratio et similitudo contrariorum, tunc contraria essent eadem, unde alia est species et similitudo albi et nigri, et similiter intellectio de potentia rationali respectu oppositorum. Secunda dicendum quod una et eadem scientia et potentia est contrariorum subiective. Et causa est: illa sunt unum subiective, quæ simul sunt in eodem subiecto. sed scientia contrariorum sunt simul in intellectu, quia non opponuntur in intellectu, quia illa sunt opposita non compatiuntur se in eodem subiecto. ut album et nigrum non opponuntur in intellectu, sed bene se compatiuntur, immo ista scientia magis perficiuntur per earum simul coexistentiam: quia opposita iuxta se posita magis elucescunt. Et sic patet ad auctoritatem Aristotelis quia est intelligenda quod una scientia est oppositorum subiective, quia sunt in uno subiecto, sed non est intelligendum quod una sit scientia formaliter et essentialiter.

AD rationes patet sicut se habent privative etc. Dicendum quod est simile et dissimile. Est simile in hoc quod unum contrariorum assimilatur privationi, sed est dissimile, quia ambo contraria sunt entia positiva, sed unum oppositorum privative est non ens ergo non oportet quod si privatio cognoscatur per speciem habitus quod etiam contrarium cognoscatur per speciem sui contrarii. Aliter potest dici concedendo maiorem. Ad minorem quod una scientia etc. Conceditur. subiective, tamen formaliter non quia privatio scitur alia scientia quam scientia habitus, sed originale privatio dependet in cognoscendo ab habitu. de hoc habet videri 3. de anima.

Quaestio XI. Utrum differentia possibilis sit bene data.

Sunt autem quidam qui dicunt etc.

QVÆRITVR circa hoc capitulum. Utrum potentia activa præcedat actum. Arguitur quod non. Causa et effectus simul sunt et fiunt. 2. physicorum sed potentia activa est causa actus ergo simul est cum actu ergo etc.

Item. si potentia activa præcederet actum, quæreretur utrum potentia activa sit principium sufficiens principium actus vel non, et hoc patet per sufficientem divisionem, si dicatur quod sit sufficiens principium actus, tunc quare ratione habitus actum posterius et nunc, si autem non est sufficiens principium actus, tunc oportet quod indigeat transmutetur et sic erit potentia passiva quia potentia circa quod cadit transmutatio est passiva, et sic potentia activa erit passiva.

Item, si potentia præcederet actum, tunc ad hoc quod exerceat actum, oportet quod determinetur per aliud ad actum, sed tunc est falsum, quia omne determinans aliud, oportet habere...

...re potentiam activam, tunc quæreretur utrum illa potentia præcedat actum vel non si præcedit actum, nunc erit processus in infinitum si autem non præcedat actum, tunc eadem erit potentia contrariorum, sicut una potentia currendi et non currendi ergo si potentia reducat ad actum, oportet quod totus actus potentiæ ponatur in actu, et sic aliquis simul curret et non curret, quod est contradictio. Item potest esse continuum dividi in infinitum. ex 6. physicorum et 1. cœli modo si actu ponitur divisum sequitur impossibile quod infinitum esset pertransitum.

OPPOSITUM vult Aristoteles in prædicta littera ubi dicit, quod possibile est cuius actus si extiterit nullum sequitur impossibile.

AD quaestionem dicendum quod definitio possibilis est bene data, et accipitur hic ut distinguitur contra necessarium et impossibile. Et causa est. nihil ordinatur ad impossibile quia potentia non ordinatur ad illud quod est impossibile, quia ad impossibile nulla est potentia. aliter potentia esse et potentia non esse esset frustra, sed potentia ordinatur ad actum cum sit in eodem potentia et actus. Item si actus possibilis ponitur in esse, vel hoc est possibile vel est impossibile, per sufficientem divisionem, non potest dici quod sit impossibile quia sic impossibile sequeretur possibile, quod est absurdum. probatio, quia ad quodcumque sequitur impossibile, illud est impossibile. et consequens. modo actus possibilis habet se ut antecedens. et impossibile habet se ut consequens. ergo si possibile ordinatur ad actum qui in esse est impossibile, tunc ad possibile sequitur impossibile, quod est absurdum. Et confirmatur. Quando oppositum consequentis sequitur oppositum antecedentis, tunc prima consequentia erit bona. ex primo posteriorum. modo sic est, quia si est aliquid possibile ad quod sequitur actus, tunc etiam actus est possibilis. si a sequitur b si a est possibile b est possibile modo si actus est impossibilis tunc etiam illud ex quo sequitur est impossibile, quia impossibile non sequitur nisi ex impossibili ergo illud quod est possibile erit impossibile, quod est falsum, ergo prior consequentia fuit vera, quod si aliquid est possibile ad actum quod actus sit possibilis. Item possibile dividitur contra necessarium et contra impossibile. ergo si actus eius inexistet nullum sequitur impossibile, licet aliquando falsum, antecedens patet, quia ita accipitur hic possibile quod non est necessarium, nec impossibile, quia non semper est, sicut necessarium. nec semper non est, sicut impossibile. consequentia patet, quia ex eo quod possibile dividitur contra necessarium distat ab actu, ex eo autem quod dividitur contra impossibile non repugnat sibi actus. ergo de essentia possibilis sunt duo. scilicet distantia ab actu et non repugnantia ad actum. ex eo quod distat ab actu si ponatur in actu sequitur falsum, ex eo quod non repugnat sibi actus, si ponatur in actu non sequitur impossibile. possibile ergo si posito in actu potest sequi falsum, sed nunquam sequitur impossibile ut si dicatur. homo potest sedere ex eo quod non sedet potest distare ab actu, et ideo si ponatur in actu sequitur falsum, quia falsum est ipsum sedere, sed quia sibi non repugnat iste actus qui est sedere ideo hoc posito in esse non sequitur impossibile.

AD rationes. Ad primam possibile est omne corruptibile corrumpi, Conceditur, omne corruptibile per se acceptum potest corrumpi, et etiam hoc posito in actu, nullum sequitur impossibile, sed non est possibile quod omne corruptibile simul corrumpatur, sed corrumpitur successive, quia corrupto uno generatur aliud, et e converso, quia corruptio unius est generatio alterius, et sic materia non stat sine omni forma. Ad aliam. possibile est Sortem currere et non currere simul, Dicendum quod hoc, quod est simul determinat currere, sic est falsum, quia aliquis non habet potentiam currendi et non currendi simul, sed simul determinat habere potentiam sic est verum, quia aliquis possibilis est quod simul habet potentiam currendi et non currendi. Et quod dicitur quod una est potentia contrariorum, de hoc visum est prius, quia est una secundum subiectum, non autem formaliter et essentialiter, unde alia potentia est ad currere et alia ad non currere, et alia est ad sanare et alia ad egrotare, unde potentia sunt diversæ, sicut et actus.

Quaestio XII. Utrum aliquid sit possibile in rerum natura quod nunquam erit.

Est autem possibile esse.

QVÆRITVR utrum differentia possibilis sit bene data. Et arguitur primo quod non. Quia possibile est quod omne corruptibile corrumpatur ut patet 1. cœli, sed hoc posito sequitur impossibile, quia tunc materia remaneret sine omni forma et sic differentia possibilis non erit bene data. quæ est quod possibile est cuius actus si extiterit nullum sequitur impossibile. Item, possibile est Sortem currere et non currere modo ponatur in actu quod simul currat et non currat, tunc sequitur impossibile, quod contradictoria simul verificentur de eodem. Sed forte diceretur quod non est possibile Sortem currere et non currere simul, sed successive, ita quod unum non inheret reliquum non inheret. Hoc non valet, quia una est potentia contrariorum, sicut una potentia currendi et non currendi ergo si potentia reducatur ad actum, oportet quod totus actus potentiæ ponatur in actu, et sic aliquis simul curret et non curret, quod est contradictio. Item potest esse continuum dividi in infinitum. ex 6. physicorum et 1. cœli modo si actu ponitur divisum sequitur impossibile quod infinitum esset pertransitum.

OPPOSITUM vult Aristoteles in prædicta littera ubi dicit, quod possibile est cuius actus si extiterit nullum sequitur impossibile.

AD quaestionem dicendum quod definitio possibilis est bene data, et accipitur hic ut distinguitur contra necessarium et impossibile. Et causa est. nihil ordinatur ad impossibile quia potentia non ordinatur ad illud quod est impossibile, quia ad impossibile nulla est potentia. aliter potentia esse et potentia non esse esset frustra, sed potentia ordinatur ad actum cum sit in eodem potentia et actus. Item si actus possibilis ponitur in esse, vel hoc est possibile vel est impossibile, per sufficientem divisionem, non potest dici quod sit impossibile quia sic impossibile sequeretur possibile, quod est absurdum. probatio, quia ad quodcumque sequitur impossibile, illud est impossibile. et consequens. modo actus possibilis habet se ut antecedens. et impossibile habet se ut consequens. ergo si possibile ordinatur ad actum qui in esse est impossibile, tunc ad possibile sequitur impossibile, quod est absurdum. Et confirmatur. Quando oppositum consequentis sequitur oppositum antecedentis, tunc prima consequentia erit bona. ex primo posteriorum. modo sic est, quia si est aliquid possibile ad quod sequitur actus, tunc etiam actus est possibilis. si a sequitur b si a est possibile b est possibile modo si actus est impossibilis tunc etiam illud ex quo sequitur est impossibile, quia impossibile non sequitur nisi ex impossibili ergo illud quod est possibile erit impossibile, quod est falsum, ergo prior consequentia fuit vera, quod si aliquid est possibile ad actum quod actus sit possibilis. Item possibile dividitur contra necessarium et contra impossibile. ergo si actus eius inexistet nullum sequitur impossibile, licet aliquando falsum, antecedens patet, quia ita accipitur hic possibile quod non est necessarium, nec impossibile, quia non semper est, sicut necessarium. nec semper non est, sicut impossibile. consequentia patet, quia ex eo quod possibile dividitur contra necessarium distat ab actu, ex eo autem quod dividitur contra impossibile non repugnat sibi actus. ergo de essentia possibilis sunt duo. scilicet distantia ab actu et non repugnantia ad actum. ex eo quod distat ab actu si ponatur in actu sequitur falsum, ex eo quod non repugnat sibi actus, si ponatur in actu non sequitur impossibile. possibile ergo si posito in actu potest sequi falsum, sed nunquam sequitur impossibile ut si dicatur. homo potest sedere ex eo quod non sedet potest distare ab actu, et ideo si ponatur in actu sequitur falsum, quia falsum est ipsum sedere, sed quia sibi non repugnat iste actus qui est sedere ideo hoc posito in esse non sequitur impossibile.

AD rationes. Ad primam possibile est omne corruptibile corrumpi, Conceditur, omne corruptibile per se acceptum potest corrumpi, et etiam hoc posito in actu, nullum sequitur impossibile, sed non est possibile quod omne corruptibile simul corrumpatur, sed corrumpitur successive, quia corrupto uno generatur aliud, et e converso, quia corruptio unius est generatio alterius, et sic materia

non stat sine omni forma. Ad aliam. possibile est Sortem currere et non currere simul, Dicendum quod hoc, quod est simul determinat currere, sic est falsum, quia aliquis non habet potentiam currendi et non currendi simul, sed simul determinat habere potentiam sic est verum, quia aliquis possibilis est quod simul habet potentiam currendi et non currendi. Et quod dicitur quod una est potentia contrariorum, de hoc visum est prius, quia est una secundum subiectum, non autem formaliter et essentialiter, unde alia potentia est ad currere et alia ad non currere, et alia est ad sanare et alia ad egrotare, unde potentia sunt diversæ, sicut et actus. Ad aliam...

...omnium est possibile etc. Dicendum quod sicut est possibile, sic posito in actu non sequitur impossibile, quia continuum possibile est dividi in infinitum non secundum actum perfectum, sed secundum imperfectum cuius semper est permixta potentia, quia nunquam dividitur nisi adhuc aliquid remaneat dividendum. unde actus non potest separari a potentia unde continuum est divisibile secundum quodlibet signum quo ad actum imperfectum non quo ad actum perfectum, quia totum sit divisum secundum quodlibet signum, sed secundum quodlibet signum, sed secundum aliquod est divisum, et secundum aliquod remanet dividendum.

Quaestio XIII. Utrum potentia rationalis determinetur ad unum per voluntatem et proheresim.

Si autem est quod dictum est possibile inquantum sequitur etc.

QVÆRITVR circa hanc partem. Utrum aliquid sit possibile in rerum natura quod nunquam erit. Et arguitur quod sic auctoritate Aristotelis in prædicta littera ex diffinitione possibilis data quod non est aliquid possibile, quod tamen nunquam erit, sicut aliqui existimabant ut impossibile esset. Aristoteles dicit hic in littera. Item, si hoc esset, tunc aliquid possibile esset impossibile hoc est falsum de eo, quia possibile et impossibile per se opponuntur consequentiæ patet per Commentatorem 9. huius. ubi dicit. Quod nihil erit possibile, ergo si possibile quod nunquam erit est impossibile. Item, si hoc esset, tunc aliquid haberet potentiam ad generationem quod nunquam generaretur: sed hoc est falsum quia dicit Commentator 9. huius. nihil potentiam habet ad corruptionem quin corrumpatur et nihil habet potentiam ad generationem quin generetur. consequentia patet, quia illa generaliter est possibile quod nunquam generabitur.

OPPOSITUM arguitur. Aliquid est generabile quod nunquam generabitur, ut communiter dicitur auctoritate Aristotelis 2. de generatione quia licet omne corruptibile de necessitate corrumpatur, non tamen omne generabile de necessitate generabitur. ut dicit. Futurum est incedere quis non incedet, et sic possibilis est incessus in aliquo qui nunquam incedet. consequentia patet quia cum aliquid est generabile quod nunquam generabitur et generabile est possibile ergo aliquid erit possibile quod nunquam erit.

NOTANDUM quod aliqui dicunt ad quaestionem secundum intentionem Aristotelis quod nullum sempiternum est corruptibile sive potens non esse, et hoc probat per 1. cœli. Unde ad hoc probandum supponunt duo. Primo quod possibili in esse posito, nullum sequitur inconveniens, licet aliquando sequatur falsum. Et hoc non indiget declaratione. Secundo supponunt quod duo contradictoria non possunt esse simul, nec etiam duo contraria, licet aliquis simul habeat potentiam sedendi et non sedendi componendo ly simul cum habere potentiam et non cum sedere unde hæc est prima dignitas Aristotelis 4. huius non contingit idem simul esse et non esse. His suppositis arguitur sic. Illud est impossibile quod si ponatur corruptum sequitur impossibile ex diffinitione impossibilis. possibile est, quo posito nullum sequitur impossibile. Per oppositum impossibile est quo posito sequitur impossibile, sed si sempiternum ponitur corruptum, tunc sequitur impossibile quod aliquid simul esset et non esset in eodem instanti quia qua parte est sempiternum est semper, et sic in quolibet tempore, Et qua parte est corruptibile, et corruptum est quo tempore non est. et sic simul esset et non esset in eodem tempore unde omnes naturales in hoc conveniunt, quod nullum sempiternum est corruptibile. Tunc dicunt isti duo, quod ista ratio est diminuta de ista conclusione, tunc ex alio latere et eodem vigore concluditur quod nullum semper non ens est possibile. Et per conversionem nullum possibile est semper non ens. Et arguunt sic. Illud est impossibile quo posito sequitur impossibile, ex diffinitione impossibilis sed si semper non ens ponitur possibile, sequitur impossibile. scilicet aliquid simul esse et non esse eo quod est semper non ens in quolibet instanti temporis: habet non esse, sed ex eo quod est possibile tunc aliquando erit et habet esse, quia possibili in esse posito etc. et sic aliquid simul erit, et non erit ergo relinquitur quod nullum semper non ens est possibile, et convertatur quod nullum possibile est semper non ens, et sic omne possibile aliquando erit. Alio modo formatur ista ratio, et redit in idem. Si aliquid est possibile in futuro quod nunquam erit, tunc idem simul potest esse et non esse, componendo ly simul cum esse, sed hoc est impossibile ex secunda suppositione, consequentia patet, quia posito quod est possibile, similiter potest non esse? quia ponitur nunquam esse. Et confirmatur. si est aliquid possibile in futuro in aliquo instanti, significetur illud instans in quo possibile est esse et non esse in quo instanti. A. modo illud possibile sit b. et b. potest esse in a. et etiam non esse in a. quia nunquam erit. et sic potest simul esse et non esse, et per consequens simul

erit et non erit in a. Item, semper ens et semper non ens sunt opposita etiam similiter necessarium et impossibile. ex 1. cœli et 2. peri hermenias. Et hoc sic arguitur. Omne semper ens est necessarium, ergo semper non ens est impossibile antecedens ex 1. cœli. consequentia patet sicut propositum in proposito, sic oppositum in opposito etc. et tenet in præteritis pro se et eodem genere oppositionis. Item, si aliquid est possibile quod nunquam erit tunc aliquid est semper non ens. et non semper non ens sed hoc est impossibile quia ista sunt opposita consequentia patet, quia possibile ponitur non semper non ens. et quod nunquam erit est semper non ens. Et istæ priores duæ rationes sunt fundamenta Aristotelis propinquius, sed istæ ultimæ sunt fundamenta Aristotelis.

NOTANDUM quod isti movent dubia contra istam positionem. Si non est aliquid possibile quin erit, tunc omnia futura de necessitate evenient, hoc est falsum. 2. perihermenias. quia tunc non oporteret consiliari et negociari. consequentia patet quia postquam omne possibile ex necessitate erit, tunc omne futurum ex necessitate eveniret. unde et Commentator dicit 2. physicorum dicens omnia evenire de necessitate est vanus. et in physica contradiceretur ei. Item, hæc positio contradicit libertati arbitrii. Liberum arbitrium sit, hoc est falsum. et contra omnes leges. consequentia patet quia liberum est possibile eligere, et nihil eligit hoc. si ergo non esset aliquid possibile quod nunquam erit tunc non habet potentiam eligendi quod nunquam eligit. Item, si omne possibile aliquando erit, tunc nihil erit contingens ad utrumlibet sed hoc est falsum. 1. priorum. consequentia patet, quia de ratione contingentis est possibile esse et tamen nunquam sit si tamen nihil est possibile nisi aliquando erit, tunc non erit contingens ad utrumlibet. Item, si omne possibile ex necessitate aliquando erit tunc nullus esset homo vituperabilis propter vitia nec laudandus propter virtuosas: hoc est falsum. consequentia patet, quia propter ea quæ de necessitate fiunt, aliquis nec laudatur, nec vituperatur. Et confirmatur dicit Aristoteles 3. ethicorum his quæ insunt a natura non debet aliquis increpari, quia turpem a natura nullus increpat sicut cæco nato, sed miseretur eis, sed si aliquis transgreditur legem habet impossibile tiam facere secundum legem, quia non potest aliud. unde si haberet potentiam facere secundum legem, tunc necessario adimpleret legem et sic non vituperarentur ex transgressione legis, similiter non laudaretur ex observatione et impletione. Item, tunc non esset punitio malorum actuum, sed hoc est contra omnes leges, consequentia patet. quia punitio est ad hoc quod non operetur simile malum quod operari fuerunt, et quod possunt facere. consequentia tenet quia de necessitate vel facient et sic non debent puniri, vel de necessitate non facient, et sic iterum non debet puniri. Item, possibile est quod aliquis moriatur antequam cogitet aliquid cogitabile, ut quod triangulus habeat tres angulos æquales duobus rectis et nunquam cogitabit tale cogitabile. Tunc quæritur utrum post hanc potentiam cogitandi, immo utrum prius habuit potentiam cogitandi illud cogitabile vel non. Si dicat quod sic. scilicet quod habeat potentiam cogitandi illud, tunc non omne possibile erit ex necessitate. Si dicatur quod non habuerit potentiam cogitandi illud hoc est falsum quia potentia cogitativa sequitur humanam formam per se et accidentis, quæ consequuntur speciem aliam quam per se etiam consequuntur individua eiusdem speciei ut patet per Commentatorem 2. cœli, et per Aristotelem. Item, si hoc tunc nullum animal esset cæcum a nativitate, nec surdum, hoc est falsum, consequentia patet quia si cæcus est a nativitate, tunc nunquam videbit ergo non habet potentiam ad videndum, quia omne potens necessario erit de necessitate in quod non uidet. tamen aptum natum uidere. Item, si omne possibile aliquando ex necessitate erit, tunc nihil erit frustra hoc est falsum. 2. physicorum consequentia patet, quia frustra est quod aptum natum est aliquid ingerere, nec tamen assequitur. et sic si omne possibile ex necessitate erit, tunc nihil erit frustra quodlibet enim attingit finem suum. Item, dicit Commentator 9. cœli quod licet potentia ad corruptionem non possit esse infinita, tamen potentia ad generationem secundum accidens est infinita ut remota potentia. si tunc omne possibile aliquando ex necessitate erit, tunc potentia non est infinita ad generationem.

AD ista dubia respondetur secundum intentionem Aristotelis. Ad primam. Si omne possibile etc. Dicendum quod duplex est necessitas, continua et intercisa. Continua necessitas est qua aliquid habet esse in quolibet tempore: et quolibet instanti temporis, ut homo in speciebus habet necessitatem continuam quia secundum propriam in omni tempore habet esse. Sed necessitas discontinua est

duplex. quædam est necessitas discontinua determinata quo ad naturam et quo ad nos. Sed alia est necessitas indeterminata quo ad nos et determinata naturæ, necessitas intercisa determinata naturæ et nobis est in extremis partibus temporis sed in medio tempore non est eiusdem naturæ mediæ mensura medii temporis tunc dubium est determinare scitum. et quo ad nos, et quo ad naturam ut eclipsis solis vel lunæ est necessaria necessitate discontinua, determinata tamen naturæ et nobis unde aliquando est, et aliquando non est. ut in medio tempore inter duo tempora extrema in quibus est et est determinata naturæ quia tempus in quo est notum natura litteræ etiam est notum quo ad nos secundum philosophiam quanto tempore non erit, et in quo tempore erit. Sed necessitas intercisa et indeterminata nobis, determinata tamen naturæ est, et certa naturaliter quanto tempore non erit, et in quo tempore erit, sed nobis est incertum ut quando aliquis fodiens inveniatur thesaurum non est necessarium necessitate continua et determinata quo ad nos quia non est certum nobis in quo tempore incipiat hoc, et hoc propter varietatem et indeterminationem causarum. unde nullus est expertus determinatum instans illius.

EX hoc dicendum est ad primum dubium, quod secundum intentionem Aristotelis omnia non eveniunt de necessitate continua, necessitate intercisa determinata quo ad nos tamen omnia eveniunt de necessitate aliqua, quæ ex parte causalitatis contradictoria sunt determinata quo ad naturam et quo ad nos, vel quo ad naturam determinata sed quo ad nos indeterminata, quia aliter sequeretur impossibile ut te sedere et non sedere. Et tu dicis, quod non oportet consiliari. Dicendum quod verum est, si omnia evenirent necessitate continua vel ex necessitate intercisa determinata quo ad nos, et ad naturam. sed tamen si non omnia eveniunt ex necessitate, unde de illis quæ eveniunt ex necessitate discontinua determinata quo ad nos, non consiliamur nec negociamur, quia fiunt secundum naturam, de eclipsi solis quia siue consiliemur siue non, tamen semper evenient, sed bene consiliamur quo ad ministeria propter determinationem ipsius, calculamus et operamur inquisitione determinatum tempus in quo fiunt. Item, videtur quod ista ratio petat contrarium, quia si omnia eveniunt de necessitate, oportet consiliari, quia consiliari est de numero possibilium. ergo de necessitate oportet consiliari. Contra hoc arguitur Postquam aliquod agibile de necessitate erit ad quid consiliamur, ut quod sit frustra cum illud non possit non evenire, quia illud consilium quod ordinatur ad aliquod futurum esse, quod tamen non potest non esse, sicut sol existens in oriente de necessitate erit in occidente secundum cursum physicæ, et hoc per motum localem, quia non devenitur ad occidentem nisi per motum localem, et tamen motus localis non est frustra, quia ordinatur ad hoc quod sol erit in occidente, licet tamen impossibile sit solem non esse in futuro ibi. Similiter consilium ordinatur ad agere aliquod futurum esse et non est frustra per hoc quod non possit non agere. Ad aliud quod periret liberum arbitrium, negatur, quia libertas arbitrii non est ad hoc quod aliquis possit eligere aliud, et non eligere, quia contradictoria essent simul, sed sufficit ad libertatem arbitrii quod aliquis eligat finem et gratia sui. dicitur quod non habet potentiam non eligere, quia liberum est illud quod est gratia sui, ut dicitur 1. huius. Et non dicitur liberum aliquod propter velle aliquid, quod etiam possit non velle, sed tamen dicitur liberum, quia vult aliquod in rationem et gratia sui. Et dicitur secundum Aristotelem libere mouere qui est primus movens, quia eligit et vult mouere gratia sui, et non potest non mouere quia non potest non mouere secundum Aristotelem. sicut lumen illuminat de necessitate præsentem illuminabili. et non potest non illuminare præsentem corpore, quod debet illuminari unde etiam dixit quidam legista. quod potentiæ peccandi addita voluntati non auget libertatem, sed minuit. unde licet voluntas sit ad aliquod agendum bonum quia non potest non agere adhuc est libera, quia si esset potens ad non agendum, tunc non auget libertatem: sed minueret. Ad aliud. Si omne possibile etc. consequentia negatur. Dicis, ratione contingentis etc. negatur. unde de contingens ad utrumlibet sufficit quod aliquod indiuiduum sit in uno tempore sub esse, et in alio tempore sub non esse, vel quod unum indiuiduum sit sub uno esse et aliud indiuiduum sub non esse, sed non requiritur ad contingens ad utrumlibet quod possit sedere. et tamen nunc sedeatur, sed sufficit quod in uno tempore sedeatur, et in alio non successiue, quia aliter esset implicatio. Ad aliud. Si omne possibile etc. consequentia negatur quia licet hoc de necessitate agatur tamen adhuc aliquis actus est laudandus quandoque agit secundum

rectam rationem, quia ratio semper deprecatur ad oppositum pati. Dicis ex his quæ necessario etc. Dicendum quod duplex est necessitas violentiae, quæ fit impetu extrinseco, ut si fortis homo teneret per vim aliam manum hæc est necessitas violentiae, et quæ sic ex necessitate violentiae insunt nullum reddunt laudabilem nec vituperabilem. Alia est necessitas inevitabilitatis propter impossibilitatem contradictoriorum quæ insunt ex necessitate illa non sunt laudanda vel vituperanda. modo sic ex hoc quod aliquis agit secundum institutionem legum vel eligit transgredi legem, hoc est ex necessitate non violentia sed inevitabilitatis propter impossibilitatem contradictoriorum ut si aliquis bene agit vel male, hoc est ex tali necessitate. ergo laudari vel vituperari debet unde ira eligit agere bonum quia agit bonum et non potest non eligere, ut in solus Deus, et primatus illo quod non potest implere. Ad aliam probationem. Aliquis non debet laudari ex his quæ insunt a natura. Dicendum quod illorum quæ insunt ex natura: quædam insunt ex natura animæ, et quædam ex natura corporis, modo ex his quæ insunt animæ, aliquis debet laudari vel vituperari, unde homo bene nativitatis qui facit bona, et non potest facere mala laudandus est. Similiter homo male nativitatis qui facit male, quod non potest bene facere vituperandus est. unde etiam Porphyrius dixit species Priami digna esse imperio i attestatur bonam inclinationem ad faciendum bona, et non potest facere mala, sed illa quæ insunt ex parte corporis, neque sunt laudanda neque vituperanda, ut si aliquis esset cæcus a nativitate vel monstruosus non est vituperandus. Aliter potest dici quod illa quæ insunt ex natura possunt se habere dupliciter. Uno modo ex quibus non sequitur malum alijs. sicut naturalia inexistencia: nec debent laudari, nec vituperari, ut si te esse in corpore. ex hoc non sequitur malum alijs. Alia sunt naturalia inexistencia.

...ex quibus sequitur malum alijs, ut qui non operatur secundum leges et non adorat Deum. sequitur malum alijs. ex his aliquis est increpandus. Et sunt etiam naturalia inexistencia ex quibus sequitur bonum. ex his est laudandus licet non sint ista a natura individuali tamen ex his legislatores ordinauerunt punitiones vel laudem. ex quibus sequitur bonum vel malum alijs. Ad aliud dubium, Si hoc esset, tunc consequentia negatur: quia mali debent puniri quia operantur malum quod non possunt non facere. Et tu dicis, hoc est ex necessitate. Dicendum quod si est ex necessitate quæ est propter impossibilitatem contradictoriorum et si redundat in malum aliquorum, tunc debet puniri. Sed aliquis faciens malum necessitate violentiæ non debet puniri. Et tu dicis aliquis inspiciens punitionem alicuius, vel non potest non facere, vel non potest facere. Dicendum quod non potest facere quod non facit. Tu dicis, punitio est futura. Dicendum quod non quia punitio non ordinatur ad hoc quod aliquis non potest non facere malum, sed ordinatur ad hoc quod non faciat malum sicut sol in occidente potest esse in oriente per motum localem, et tamen propter hoc motus localis non est frustra: quia motus localis non ordinatur ad hoc quod sol nunc sit in oriente, sed ad hoc quod ibi sit punitio ordinatur ad hoc quod non potest facere malum, et non ad hoc quod non potest non facere malum. Ad aliud dubium, quod potest etc. aliquis moriatur etc. conceditur. Et tu dicis, potentia cogitandi etc. immo dicis, quod habeo potentiam cogitandi illud. Dicendum quod non habeo potentiam cogitandi illud. Et tu dicis, potentia cogitandi illud etc. conceditur potentia cogitabilium quæ cogitabuntur, sed potentia cogitandi alia quæ non cogitabuntur non consequitur formam, unde individuum tantum habet potentiam cogitandi de cogitatis et quæ cogitabuntur, sed de alijs quæ nunquam cogitabuntur ab eo non habet potentiam cogitandi, sicut tu habes potentiam videndi visibilia non omnia, sed tantum quæ videbuntur, et sic de alijs. Ad aliud dubium, Si hoc esset, consequentia negatur. Ad probationem, postquam cæcus etc. vero. Et tu dicis, cæcus habet potentiam etc. Dicendum quod non oportet cæcum habere simpliciter potentiam videndi, sed bene habet non repugnantiam, quia non repugnat sibi videre, unde cæcus est qui non videt, non tamen habet potentiam ad videre, sed non repugnantiam, unde non repugnat ei est in plus quam potentia, quia omne potens est non repugnans sed non e converso. Ad aliud dubium Si hæc est etc. consequentia negatur, quia frustra est, cui non repugnat attingere finem quem non includit, sed non oportet quod possit includere finem, sed sufficit quod ei non repugnet.

AD auctoritatem Commentatoris potentia ad generationem est danda est autoritas per auctoritatem, quia dicit 9. huius quod nihil habet potentiam ad generationem quin generetur. similiter nihil est possibile quin erit. Dicendum ergo ad auctoritatem quod potentia ad generationem est

infinita. Commentator intelligit a parte ante, quia ad generationem eius inest infinita potentia in præterito, sed non intelligitur a parte post, quia hoc differt a corruptione, quia potentia a parte ante non est infinita ad corruptionem, quia corruptibile supponit ens ergo si corruptibile a parte ante haberet potentiam infinitam ad corruptionem, tunc esset ens sempiternum a parte ante, quod est falsum, 1. cœli, quia individuum actu infinitum non procedit in corruptione nisi a parte post ut patet. Et isti addunt quod sic dicitur ad quæstionem secundum intentionem Aristotelis et Commentatoris. Sed postea subiungunt quod est dicendum aliter ad quæstionem secundum fidem et veritatem quod aliquid est possibile quod nunquam erit, et aliquid generabile quod nunquam generabitur, et hoc est credendum firmiter et simpliciter ex intentione fidei sanctæ, et hoc sanctæ scripturæ doctoribus reverenter assentiendo. Et si dubitetur debere teneri sine demonstratione, quia est super naturam. Et ex hoc quod credimus simpliciter et verum ex potentia divina gloriosa habemus meritum, unde possibile est aliquem posse eligere, et tamen nunquam eligit, et posse velle quod nunquam vult.

AD rationes in oppositum. Illud est impossibile ex quo sequitur etc. conceditur. Tu dicis. Si aliquid est possibile, quod nunquam erit, tunc aliquid contingit simul esse et non esse. Dicunt, hoc verum est in cursu naturali, sed ratione hoc non sequitur inquantum dependet ex potentia divina, quia illud quod est possibile esse in futuro vel generari Deus potest illam possibilitatem quo ad illud est relative, ita quod nunquam erit. Et tu dicis ergo contingit simul esse et non esse. Dicendum quod si contingit simul esse et non esse non tamen quodlibet educatur ad actum. sed inquantum prius fuit possibile in futuro ad aliquid instans, tunc contingebat esse. sed inquantum in illo tempore et instanti non est productum ad actum, tunc non est impossibile est postea fieri, licet ante illud instans fuisset possibile esse et non esse, tamen post positionem unius cessat possibilitas simul essendi et non essendi. Et sic dicis possibili in esse posito nullum sequitur impossibile, conceditur inquantum est de se. et per quantum non impeditur per suum oppositum. Et hoc iam est positum. quia dictum est quod in illo instanti in quo possibile fuit esse non est, et sic in illo instanti non potest plus esse, quia sublata potentia per positionem sui oppositi. Sed aliqui dicunt quod illud non est prima dignitas. non contingit simul idem esse et non esse. Sed idem non simul est et non est. De hac quæstione inquiras quia si vis aliam opinionem tenere, quod aliquid est possibile quod nunquam erit, accipias rationes probe, quæ fuerat adductæ contra primam positionem, et hoc est.

Quaestio XIV. Utrum materia prima vel illa magis quæ transmutatur ad formam multis transmutationibus sit in potentia ad formam.

Omnibus autem potentiis etc.

QVÆRITVR circa hoc capitulum, quia Aristoteles addit. necesse ergo alterum ad hoc esse quod proprium est dico autem hoc appetitum. Utrum potentia rationalis quæ est ad opposita determinetur ad unum per voluntatem et proheresim. Et arguitur quod non. quod est indifferens ad multa non determinatur per aliquod passum æque indifferens ad multa hæc est manifesta quia potentia passiva quæ est indifferens ad multa non habet determinare illud quod est æque indifferens, sed voluntas est virtus passiva, et est æque indifferens ad multa ut de se patet ergo non determinat potentiam rationalem.

Item, illud non habet determinare potentiam intentionalem per quod sumus domini nostrorum actuum quia per illud per quod sumus domini nostrorum actuum, nihil determinatur, cum sit liberum et indifferens, sed per voluntatem nos sumus domini nostrorum actuum ergo per voluntatem nihil determinatur nec potentia rationalis.

Item movens debet esse nobilius moto ut patet 3. de anima. sed intellectus est nobilior voluntate: cum sit cognoscitiva potentia, ergo voluntas non potest movere et determinare potentiam rationalem. Item idem non potest determinare seipsum, ut de se patet, sed voluntas est eadem potentia cum intellectu aut multa tenent.

OPPOSITUM vult Aristoteles in prædicta littera, quod dicit quod potentia rationalis quæ potest opposita determinatur ad unum per voluntatem et proheresim et electionem.

NOTANDUM ad propositum, quod non differt quando quæritur utrum potentia rationalis determinetur per voluntatem: et utrum potentia rationalis una sit oppositorum subjective, vel formaliter, unde hoc non diversificat propositum.

AD quætionem dicendum, quod potentia rationalis quæ est ad opposita determinatur ad unum per voluntatem et electionem. Illud quod immediate habet determinare potentiam rationalem, quæ indifferens est ad multa, et ad unum habet determinare eam, quia quod immediate inclinatur ad unum quod indifferens est ad multa, hoc determinat ipsum, sed voluntas est huiusmodi, quia voluntas est in intellectu qui potest.

...opposita inclinatur immediate ad unum, quia voluntas est inclinatio, nec fertur apprehensam per intellectum, unde intellectus non intelligit nisi volitum, unde non determinatur immo nisi determinaretur per voluntatem non intelligeret plus unum quam aliud. Item, a causa indeterminata non procedit determinatus effectus nisi per aliquod determinans. quia causa vaga et indeterminata non producit determinatum effectum nisi determinetur per causam propinquam et determinatam. et hoc patet inductive in omnibus, quia sol, idest causa universalis respectu inferiorum et indeterminata, ergo non producit hominem vel equum nisi determinetur per aliquod eiusdem speciei. Ad hanc intentionem dixit Aristoteles 2. physicorum quod homo generat hominem et sol, sed potentia rationalis est indeterminata ad multos actus oppositos quia una potentia rationalis est oppositorum. Et idem dicit 2. peri hermenias. ergo non producit determinatum effectum nisi determinetur per aliud. Et non est determinans aliud intellectum quod proheresis et voluntas, et multis præsuppositis intellectus indifferenter habet se ad ista nisi determinatur per aliud nisi per voluntatem inclinantem et electionem eligentem unde electio et voluntas non differunt substantialiter nisi per respectum ad diversos actus, quia eadem est virtus volitiva et electiva, sed ut volitiva incipit inclinatur, et vult sed ut electiva incipit cum eligit. Et etiam Aristoteles 3. ethicorum dicit quod voluntas est finis et optimi sed electio est ordinatorum in finem. Unde notandum quod electio habet se ad voluntatem sicut ratio ad intellectum unde intellectus et ratio una est virtus substantialiter sed differunt quia intellectus est principiorum,

sed ratio est principiorum in ordine ad conclusiones, quia ratio est virtus discursiva unde sic etiam habet se voluntas et electio, quia voluntas est virtus quæ vult aliquid absolute, ut finem, et hoc sine discursu, unde voluntas potest velle aliquid cognitum per intellectum absque ratiocinatione sed electio præsupponit discursum et ratiocinativum, cum ipsa sit ordinatorium. de isto plus habet videri 3. de anima et 3. ethicorum. Ulterius notandum quod voluntas non fertur in aliquid nisi cognitum, unde intellectus apprehendit aliquid, et postea ratiocinat ad utramque partem, utrum sit bonum et honestum. Et tunc illo bono præsentato intellectui voluntas inclinatur et vult. Et tunc determinatur intellectum ad hoc intelligibile intelligendum et prosequendum, et sic cognitio intellectus præcedit actum voluntatis uno modo et alio modo sequitur ut visum est. Et hoc non est inconveniens. Verum autem voluntas sit eadem virtus cum intellectu substantialiter et formaliter, de hoc sunt controversiæ, et utrum aliquo bono præsentato intellectui voluntas possit non velle, et sunt opiniones et habet locum 3. ethicorum.

AD rationes. Ad primam quod est indifferens etc. conceditur. Dicis quod voluntas sit virtus passiva et indifferens etc. Dicendum quod voluntas potest dupliciter considerari uno modo in se et absolute, et sic est indifferens ad multa, et sic non potest determinare potentiam rationalem. Alio modo potest considerari in quantum movetur a proprio objecto. et sic est determinata ad unum: et est in actu, et sic habet movere et determinare potentiam rationalem. Ad aliam. Illud non habet determinare etc. conceditur. Et tu dicis quod per voluntatem etc. Aliqui dicunt ad hoc quod nos non sumus domini nostrorum actuum per voluntatem quia voluntas habet determinatum objectum sed sumus domini per electionem unde eligimus ea quæ sunt ad finem ordinata, et non ordinata ad finem. Aliter posset dici, quod sumus domini nostrorum actuum per voluntatem capiendo absolute in quantum non movemur a volubili, et sic non determinatur potentiam rationalem, sed capiendo voluntatem in quantum præsentatur ei bonum iudicatum per intellectum sic nos sumus domini actuum nostrorum isto dico quod possumus velle et non velle hoc bonum, sed si sic determinatur voluntas ad unum quia ostensato bono voluntati multi dicunt quod voluntas non potest non velle illud bonum, et sic habet determinare potentiam rationalem. de hoc igitur videndum est diligenter quid sit melius dictum. Ad aliam. ad motum debet esse etc. conceditur. si est principale movens et directivum principale, sed subordinatum potentiæ rationali, sicut se habet phantasma ad intellectum et actus subordinatus ad principale, sicut ars frenifactiva se habet ad militarem. Aliter posset dici quod movens in quantum huiusmodi. et directio est nobilior moto et directo, sed alio modo motum et directum possunt esse nobiliora nobilitate et dignitate. Tu dicis, quod voluntas etc. Dicendum quod voluntas in quantum movet et dirigit est nobilior intellectu sed alio modo intellectus est nobilior voluntate in quantum intellectus cognoscit, et est virtus cognoscitiva sed voluntas non cognoscit sed est virtus cæca. Aliter alii dicunt tenentes quod voluntas non sit virtus discreta ab intellectu, unde una est virtus. sed differunt per actus istos, quia intellectus dicitur ab intelligendo, voluntas a volendo. Ad aliam. Idem non potest etc. conceditur eodem modo se habens sed secundum diversa esse bene potest. Tu dicis. quod voluntas et intellectus sunt una virtus: aliter negatur ergo ratio non concludit, sed tenentes quod sit una virtus, debent tamen distinguere secundum diversos actus ut visum est ergo potest esse quod voluntas sit determinet intellectum non absolute quod sit una virtus formaliter et substantialiter. et hoc est intentio.

Quæstio XV. Utrum deceptio contingat circa quod quid est et circa substantias abstractas et simplices.

Quoniam autem potentia est unumquodque etc.

QVÆRITVR circa hoc capitulum. utrum materia prima, vel illa magis quæ transmutatur ad formam multis transmutationibus sit in potentia ad formam. Arguitur quod sic. quia magis propinqua est in potentia ad formam ergo est magis prima in potentia ad formam, vel etiam illa magis quæ transmutatur ad formam pluribus transmutationibus. antecedens patet de se. et ex littera consequentia probatur. quia magis videtur quod magis propinqua est in potentia ad formam, quia magis prima habet se ut subiectum primum respectu potentiæ, et magis propinqua habet se ut subiectum secundum. modo illud quod debetur primo et secundo magis debet primo quam secundo. ut patet 2. huius. Et per hoc. Item, illud est in potentia cuius accidens est essenziale et proprium est potentia ad formam, quia proprium accidens essenziale est de subiecto sicut homo est risibilis, quia risibile est proprium accidens hominis, sic etiam cuius accidens proprium est potentia ad formam, illud est in potentia, sed potentia ad formam est essenziale et proprium accidens materiæ primæ quia dicit Commentator in de substantia orbis. quod substantiatur per posse, et sic vult quod potentia ad formam sit proprium accidens materiæ primæ ergo est in potentia ad formam.

OPPOSITUM vult philosophus in prædicta littera, quia dicit quod terra est in potentia grave sed non est potentia homo, et intelligit de materia prima, et de aliis materiis quæ pluribus transmutationibus transmutantur ad formam.

DICENDUM est ad quæstionem quod materia prima et similiter quælibet materia quæ pluribus transmutationibus transmutatur ad formam est in potentia ad formam. Et ista conclusio probatur per duas rationes hanc adductas, et posset adhuc probari. Illud quod est indifferens ad omnes formas recipiendas est in potentia, quia nihil habet se indifferenter ad plura recipienda nisi sit in potentia ad ipsa. sed materia prima est in potentia ad omnes formas. et ea recipit. ut patet 7. huius, et 5. physicorum. ergo est in potentia ad eas. Et similiter intellige de materia quæ pluribus transmutationibus transmutatur, sicut si ex terra sit homo quia antequam ex terra fiat homo, oportet quod transmutetur in herbam, postea in sanguinem, et sic de aliis.

Secundo dicendum est, quod non est in potentia propinqua et determinata. Sed causa est. Illud non est in potentia determinata ad formam quia non habet dispositiones proprias formæ quia nihil habet rationem potentiæ determinatæ ad formam carenti dispositionibus propriis formæ, quia per dispositiones formas materiæ appropinquatur et determinatur ad formam. Ita quod per solam transmutationem..

...transmutationem accipit formam, sed secundum primam est huiusmodi et quælibet materia quæ transmutatur ad formam pluribus transmutationibus, quia certum est quod materia prima caret dispositionibus propriis formæ quia non plus se habet ad unam formam quam ad aliam, et sic patet ex dictis corollarie quod materia prima magis habet rationem potentiæ quam propinqua, sed materia propinqua magis habet rationem potentiæ determinatæ quam prima. Primæ rationes probant bene quod materia prima sit in potentia et magis in potentia quam materia propinqua, et hoc est concessum.

Глоссарий ключевых терминов к девятой книге.

- **potentia** — способность, возможность; в схоластике различаются:
 - о **potentia activa** — деятельная способность (способность действовать, производить действие);
 - о **potentia passiva** — страдательная способность (способность претерпевать, воспринимать воздействие);
 - о **potentia** как возможность — в модальном смысле: возможное, противопоставленное необходимому и невозможному.
- **actus** — действие, акт, действительность; то, что осуществлено, противопоставлено возможности.
- **subiectum** — субъект, подлежащее, носитель; в логике — подлежащее суждения; в метафизике — то, чему присущи свойства или в чём находятся способности. В переводе часто передаётся как «субъект» с пояснением «носитель».
- **intellectus** — интеллект, ум, разумная способность; в отличие от **sensus** — чувства, ощущения.
- **obiectum** — объект, предмет; то, на что направлена способность или наука.
- **scientia** — наука, знание; в схоластике — устойчивое знание, *habitus*, приобретённый разумом.
- **habitus** — навык, устойчивое расположение, приобретённое качество; *scientia* может рассматриваться как *habitus*.
- **forma** — форма; начало определённости, деятельности, акта.
- **materia** — материя; начало восприимчивости, страдательности, возможности.
- **privatio** — лишённость; отсутствие того, что должно быть по природе.
- **contraria** — противоположности; качества, максимально удалённые друг от друга в одном роде.
- **possibile** — возможное; то, чьё действие, если оно будет, не влечёт невозможного.
- **necessarium** — необходимое; то, что не может не быть.
- **impossibile** — невозможное; то, что не может быть.
- **contingens ad utrumlibet** — случайное в обоих направлениях; то, что может быть и может не быть.
- **mensura** — мера; то, чем измеряется количество или иное.
- **unum** — единое, единица; начало числа и мера.
- **ly** — схоластический термин, обозначающий слово или выражение как таковое; в переводе — «слово», «выражение», «термин».

Начинается книга девятая

Вопрос I. Находятся ли деятельная и страдательная способности в различных субъектах?

О первом же, следовательно, о сущем и т. д.

Далее исследуется относительно девятой книги [«Метафизики»], поскольку Аристотель говорит: «почему, поскольку они существуют вместе». Итак: находятся ли **деятельная способность** (*potentia activa*) и **страдательная способность** (*potentia passiva*) в различных **субъектах** (*subiecta*) — то есть носителях? И то, что они находятся в одном и том же субъекте, доказывается так: **материя** (*materia*) и **форма** (*forma*) существуют вместе, а материя обладает страдательной способностью, форма — деятельной; следовательно, [они существуют] вместе. Равным образом в тяжёлом [теле] одновременно присутствуют деятельная и страдательная способности, ибо тяжёлое движется само по себе и от внутреннего начала вниз, иначе оно двигалось бы насильственно; и таким образом оно имеет в себе страдательную способность, поскольку движется, и деятельную способность, поскольку движет. Но тяжёлое есть один субъект, ибо тяжёлое, как, например, камень, есть одна вещь и одно сущее; следовательно, деятельная и страдательная способности одновременно находятся в одном субъекте.

Равным образом любящий движется любимым, а мыслящий — мыслимым; это очевидно. Но один и тот же [человек] может любить себя и мыслить себя; следовательно, один и тот же обладает деятельной и страдательной способностью; следовательно, [они существуют] вместе.

Противное утверждает Аристотель в приведённом тексте, а также Комментатор.

Следует сказать в ответ на вопрос, что деятельная и страдательная способности находятся в различных субъектах, так что они не существуют одновременно в одном и том же субъекте в одном и том же отношении и одним и тем же образом. Основание: как относится действующее к претерпевающему, так относится и деятельная способность к страдательной, по подобающему подобию. Но одно и то же не есть одновременно действующее и претерпевающее в одном и том же отношении и одним и тем же образом, ибо это противоречиво. Далее, если бы одно и то же обладало деятельной и страдательной способностью в одном и том же отношении и одним и тем же образом, тогда одно и то же было бы в возможности и в действии; но это ложно, ибо **действие** (*actus*) и **возможность** (*potentia*) весьма противоположны и не соединяются в одном и том же. Следствие очевидно: поскольку нечто обладает страдательной способностью, оно находится в возможности; поскольку же обладает деятельной способностью, оно находится в действии. И я говорю «в одном и том же отношении», потому что в составном [существе] могут одновременно быть страдательная и деятельная способности в различных частях: страдательная способность присуща со стороны материи, а деятельная — со стороны формы. Так и то, что движет себя самого, разделяется на движущую часть и движимую часть; движущая часть обладает деятельной способностью, а движимая — страдательной. И я говорю «одним и тем же образом», потому что одно и то же может обладать деятельной и страдательной способностью, однако не одним и тем же образом, но различным: как говорит Комментатор в третьей и восьмой [книгах] «О небе», что форма камня, поскольку она форма, движет, а поскольку она форма в материи — движется.

К доводам противного. К первому: материя и форма и т. д. — допускается, что они существуют вместе как субъект, однако они суть различные части одного и того же субъекта; и таким образом деятельная и страдательная способности могут быть в одном и том же субъекте в силу различных частей, как было показано. К другому: допускается [это] в отношении различных

частей или в отношении одной и той же части, принимаемой различным образом, как было показано на примере формы камня. Отсюда я утверждаю, что один и тот же субъект обладает деятельной и страдательной способностью в отношении различных частей или же так, как было показано. К другому: любящий движется и т. д. Следует сказать, что любовь и мышление не суть истинные движения, но [называются так] при широком понимании движения; следовательно, это не имеет силы для предложенного. Или можно сказать к меньшей посылке, что хотя один и тот же мыслит себя, однако это происходит иным и иным образом, ибо мыслящий отличается от мыслимого: мыслящий находится в возможности, а мыслимое — в действии. Об этом следует смотреть в [книге] «О душе»: что **интеллект** (*intellectus*) мыслит себя, будучи оформлен видами других [вещей].

Вопрос II. Является ли одна наука, или способность, [наукой] о двух противоположностях?

«Поскольку же это [присуще] неодушевлённым» и т. д.

Исследуется относительно этой части: является ли одна **наука** (*scientia*), или способность, [наукой] о двух **противоположностях** (*contraria*)? И сначала аргументируется, что да: как относятся **лишённости** (*privative opposita*), так относятся и противоположности, по подобающему подобию, ибо **лишённость** (*privatio*) есть корень противоположности, так как всегда одна из противоположностей некоторым образом относится к другой как лишённость. Следовательно, как относятся лишённости, так и противоположности. Но один разум и одна наука [имеются] о лишённостях, как говорится в первой [книге] «О душе»; более того, в ошибках чувства [чувство] есть судья своего и косвенного; и то же хочет Аристотель в третьей [книге] «О душе».

Противное доказывается авторитетом Аристотеля в тексте.

На этот вопрос отвечают обычно так: одна наука и одна способность формально и сущностно [имеются] о противоположностях, и это доказывается главным образом через лишённости и через авторитет Аристотеля здесь. Но в истине это мнение не имеет силы. Его основание таково: как относится **чувство** (*sensus*) к чувственно воспринимаемому, так интеллект относится к мыслимому, по подобающему подобию, ибо как [дело обстоит] в ощущении, так и в мышлении, поскольку интеллект предполагает чувство. Но чувство не судит две противоположности: зрение одним видом воспринимает белое, а другим — чёрное, и также различные суждения о том и о другом. Следовательно, и одна наука и способность формально и сущностно не [имеется] о противоположностях. Поэтому следует сказать иначе. Я утверждаю, что одна и та же наука и способность сущностно и формально не [имеется] о противоположностях. Основание: наука и **навык** (*habitus*) различаются по **объектам** (*obiecta*), как и способности различаются по объектам. Отсюда Аристотель говорит: «Ясно, что действие и действие — по объектам», так и науки и способности различаются по объектам. Отсюда аргументируется так: где есть различные объекты формально и сущностно, там и различные способности и науки; и это ясно из предположенного. Но противоположности суть различные объекты формально и сущностно, как здоровье и болезнь, белое и чёрное, что очевидно само по себе; следовательно, и т. д.

Равным образом, как относятся действия к противоположностям, так и наука; ибо как относятся оздоравливать и болеть к здоровью и болезни, так и наука, поскольку наука, как медицина, есть о действии оздоровления или заболевания, а это противоречиво. Так понимай и о другом. Но нет одного действия формально и сущностно о противоположностях, ибо действия противоположностей различны: как здоровье и болезнь формально различаются, так и действия оздоровления и заболевания; следовательно, нет одной науки и способности о противоположностях формально и сущностно.

Равным образом наука есть вещь, представляющая вещь вне [души], или по крайней мере следует за ней. Отсюда аргументируется: где нет одного вида и подобия, представляющего вещь вне [души], там нет одной науки; это ясно из сказанного. Но одно подобие и один разум не могут быть [разумом] противоположностей, ибо если бы был один разум и одно подобие противоположностей, тогда противоположности были бы одним и тем же. Отсюда иной есть вид и подобие белого и чёрного, и равным образом мышление о способности разумного в отношении противоположностей. Во-вторых, следует сказать, что одна и та же наука и способность есть [наука] о противоположностях субъективно. Основание: тем, что существует вместе в одном и том же субъекте, [вещи] суть одно субъективно. Но науки о противоположностях существуют

вместе в интеллекте, ибо они не противоположны в интеллекте; противоположны же те, которые несовместимы в одном и том же субъекте, как белое и чёрное; они не противоположны в интеллекте, но вполне совместимы, более того, это знание тем более совершенствуется через их совместное существование: ибо противоположности, поставленные рядом, более выявляются. И так ясно к авторитету Аристотеля: следует понимать, что одна наука есть [наука] о противоположностях субъективно, поскольку они находятся в одном субъекте; но не следует понимать, что одна [наука] есть [наука] формально и сущностно.

К доводам ясно: как относятся лишённости и т. д. Следует сказать, что [здесь] есть подобие и различие. Подобие в том, что одна из противоположностей уподобляется лишённости; различие же в том, что обе противоположности суть положительные сущие, а одна из лишённостей есть не-сущее. Следовательно, не необходимо, чтобы если лишённость познаётся через вид навыка, то и противоположность познавалась через вид своей противоположности. Иначе можно сказать, допуская большую посылку. К меньшей: что одна наука и т. д. — допускается субъективно, однако не формально, ибо лишённость познаётся иной наукой, чем наука о навыке, но изначально лишённость зависит в познании от навыка. Об этом следует смотреть в третьей [книге] «О душе».

Вопрос III. Предшествует ли деятельная способность действию?

«Есть же некоторые, которые говорят» и т. д.

Исследуется относительно этой главы: предшествует ли деятельная способность действию? Аргументируется, что нет. Причина и следствие существуют и возникают вместе, [как сказано] во второй [книге] «Физики»; но деятельная способность есть причина действия; следовательно, она существует вместе с действием; следовательно, и т. д.

Равным образом, если бы деятельная способность предшествовала действию, то спрашивалось бы, является ли деятельная способность достаточным началом действия или нет; и это ясно через достаточное разделение. Если сказать, что она есть достаточное начало действия, тогда почему в силу навыка действие [происходит] позже и теперь? Если же она не есть достаточное начало действия, тогда необходимо, чтобы она нуждалась в изменении, и таким образом будет страдательной способностью, ибо способность, в отношении которой происходит изменение, есть страдательная; и таким образом деятельная способность будет страдательной.

Равным образом, если бы способность предшествовала действию, тогда для того, чтобы она осуществила действие, необходимо, чтобы она была определена к действию чем-то иным; но тогда это ложно, ибо всё, что определяет иное, должно обладать деятельной способностью. Тогда спрашивалось бы, предшествует ли та способность действию или нет. Если предшествует действию, то будет бесконечный процесс; если же не предшествует действию, тогда одна и та же способность будет [способностью] о противоположностях, как одна способность бежать и не бежать. Следовательно, если способность приводится к действию, необходимо, чтобы всё действие способности было положено в действии, и таким образом нечто одновременно побежит и не побежит, что есть противоречие. Равным образом, возможно, что континуум делится до бесконечности, [как сказано] в шестой [книге] «Физики» и первой [книге] «О небе». Но если [деление] полагается в действии, следует невозможное: что бесконечное было бы пройдено.

Противное утверждает Аристотель в приведённом тексте, где говорит, что возможно то, чьё действие, если оно будет, не влечёт за собой ничего невозможного.

Следует сказать, что определение возможного дано хорошо, и здесь оно понимается как отличающееся от необходимого и невозможного. Основание: ничто не упорядочивается к невозможному, ибо способность не упорядочивается к тому, что невозможно, так как к невозможному нет способности. Иначе способность быть и способность не быть была бы напрасной. Но способность упорядочивается к действию, поскольку в одном и том же [есть] и способность, и действие. Далее, если действие возможного полагается в бытии, то это либо возможно, либо невозможно, через достаточное разделение. Нельзя сказать, что это невозможно, ибо тогда невозможное следовало бы из возможного, что абсурдно. Доказательство: из чего бы ни следовало невозможное, то невозможно; и следствие. Но действие возможного относится как antecedent, а невозможное — как consequent. Следовательно, если возможное упорядочивается к действию, которое в бытии невозможно, тогда из возможного следует невозможное, что абсурдно. И подтверждается: когда противоположное consequentu следует из противоположного antecedentu, тогда первое следствие будет хорошим, [как сказано] в первой [книге] «Первой аналитики». Но дело обстоит так: если есть нечто возможное, из чего следует действие, тогда и действие возможно. Если а следует из b, то если а возможно, b возможно. Но если действие невозможно, тогда и то, из чего оно следует, невозможно, ибо невозможное не следует ни из чего, кроме невозможного. Следовательно, то, что возможно, будет невозможным, что ложно. Следовательно, первое следствие было истинным: если нечто возможно к действию, то действие возможно. Далее, возможное разделяется против необходимого и против невозмож-

ного. Следовательно, если его действие будет существовать, не следует ничего невозможного, хотя иногда [следует] ложное. Антецедент ясен, ибо здесь возможное понимается так, что оно не есть необходимое и не есть невозможное: оно не всегда есть, как необходимое, и не всегда не есть, как невозможное. Следствие ясно: поскольку возможное разделяется против необходимого, оно отстоит от действия; поскольку же разделяется против невозможного, действие ему не противоречит. Следовательно, к сущности возможного относятся две вещи: отстояние от действия и не-противоречие действию. Поскольку оно отстоит от действия, если оно полагается в действии, следует ложное; поскольку действие ему не противоречит, если оно полагается в действии, не следует невозможное. Следовательно, возможное, будучи положенным в действии, может повлечь ложное, но никогда не влечёт невозможного. Например, если сказать: человек может сидеть; поскольку он не сидит, он может отстоять от действия, и потому если он полагается в действии, следует ложное, ибо ложно, что он сидит; но поскольку ему не противоречит это действие, а именно сидение, то, будучи положенным в бытии, оно не влечёт невозможного.

К доводам. К первому: возможно, что всякое разрушимое разрушается. Допускается: всякое разрушимое, взятое само по себе, может разрушиться, и даже если это полагается в действии, не следует ничего невозможного. Но невозможно, чтобы всякое разрушимое разрушилось одновременно, но оно разрушается последовательно, ибо при разрушении одного возникает другое, и наоборот, поскольку разрушение одного есть возникновение другого; и таким образом материя не остаётся без всякой формы. К другому: возможно, что Сократ бежит и не бежит одновременно. Следует сказать, что [выражение] «одновременно» определяет «бежать» — так это ложно, ибо никто не имеет способности бежать и не бежать одновременно; но «одновременно» определяет «иметь способность» — так это истинно, ибо некто возможен так, что одновременно имеет способность бежать и не бежать. А то, что говорится, будто одна способность [имеется] о противоположностях, об этом было показано ранее: она одна субъективно, но не формально и сущностно. Отсюда иная способность — к бегу, и иная — к не-бегу, и иная — к оздоровлению, и иная — к заболеванию; следовательно, способности различны, как и действия.

Вопрос IV. Хорошо ли дано определение возможного?

«Есть же возможное быть» и т. д.

Исследуется, хорошо ли дано определение возможного. И сначала аргументируется, что нет. Ибо возможно, что всякое разрушимое разрушится, как ясно из первой [книги] «О небе»; но если это положить, следует невозможное, ибо тогда материя осталась бы без всякой формы; и таким образом определение возможного не будет хорошо данным, а именно: возможно то, чьё действие, если оно будет, не влечёт ничего невозможного. Равным образом возможно, что Сократ бежит и не бежит; но положим в действии, что он одновременно бежит и не бежит; тогда следует невозможное, что противоречащие [утверждения] одновременно истинны об одном и том же. Но, возможно, скажут, что невозможно, чтобы Сократ бежал и не бежал одновременно, но последовательно, так что одно не присуще, а другое не присуще. Это не имеет силы, ибо одна способность [имеется] о противоположностях, как одна способность бежать и не бежать. Следовательно, если способность приводится к действию, необходимо, чтобы всё действие способности было положено в действии, и таким образом нечто одновременно побежит и не побежит, что есть противоречие. Равным образом возможно, что континуум делится до бесконечности, [как сказано] в шестой [книге] «Физики» и первой [книге] «О небе». Но если [деление] полагается в действии, следует невозможное: что бесконечное было бы пройдено.

Противное утверждает Аристотель в приведённом тексте, где говорит, что возможно то, чьё действие, если оно будет, не влечёт ничего невозможного.

Следует сказать, что определение возможного дано хорошо, и здесь оно понимается как отличающееся от необходимого и невозможного. Основание: ничто не упорядочивается к невозможному, ибо способность не упорядочивается к тому, что невозможно, так как к невозможному нет способности. Иначе способность быть и способность не быть была бы напрасной. Но способность упорядочивается к действию, поскольку в одном и том же [есть] и способность, и действие. Далее, если действие возможного полагается в бытии, то это либо возможно, либо невозможно, через достаточное разделение. Нельзя сказать, что это невозможно, ибо тогда невозможное следовало бы из возможного, что абсурдно. Доказательство: из чего бы ни следовало невозможное, то невозможно; и следствие. Но действие возможного относится как antecedent, а невозможное — как consequent. Следовательно, если возможное упорядочивается к действию, которое в бытии невозможно, тогда из возможного следует невозможное, что абсурдно. И подтверждается: когда противоположное consequentу следует из противоположного antecedentу, тогда первое следствие будет хорошим, [как сказано] в первой [книге] «Первой аналитики». Но дело обстоит так: если есть нечто возможное, из чего следует действие, тогда и действие возможно. Если а следует из b, то если а возможно, b возможно. Но если действие невозможно, тогда и то, из чего оно следует, невозможно, ибо невозможное не следует ни из чего, кроме невозможного. Следовательно, то, что возможно, будет невозможным, что ложно. Следовательно, первое следствие было истинным: если нечто возможно к действию, то действие возможно. Далее, возможное разделяется против необходимого и против невозможного. Следовательно, если его действие будет существовать, не следует ничего невозможного, хотя иногда [следует] ложное. Antecedent ясен, ибо здесь возможное понимается так, что оно не есть необходимое и не есть невозможное: оно не всегда есть, как необходимое, и не всегда не есть, как невозможное. Следствие ясно: поскольку возможное разделяется против необходимого, оно отстоит от действия; поскольку же разделяется против невозможного, действие ему не противоречит. Следовательно, к сущности возможного относятся две вещи: отстояние от действия и не-противоречие действию. Поскольку оно отстоит от действия, если оно полагается в действии, следует ложное; поскольку действие ему не противоречит, если оно полагается в действии, не следует невозможное. Следовательно, возможное, будучи положенным

в действии, может повлечь ложное, но никогда не влечёт невозможного. Например, если сказать: человек может сидеть; поскольку он не сидит, он может отстоять от действия, и потому если он полагается в действии, следует ложное, ибо ложно, что он сидит; но поскольку ему не противоречит это действие, а именно сидение, то, будучи положенным в бытии, оно не влечёт невозможного.

К доводам. К первому: возможно, что всякое разрушимое разрушается. Допускается: всякое разрушимое, взятое само по себе, может разрушиться, и даже если это полагается в действии, не следует ничего невозможного. Но невозможно, чтобы всякое разрушимое разрушилось одновременно, но оно разрушается последовательно, ибо при разрушении одного возникает другое, и наоборот, поскольку разрушение одного есть возникновение другого; и таким образом материя не остаётся без всякой формы. К другому: возможно, что Сократ бежит и не бежит одновременно. Следует сказать, что [выражение] «одновременно» определяет «бежать» — так это ложно, ибо никто не имеет способности бежать и не бежать одновременно; но «одновременно» определяет «иметь способность» — так это истинно, ибо некто возможен так, что одновременно имеет способность бежать и не бежать. А то, что говорится, будто одна способность [имеется] о противоположностях, об этом было показано ранее: она одна субъективно, но не формально и сущностно. Отсюда иная способность — к бегу, и иная — к не-бегу, и иная — к оздоровлению, и иная — к заболеванию; следовательно, способности различны, как и действия. К другому: всё возможно и т. д. Следует сказать, что как [нечто] возможно, так, будучи положенным в действии, оно не влечёт невозможного, ибо континуум возможно делить до бесконечности не по совершенному действию, но по несовершенному, с которым всегда смешана возможность, так как он никогда не делится так, чтобы не оставалось ещё чего-то, что надлежит делить. Отсюда действие не может быть отделено от возможности; поэтому континуум делим по любому знаку в отношении несовершенного действия, но не в отношении совершенного действия, ибо целое было бы разделено по любому знаку, но по одному знаку оно разделено, а по другому остаётся делимым.

Вопрос V. Существует ли в природе вещей нечто возможное, что никогда не будет?

«Если же есть то, что сказано возможным, поскольку следует» и т. д.

Исследуется относительно этой части: существует ли в природе вещей нечто возможное, что никогда не будет? И аргументируется, что да, авторитетом Аристотеля в приведённом тексте из данного определения возможного: не существует чего-либо возможного, что, однако, никогда не будет, как некоторые полагали, будто это невозможно. Аристотель говорит здесь в тексте. Далее, если бы это было так, тогда нечто возможное было бы невозможным; это ложно о нём, ибо возможное и невозможное сами по себе противоположны. Следствие ясно через Комментатора в девятой [книге] этого [труда], где он говорит, что ничто не будет возможным; следовательно, если возможное, которое никогда не будет, есть невозможное. Далее, если бы это было так, тогда нечто имело бы способность к возникновению, которое никогда не возникнет; но это ложно, ибо говорит Комментатор в девятой [книге] этого [труда]: ничто не имеет способности к разрушению, чтобы не разрушиться, и ничто не имеет способности к возникновению, чтобы не возникнуть. Следствие ясно, ибо то вообще возможно, что никогда не возникнет.

Противное аргументируется. Нечто есть возникаемое, что никогда не возникнет, как обычно говорится по авторитету Аристотеля во второй [книге] «О возникновении», ибо хотя всё разрушимое необходимо разрушается, однако не всё возникаемое необходимо возникает, как он говорит: «Будет идти [тот], кто не будет идти»; и таким образом возможна ходьба в том, кто никогда не будет идти. Следствие ясно: поскольку нечто есть возникаемое, что никогда не возникнет, а возникаемое возможно, следовательно, нечто будет возможным, что никогда не будет.

ЗАМЕЧАНИЕ: некоторые говорят на этот вопрос согласно намерению Аристотеля, что ничто вечное не разруσιμο, или не способно не быть, и это он доказывает в первой [книге] «О небе». Отсюда для доказательства этого они предполагают две вещи. Во-первых, что при положении возможного в бытии не следует ничего несовместимого, хотя иногда следует ложное; и это не нуждается в разъяснении. Во-вторых, они предполагают, что два противоречащих [положения] не могут быть одновременно, как и две противоположности, хотя некто одновременно имеет способность сидеть и не сидеть, если соединить «одновременно» с «иметь способность», а не с «сидеть». Отсюда это первое достоинство Аристотеля в четвёртой [книге] этого [труда]: невозможно, чтобы одно и то же одновременно было и не было. При этих предположениях аргументируется так: невозможно то, что, если его положить разрушенным, влечёт невозможное, по определению невозможного. Возможно то, что, будучи положенным, не влечёт ничего невозможного. Напротив, невозможно то, что, будучи положенным, влечёт невозможное. Но если вечное полагается разрушенным, тогда следует невозможное: что нечто одновременно было бы и не было в одном и том же мгновении; ибо поскольку оно вечно, оно всегда есть, и так в любое время; а поскольку оно разруσιμο, и разрушено, то в то время, когда его нет; и таким образом оно одновременно было бы и не было в одно и то же время. Отсюда все естествоиспытатели согласны в том, что ничто вечное не разруσιμο. Тогда эти двое говорят, что это основание ослаблено в отношении этого заключения; тогда с другой стороны и с той же силой заключается, что ничто всегда не-сущее не возможно. И через обращение: ничто возможное не есть всегда не-сущее. И они аргументируют так: невозможно то, что, будучи положенным, влечёт невозможное, по определению невозможного; но если всегда не-сущее полагается возможным, следует невозможное, а именно: нечто одновременно есть и не есть, поскольку оно всегда не-сущее в любом мгновении времени имеет не-бытие; но поскольку оно

возможно, тогда некогда будет и имеет бытие, ибо при положении возможного в бытии и т. д.; и таким образом нечто одновременно будет и не будет. Следовательно, остаётся, что ничто всегда не-сущее не возможно, и через обращение: ничто возможное не есть всегда не-сущее; и таким образом всё возможное некогда будет. Иначе формируется это основание, и возвращается к тому же. Если нечто возможно в будущем, что никогда не будет, тогда одно и то же может одновременно быть и не быть, соединяя «одновременно» с «быть»; но это невозможно по второму предположению. Следствие ясно: если положено, что оно возможно, равным образом может и не быть? ибо полагается, что никогда не будет. И подтверждается: если нечто возможно в будущем в некотором мгновении, пусть будет обозначено то мгновение, в котором возможно быть и не быть, в котором — А. Пусть это возможное будет В, и В может быть в А и также не быть в А, ибо никогда не будет; и таким образом может одновременно быть и не быть, и, следовательно, одновременно будет и не будет в А. Далее, всегда сущее и всегда не-сущее суть противоположности, равным образом необходимое и невозможное, [как сказано] в первой [книге] «О небе» и второй [книге] «Об истолковании». И это аргументируется так: всё всегда сущее необходимо, следовательно, всегда не-сущее невозможно; антецедент из первой [книги] «О небе». Следствие ясно, как предложенное в предложенном, так и противоположное в противоположном, и т. д.; и это сохраняется в прошедшем для себя и в том же роде противоположности. Далее, если нечто возможно, что никогда не будет, тогда нечто есть всегда не-сущее и не всегда не-сущее; но это невозможно, ибо это противоположности. Следствие ясно, ибо возможное полагается не всегда не-сущим, а то, что никогда не будет, есть всегда не-сущее. И эти первые два основания суть основания Аристотеля более близкие; но эти последние суть основания Аристотеля.

ЗАМЕЧАНИЕ: эти [люди] выдвигают сомнения против этого положения. Если нет ничего возможного, что не будет, тогда всё будущее произойдёт по необходимости; это ложно, [как сказано] во второй [книге] «Об истолковании», ибо тогда не нужно было бы совещаться и заниматься делами. Следствие ясно: после того как всё возможное по необходимости будет, тогда всё будущее произойдёт по необходимости. Отсюда и Комментатор говорит во второй [книге] «Физики»: «Говорить, что всё происходит по необходимости, — пустое»; и в «Физике» ему противоречили бы. Далее, это положение противоречит свободе воли. Свобода воли существует; это ложно и против всех законов. Следствие ясно, ибо свободное есть возможное избрать, и ничто не избирает это. Если бы, следовательно, не было ничего возможного, что никогда не будет, тогда [человек] не имел бы способности избрать то, что никогда не изберёт. Далее, если всё возможное некогда будет, тогда ничто не будет случайным в обоих направлениях; но это ложно, [как сказано] в первой [книге] «Первой аналитики». Следствие ясно, ибо к понятию случайного относится возможное быть и, однако, никогда не быть. Если же ничто не возможно, кроме того, что некогда будет, тогда не будет случайного в обоих направлениях. Далее, если всё возможное по необходимости некогда будет, тогда ни один человек не был бы порицаем за пороки и не восхваляем за добродетели; это ложно. Следствие ясно, ибо за то, что происходит по необходимости, никто не восхваляется и не порицается. И подтверждается: говорит Аристотель в третьей [книге] «Этики», что за то, что присуще от природы, не следует кого-либо упрекать, ибо безобразного от природы никто не упрекает, как слепорождённого, но жалеет его; но если кто-то преступает закон, он имеет невозможность исполнить закон, ибо не может иного. Отсюда если бы он имел способность исполнять закон, тогда необходимо исполнил бы закон и таким образом не порицался бы за преступление закона; равным образом не восхвалялся бы за соблюдение и исполнение. Далее, тогда не было бы наказания за злые действия; но это против всех законов. Следствие ясно, ибо наказание существует для того, чтобы не совершалось подобное зло, которое совершали и которое могут совершить. Следствие держится: они либо по необходимости совершат, и тогда не должны быть наказаны; либо по необходимости не совершат, и тогда опять не должны быть наказаны. Далее, возможно, что некто

умрёт прежде, чем помыслит нечто мыслимое, например, что треугольник имеет три угла, равные двум прямым, и никогда не помыслит такое мыслимое. Тогда спрашивается: после этой способности мыслить, более того, имел ли он прежде способность мыслить это мыслимое или нет? Если скажут, что да, а именно что он имеет способность мыслить это, тогда не всё возможное будет по необходимости. Если скажут, что он не имел способности мыслить это, это ложно, ибо способность мыслить следует за человеческой формой *per se* и за акциденциями, которые следуют за видом, а также за индивидами того же вида, как ясно через Комментатора во второй [книге] «О небе» и через Аристотеля. Далее, если так, тогда ни одно животное не было бы слепым от рождения и глухим; это ложно. Следствие ясно: если слепой от рождения, тогда никогда не увидит; следовательно, не имеет способности видеть, ибо всё способное необходимо будет по необходимости в том, что не видит, хотя и способно по природе видеть. Далее, если всё возможное некогда по необходимости будет, тогда ничто не будет напрасным; это ложно, [как сказано] во второй [книге] «Физики». Следствие ясно, ибо напрасно то, что по природе способно к чему-либо стремиться, но не достигает; и таким образом, если всё возможное по необходимости будет, тогда ничто не будет напрасным, ибо всё достигает своей цели. Далее, говорит Комментатор в девятой [книге] «О небе», что хотя способность к разрушению не может быть бесконечной, однако способность к возникновению *per accidens* бесконечна как отдалённая способность. Если тогда всё возможное некогда по необходимости будет, тогда способность не бесконечна к возникновению.

На эти сомнения отвечается согласно намерению Аристотеля. К первому: если всё возможное и т. д. Следует сказать, что необходимость двояка: непрерывная и прерывистая. Непрерывная необходимость — та, по которой нечто имеет бытие в любое время и в любое мгновение времени, как человек в видах имеет непрерывную необходимость, ибо по собственному [бытию] в любое время имеет бытие. Но прерывистая необходимость двояка: одна — прерывистая необходимость, определённая относительно природы и относительно нас; другая — необходимость, неопределённая относительно нас и определённая относительно природы. Прерывистая необходимость, определённая относительно природы и для нас, находится в крайних частях времени, но в среднем времени нет той же природы; мера среднего времени тогда сомнительна для определения познанного, и относительно нас, и относительно природы, как затмение солнца или луны необходимо прерывистой необходимостью, однако определённой относительно природы и для нас. Отсюда оно иногда есть, а иногда нет, как в среднем времени между двумя крайними временами, в которых оно есть; и оно определено относительно природы, ибо время, в которое оно есть, известно природе письма, а также известно нам согласно философии, в течение какого времени его не будет и в какое время оно будет. Но прерывистая необходимость, неопределённая для нас, однако определённая относительно природы, есть и достоверна естественно: в течение какого времени его не будет и в какое время оно будет; но для нас это недостоверно, как когда некто, копая, находит клад: это не необходимо непрерывной и определённой для нас необходимостью, ибо нам не известно, в какое время это начнётся, и это из-за изменчивости и неопределённости причин. Отсюда никто не знает определённого мгновения этого.

Из этого следует ответить на первое сомнение: согласно намерению Аристотеля, не всё происходит по непрерывной необходимости или по прерывистой необходимости, определённой для нас; однако всё происходит по некоторой необходимости, поскольку со стороны причинности противоречащие [вещи] определены относительно природы и относительно нас, или определены относительно природы, но неопределённые для нас, ибо иначе следовало бы невозможное, как то, что ты сидишь и не сидишь. И ты говоришь, что не нужно совещаться. Следует сказать, что это верно, если бы всё происходило по непрерывной необходимости или по прерывистой необходимости, определённой для нас и для природы. Но однако если не всё происходит по необходимости, то относительно того, что происходит по прерывистой необходимо-

сти, определённой для нас, мы не совещаемся и не занимаемся делами, ибо это происходит согласно природе, как относительно затмения солнца: совещаемся мы или нет, оно всё равно произойдёт; но мы вполне совещаемся относительно служений из-за определения самого [времени], вычисляем и трудимся в исследовании определённого времени, в которое это происходит. Далее, кажется, что это основание требует противоположного: если всё происходит по необходимости, нужно совещаться, ибо совещаться — из числа возможного; следовательно, по необходимости нужно совещаться. Против этого аргументируется: после того как нечто исполнимое по необходимости будет, зачем мы совещаемся, как будто это напрасно, если оно не может не произойти? Ибо тот совет, который упорядочен к некоторому будущему бытию, которое, однако, не может не быть, как солнце, находящееся на востоке, по необходимости будет на западе согласно течению физики, и это через местное движение, ибо на запад не приходят иначе как через местное движение; и однако местное движение не напрасно, ибо упорядочено к тому, что солнце будет на западе, хотя невозможно, чтобы солнца не было в будущем там. Равным образом совет упорядочен к тому, чтобы совершить некоторое будущее бытие, и не напрасен из-за того, что не может не действовать. К другому: что погибнет свободная воля, — отрицается, ибо свобода воли не в том, чтобы некто мог избрать иное и не избрать, ибо противоречащие [вещи] были бы одновременно; но для свободы воли достаточно, чтобы некто избирал цель и ради неё самой. Говорится, что он не имеет способности не избрать, ибо свободно то, что ради себя самого, как говорится в первой [книге] этого [труда]. И не называется свободным нечто из-за желания чего-либо, что также могло бы не желать; но однако называется свободным, потому что желает нечто в разуме и ради себя самого. И говорится согласно Аристотелю, что свободно движет то, что есть первое движущее, ибо избирает и желает двигать ради себя самого и не может не двигать, ибо не может не двигать согласно Аристотелю, как свет освещает по необходимости при присутствии освещаемого и не может не освещать при присутствии тела, которое должно быть освещено. Отсюда и сказал некий законник, что способность грешить, добавленная к воле, не увеличивает свободу, но уменьшает. Отсюда хотя воля [направлена] к некоторому благому действию, поскольку не может не действовать, она ещё свободна; ибо если бы она была способна не действовать, тогда не увеличила бы свободу, но уменьшила. К другому: если всё возможное и т. д., следствие отрицается. Ты говоришь: в силу понятия случайного и т. д. — отрицается. Отсюда для случайного в обоих направлениях достаточно, чтобы некоторый индивид был в одно время под бытием и в другое время под небытием, или чтобы один индивид был под одним бытием, а другой индивид — под небытием; но не требуется для случайного в обоих направлениях, чтобы он мог сидеть и однако теперь сидел, но достаточно, чтобы в одно время сидел, а в другое — нет последовательно, ибо иначе было бы совпадение. К другому: если всё возможное и т. д., следствие отрицается, ибо хотя это по необходимости действует, однако ещё некоторое действие заслуживает похвалы, когда действует согласно правильному разуму, ибо разум всегда отвращает к противоположному терпению. Ты говоришь: из того, что по необходимости и т. д. Следует сказать, что необходимость двояка: насилия, которая происходит от внешнего импульса, как если бы сильный человек удерживал силой другую руку; это необходимость насилия, и то, что присуще по необходимости насилия, никого не делает ни похвальным, ни порицаемым. Другая — необходимость неизбежности из-за несовместимости противоречащих [вещей]; то, что присуще по этой необходимости, не должно быть ни хвалимо, ни порицаемо. Но так из того, что некто действует согласно установлению законов или избирает преступить закон, это происходит по необходимости не насилия, но неизбежности из-за несовместимости противоречащих [вещей], как если некто действует хорошо или плохо, это происходит по такой необходимости; следовательно, он должен быть хвалим или порицаем. Отсюда гнев избирает действовать благо, ибо действует благо и не может не избрать, как в едином Боге, и первенство в том, что не может исполнить. К другому доказательству: некто не должен быть хвалим за то, что присуще от природы. Сле-

дует сказать, что из того, что присуще от природы, одно присуще от природы души, а другое — от природы тела. Но из того, что присуще душе, некто должен быть хвалим или порицаем; отсюда человек благого рождения, который делает доброе и не может делать злое, должен быть хвалим. Равным образом человек злого рождения, который делает злое, ибо не может делать доброе, должен быть порицаем. Отсюда и Порфирий сказал, что вид Приама достоин власти; это свидетельствует о доброй склонности к деланию доброго и о том, что он не может делать злое; но то, что присуще со стороны тела, не должно быть ни хвалимо, ни порицаемо, как если бы некто был слеп от рождения или уродлив, он не должен быть порицаем. Иначе можно сказать, что то, что присуще от природы, может относиться двояко. Одним образом — то, из чего не следует зло для других, как природные [вещи], не присутствующие [в душе]; они не должны быть ни хвалимы, ни порицаемы, как если ты находишься в теле, из этого не следует зло для других. Другое — природное, из чего следует зло для других, как то, что кто-то не действует согласно законам и не поклоняется Богу; из этого следует зло для других; за это некто должен быть упрекаем. И есть также природное, из чего следует благо; за это он должен быть хвалим, хотя это и не от индивидуальной природы; однако из этого законодатели установили наказания или похвалу, из чего следует благо или зло для других. К другому сомнению: если бы это было так, тогда следствие отрицается, ибо злые должны быть наказаны, потому что совершают зло, которое не могут не совершать. И ты говоришь, что это по необходимости. Следует сказать, что если это по необходимости, которая из-за несовместимости противоречащих [вещей], и если это ведёт ко злу некоторых, тогда [злодей] должен быть наказан. Но некто, совершающий зло по необходимости насилия, не должен быть наказан. И ты говоришь, что некто, взирая на наказание кого-либо, либо не может не делать, либо не может делать. Следует сказать, что он не может делать того, чего не делает. Ты говоришь, что наказание будущее. Следует сказать, что нет, ибо наказание упорядочено не к тому, что некто не может не делать зла, но к тому, чтобы он не делал зла; как солнце на западе может быть на востоке через местное движение, и однако из-за этого местное движение не напрасно, ибо местное движение упорядочено не к тому, что солнце теперь на востоке, но к тому, чтобы оно было там. Наказание упорядочено к тому, что [злодей] не может делать зла, а не к тому, что он не может не делать зла. К другому сомнению: что может и т. д., некто умрёт и т. д. — допускается. И ты говоришь: способность мыслить и т. д., более того, ты говоришь, что я имею способность мыслить это. Следует сказать, что я не имею способности мыслить это. И ты говоришь: способность мыслить это и т. д. — допускается способность к мыслимому, которое будет помыслено; но способность мыслить другое, что не будет помыслено, не следует из формы. Отсюда индивид имеет способность мыслить только о том, что помыслено и что будет помыслено; но о другом, что никогда не будет помыслено им, он не имеет способности мыслить, как ты имеешь способность видеть видимое не всё, но только то, что будет увидено; и так и о другом. К другому сомнению: если бы это было так, следствие отрицается. К доказательству: после того как слепой и т. д., — верно. И ты говоришь: слепой имеет способность и т. д. Следует сказать, что не обязательно слепому иметь просто способность видеть, но он вполне имеет не-противоречие, ибо ему не противоречит видеть. Отсюда слепой — тот, кто не видит, однако не имеет способности видеть, но имеет не-противоречие; отсюда ему не противоречит быть в большей степени, чем способность, ибо всё способное есть не-противоречащее, но не наоборот. К другому сомнению: если это так и т. д., следствие отрицается, ибо напрасно то, чему не противоречит достичь цели, которую оно не включает; но не обязательно, чтобы оно могло включить цель, достаточно, чтобы ей не противоречило.

К авторитету Комментатора: способность к возникновению — следует дать авторитет через авторитет, ибо он говорит в девятой [книге] этого [труда], что ничто не имеет способности к возникновению, чтобы не возникнуть; равным образом ничто не возможно, чтобы не быть. Следует сказать на авторитет, что способность к возникновению бесконечна. Комментатор понимает это со стороны «до», ибо к возникновению его присуща бесконечная способ-

ность в прошлом; но не понимается со стороны «после», ибо это отличается от разрушения, так как способность со стороны «до» не бесконечна к разрушению, ибо разрушимое предполагает сущее. Следовательно, если бы разрушимое со стороны «до» имело бесконечную способность к разрушению, тогда оно было бы сущим вечным со стороны «до», что ложно, [как сказано] в первой [книге] «О небе», ибо индивид, актуально бесконечный, не происходит в разрушении иначе как со стороны «после», как ясно. И они добавляют, что так говорится на вопрос согласно намерению Аристотеля и Комментатора. Но затем они добавляют, что следует сказать иначе на вопрос согласно вере и истине: что нечто возможно, что никогда не будет, и нечто возникаемое, что никогда не возникнет; и этому должно верить твёрдо и просто по намерению святой веры, и этому должно смиренно соглашаться с учителями Священного Писания. И если сомневаются, должно ли это держаться без доказательства, [то отвечают], что это выше природы. И из того, что мы верим просто и истинно из glorious божественной силы, мы имеем заслугу; отсюда возможно, что некто может избрать и однако никогда не избирает, и может желать то, чего никогда не желает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.